Проф. Евгеній Бобровъ.

ФИЛОСОФІЯ ВЪ РОССІИ.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Выпускъ II.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета
1899

Кр.

3.4160
Бов

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *Смирновъ*.

БИБЛИОТЕКА
КОМИССИИ ОТИЧЕ
АКАДЕМИИ
3360
25

Отъ автора.

Предлагаемый томъ содержитъ рядъ этюдовъ детальной разработки первоисточниковъ по исторіи философіи въ Россіи. Не по силамъ одного человѣка, да и рановременно еще ожидать цѣльной и связной исторіи философіи въ Россіи и всѣхъ ея эпизодовъ, разработанныхъ столь же детально, когда соприкасающіяся и сосѣднія съ нею области, както исторія русской литературы XIX в., исторія просвѣщенія, журналистики, исторія русскаго общества за тотъ же періодъ либо еще совсѣмъ не затронуты, либо находятся еще почти въ зародышѣ.

Большинство отдѣльныхъ этюдовъ, находящихся въ моей книгѣ, связано нѣкоторою общею мыслію и касается различныхъ сторонъ одного и того же явленія: шеллинговой философіи на русской почвѣ. Таковы этюды о московскихъ шеллинговцахъ М. Г. Павловѣ и Д. В. Веневитиновѣ, о петербургскомъ послѣдователѣ той же школы Д. М. Велланскомъ; къ этому присоединяется І. Шадъ, дѣйствовавшій въ Харьковѣ, и обыкновенно, причисляемый къ тому же направленію.

Біографіями и трудами поименованныхъ лицъ я занимаюсь въ широкихъ размѣрахъ, и настоящіе этюды суть лишь первые опыты разработки относящихся сюда матеріаловъ, весьма обширныхъ.

Въ виду полнаго почти отсутствія какихъ-либо подготовительныхъ работъ по исторіи философіи на Руси (въ смыслѣ

детальнаго изученія первоисточниковъ) приходится заниматься и побочными отраслями исторической науки, както библіографіею. Вотъ почему въ книгу вошли этюды о философскихъ книгахъ въ провинціи и о сочиненіяхъ Козлова, носящіе, по преимуществу, библіографическій характеръ. Трудъ мой не оканчивается на этомъ второмъ выпускѣ. Уже печатается третій томъ, за которымъ послѣдуютъ еще другіе, если автору силы его и здоровье дозволятъ систематизировать и подготовить къ печати собранные имъ весьма многочисленные матеріалы изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать благодарность тѣмъ лицамъ, которыя любезно и охотно помогали мнѣ въ въ разысканіи нужныхъ книгъ, а именно, библіотекарямъ: *В. П. Ламбину* въ Петербургѣ, *Э. А.* и *Г. А. Шульцамъ* въ Юрьевѣ, *Н. Л. Трубникову* и *Г. С. Володину* въ Казани.

23. II. 98.

Казань.

Проф. Евгеній Бобровъ.

Поправки и дополненія.

Стр. 2 (перваго выпуска) надобно: „Московскихъ Вѣдомостяхъ“..... „Вѣстникѣ Промышленности“ (строки 4 и 3 снизу).

Стр. 5 (сего выпуска) надобно: сочиненіи (прим. I).

Стр. 22 надобно: Проф. Каритара рѣчь: De nexu etc.

Къ стр. 23 и 43. Рѣчь *Рейта* Geist и т. д. перепечатана у Шада, Deutsche Chestomathie, Харьковъ, 1813, стр. 285—297. Туда же, стр. 240—284—вошла проповѣдь самого Шада (по его списку на стр. 43—№ 6) Beruhigungsgründe etc.

Стр. 24. Надобно: Учителя Любовскаго Логика etc.

Стр. 27. Надо: 1839 г. (а не 1838 г.).

Къ 1809 г. (стр. 45—46) надо прибавить: Латинскій переводъ Высочайше утвержденнаго 5-го ноября 1804 г. Устава Университета, сдѣланный проф. Стойковичемъ и *Шадомъ* (Фойгтъ, стр. 141).

Колюпановъ (Біографія Кошелева, I, 2, стр. 298) неправильно цитируетъ по Фойгту, рѣчь Шада: О томъ, что въ нынѣшнее время основательное изученіе философіи *всѣмъ нужно*; у Фойгта, стр. 143 и выше (у меня), стр. 23—*весьма нужно*.

Къ стр. 55—60. О *Гриневичѣ* есть свѣдѣнія еще въ Біограф. словарѣ проф. и преп. Императорскаго Унив. св.

Влад. (*В. С. Иконникова*), стр. 139—141 и у *Барсукова*, Жизнь Погодина, V т., стр. 49—50, 500 и VI т., стр. 252.

Стр. 74—нужно Le Furet.

Стр. 79, 83, 85 и 87 надо въ заглавіи труда В-аго: „магнитизмъ". „Животный магнитизмъ заключаетъ: титулъ + посв. + VIII (предисловіе) + 404 + 6 ненум. ($5^1/_2$ оглавленіе содержаній + $^1/_2$ стр. опечатки). Цензурное разрѣшеніе *Ив. Тимковскаго* отъ 30 марта 1818 года.—Безсмертной, блаженной памяти Доктора Антона Месмера, открывшаго животный магнитизмъ, и удержавшаго оный съ непоколебимою твердостію противъ нападковъ и гоненій! *Посвящается отъ издателя.*

Стр. 86, прим. I. надобно: F. Weisse.

Стр. 110: надобно: редакція „Молвы".

Къ стр. 110: Въ пансіонѣ Павлова воспитывался также Дм. Александр. *Валуевъ*, видный членъ младшаго (второго) кружка славянофиловъ (см. *Н. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина, VII, стр. 422).

Къ стр. 239—240. „Атеней"—„Благонамѣренный Московскій"—стихъ *Языкова.*

Къ стр. 247 и 255. Некрологъ *Я. А. Дружинина* (1771—1849), почитателя Велланскаго, помѣщенъ въ „Отчетахъ Имп. Акад. Наукъ по отд. р. л. и сл." (Платнева), СПБ., 1852 г., стр. 246—248 (Отчетъ за 1849 г., V.

Оглавленіе.

I. Философскія произведенія Д. В. Веневитинова . . 1
II. Философскія книги въ провинціи 19
III. Изъ біографіи Іоанна Шада 38
Прибавленіе. Гриневичъ 55
IV. Замѣтки о Д. М. Велланскомъ 61
V. О сочиненіяхъ А. А. Козлова 88
VI. Натурфилософія М. Г. Павлова 106
VII. Прибавленія. Письма Д. М. Велланскаго . . . 220
Къ стр. 84—87 231
Къ стр. 126—129 235
Pawlowiana 239
Н. И. Розановъ 244

I.

Философскія произведенія Д. В. Веневитинова.

....Онъ дышетъ жаромъ красоты,
Въ немъ *умъ и сердце согласились*,
И *мысли* полныя *носились*
На легкихъ крыліяхъ *мечты*.. ...

(Д. В. Веневитиновъ, соч., стр. 117).

Предлагаемая статья есть краткое извлеченіе изъ спеціальной монографіи о Д. В. Веневитиновѣ, разсматривающей его жизнь, поэзію, его философскіе и литературно-историческіе труды. Статьи изложены почти вездѣ собственными словами автора. Ссылки сдѣланы на лучшее и полнѣйшее до сихъ поръ изданіе полнаго собранія сочиненій Д. В. Веневитинова, сдѣланнаго Пятковскимъ (нынѣшнимъ редакторомъ журнала „Наблюдатель)“ въ 1862 въ Петербургѣ, стр. 263, гдѣ стр. 1—60 занимаетъ вступительная статья издателя „О жизни и сочиненіяхъ“ поэта (весьма важный матеріалъ, собранный изъ неизданныхъ источниковъ), стр. 63—118 оригинальныя стихотворенія, стр. 121—148 переводы въ стихахъ,—оригинальная проза стр. 151—226 и прозаическіе переводы—стр. 229—260.

Развитіе философіи въ Россіи, какъ извѣстно, текло по двумъ русламъ. Съ одной стороны, существовала *школьная философія*, которая преподавалась въ университетахъ, гимназіяхъ, духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ. Философскія направленія, находившія себѣ мѣсто въ этомъ руслѣ, были схоластика, вольфіанство и различные оттѣнки универсализма. Эта философія школьная почти не выходила за предѣлы лекцій и экзаменовъ, не переступала училищнаго порога; она была, такъ сказать, искусственнымъ насажденіемъ и служила лишь практическимъ цѣлямъ обученія и воспитанія. Представители этого теченія философіи въ Россіи зачастую не были даже спеціалистами представляемой ими науки; они были *чиновниками*, которые нерѣдко преподавали совсѣмъ другіе предметы и наряду съ ними—философію, когда имъ начальство поручало философскую каѳедру. Эта школьная философія была безжизненна и оставалась почти безъ всякаго отклика и вліянія на общество.

Съ другой стороны были философскія направленія, которыя отъ времени до времени увлекали собою, какъ бурнымъ потокомъ, почти всю русскую интеллигенцію.—Такую роль философіи всѣхъ образованныхъ играли въ XVIII вѣкѣ въ Россіи матеріализмъ („вольтеріанство“), а также мистика и франмасонство; во вторую половину XIX вѣка то же самое значили матеріализмъ, соціализмъ, позитивисмъ, спиритисмъ. Хотя представители подобныхъ направленій и появлялись иногда на каѳедрахъ, но въ общемъ перечисленныя міровоззрѣнія принадлежали къ тѣмъ, которыя изгоняли изъ школы. Главнымъ орудіемъ пропаганды этой нешкольной философіи служила не каѳедра, а печатное слово и аффиліація личныхъ знакомыхъ въ кружки.

Въ исторіи русской культуры эти кружки играютъ важную роль. По своему характеру они были весьма разнообразны. Сначала членовъ кружка единили, по преимуществу, интересы философскіе и литературные. Въ послѣдствіи стали образо-

ваться кружки съ иными цѣлями и задачами: не ограничиваясь уже совмѣстнымъ изученіемъ философіи, или иныхъ какихъ-либо наукъ (какъ, напр., общественныхъ), стали задаваться планами нравственнаго перевоспитанія себя, друзей, наконецъ, всего общества—на свой образецъ, даже не отступая для достиженія своихъ предначертаній передъ насиліемъ и общественно-политическимъ переворотомъ.

Однимъ изъ первыхъ кружковъ, преслѣдовавшихъ мирныя цѣли занятій литературою и философіею, былъ московскій кружокъ послѣдователей философіи Шеллинга.

Шеллингу въ Россіи посчастливилось: онъ нашелъ себѣ почитателей гораздо болѣе, чѣмъ какой-либо другой *нѣмецкій* философъ до него. Его ученіе проповѣдывалось, распространялось, какъ въ журналахъ, такъ и устной пропагандою, даже проникло отчасти въ школу. Шеллинга излагалъ въ Петербургской медико-хирургической академіи *Д. М. Велланскій*, а въ Петербургскомъ университетѣ и Педагогическомъ институтѣ злосчастный *А. И. Галичъ*. Въ Московскомъ университетѣ ту же философію преподавали *И. И. Давыдовъ*, *Н. И. Надеждинъ* и *М. Г. Павловъ*.

Кружокъ молодыхъ людей, сплотившихся во имя Шеллинга, состоялъ изъ даровитыхъ и высокообразованныхъ людей. Изъ него вышли замѣчательные дѣятели, если не спеціально науки философіи, то—литературы, критики, исторіи. Достаточно указать на имена *М. П. Погодина*, Ивана Вас. *Кирѣевскаго*, князя Владимира Ѳед. *Одоевскаго*. Къ нему же принадлежалъ и юноша-поэтъ *Д. В. Веневитиновъ*, къ которому судьба была менѣе благосклонна, чѣмъ къ его только-что поименованнымъ товарищамъ по кружку и убѣжденіямъ: ему не дано было развить свои таланты во всей ихъ красѣ и силѣ. А способности его были выдающіяся и очень разнообразныя. Онъ выступалъ и какъ поэтъ, и какъ литературный критикъ, и какъ мыслитель-философъ. Общимъ обозрѣніемъ его философскихъ трудовъ мы и намѣрены теперь заняться.

Въ высшей степени было бы интересно прослѣдить, какіе именно философскіе вопросы трактовались въ этой первой на Руси по времени философской компаніи, а также опредѣлить тѣ способы и методы, какіе прилагались къ разрѣшенію интересовавшихъ юношей вопросовъ.

Удовлетворить нашему желанію, отчасти, могутъ сохранившіяся статейки нашего поэта-философа, читанныя и заслушанныя на общихъ товарищескихъ собраніяхъ. Эти статьи были предлагаемы авторомъ на общее обсужденіе. Таковы: „Скульптура, живопись и музыка“, „Утро, полдень и вечеръ“ и „Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ“ (см. стр. 15 и 151).

„Скульптура, живопись и музыка“ [1]).

Эта статья написана необыкновенно цвѣтистымъ языкомъ и въ формѣ аллегоріи. Три божественныя дѣвы—сестры, царствующія во вселенной, промѣняли небо, колыбель свою, на долину желаній и усилій. Но не имъ принадлежитъ вѣнецъ безсмертной славы; онъ будетъ вѣчно на главѣ ихъ матери. Онѣ же украсили все видимое. Первая сестра была послана матерью оживить вселенную въ очахъ человѣка; она указала ему на солнце, небо, разсѣяла горы и утесы; ея искусный рѣзецъ образовалъ каждое дерево, листъ и жемчужину, сокровенную въ глубинѣ раковины.

Вторая сестра внесла разнообразіе на землю безцвѣтную; она разлила по небу чистую лазурь, одѣла долины и лѣса зеленымъ цвѣтомъ и т. д. Третья внесла въ міръ жизнь и нарушила мертвую тишину своимъ вздохомъ; все огласилось криками радости, и всѣ эти звуки слились въ общую гармонію.

Затѣмъ первая сестра внушила смертному похитить огонь, дающій жизнь, и вручила ему рѣзецъ, оживившій мраморъ. Человѣкъ окружилъ себя собственнымъ міромъ и получилъ

[1]) Стр. 157—160.

средство сохранять памятники своей славы отъ всеистребляющей косы времени.

Вторая дала человѣку кисть; черезъ нее стало для него возможнымъ вылить свои чувства на холстъ и сдѣлать себѣ мысль о безконечномъ понятною.

Третья сестра вложила въ человѣка таинственную арфу, которой струны дрожатъ при всякомъ впечатлѣніи и, унося человѣка какбы въ иной міръ, дополняютъ то, что̀ чувствуешь въ природѣ.

Въ заключеніе сестры заявляютъ, что весь міръ есть престолъ ихъ матери—поэзіи, недосягаемой для чувствъ смертнаго; вѣчность—ея слава, вселенная—ея изображеніе.

„Утро, полдень, вечеръ и ночь“ [1])

написаны по тому же рецепту. Въ предъидущей аллегоріи мы съ трудомъ можемъ добраться до основной, глубоко-мистической мысли о сотвореніи міра и промышленіи его согласно эстетическимъ (поэтическимъ) законамъ и о зависимости всѣхъ родовъ искусства отъ основнаго, въ глубинѣ ихъ лежащаго—поэзіи [2]). Вторая статья имѣетъ цѣлію подъ образомъ четырехъ временъ дня показать ходъ и смѣну четырехъ возрастовъ человѣка. Самой аллегоріи или „сну воображенія“ предшествуетъ маленькое философское вступленіе. Мечты о будущемъ и боязнь разрушенія суть де два основныя чувства человѣка. Послѣднее чувство такъ противно человѣческой природѣ, что онъ создаетъ себѣ особый міръ—безсмертія, который представляетъ собой самый утѣшительный предметъ для поэта и самый назидательный для мыслителя. Здѣсь Д. В. Веневитиновъ опять возвра-

---

[1]) Стр. 160—164.

[2]) О стремленіи универсалистической эстетики, трактуя объ искусствѣ вообще, имѣть въ виду одну лишь поэзію, искусство слова, и его законы возводить въ законы всей эстетики, см. въ *моемъ* сомнѣніи «О понятіи искусства» стр. 138 и 139.

щается къ свой любимой мысли: не *изгонять изъ области разсудка фантазіи*, которой мы обязаны прелестнѣйшими минутами въ жизни; и не для того ли созданы *всѣ чувства человѣка*, чтобъ *на богатомъ древѣ жизни породить мысль*, сей божественный плодъ, приготовляемый цвѣтами фантазіи?

За растолкованіемъ сдѣланныхъ намъ природою внушеній нужно обращаться къ ней самой съ вѣрнымъ о ней понятіемъ. Тогда все пояснится; *всякое явленіе—эмблема, всякая эмблема—самое цѣлое.* Этимъ положеніемъ Шеллинга, конечно, уже открыта для поэта дорога къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ „эмблемъ".

„*Утромъ*" человѣкъ, плѣненный красотою вселенной, хочетъ достигнуть недостижимаго, но на бѣду познаётъ полную невозможность своего предпріятія и рѣшается создать свой міръ; но онъ открываетъ вездѣ строгій законъ необходимости, неуклонно управляющій міромъ. *Днемъ* человѣкъ, сознавая и чувствуя въ себѣ силу, хочетъ поработить природу; но и въ бурю страстей человѣкъ не забываетъ своего высокаго предназначенія. Подъ *вечеръ* страсти гаснутъ. Любви жертвуетъ сила своими подвигами и получаетъ цвѣтокъ изъ рукъ прелестной подруги—вѣнецъ героя.

Ночью тишина склоняетъ его ко сну—къ воззрѣнію на самого себя. Теперь душа его свободна. Человѣкъ познаётъ истинную гармонію. Съ какимъ восторгомъ пробудится онъ, когда новый лучъ денницы воззоветъ его къ новой жизни, и онъ перенесетъ чувство изъ міра желаній въ міръ наслажденій!

Почти въ томъ же духѣ написанъ и отрывокъ изъ неоконченнаго романа, представляющій психологическій анализъ:

„Три эпохи любви" [1]).

Первая—это эпоха восторговъ. Первая любовь, подобно пламени, чиста и на все равно свѣтитъ.

---

[1]) Стр. 170—173.

Любовница юноши—одна вселенная. Какъ бы ни являлась ему красота, она для него равно прекрасна. *Вторая*—одинъ мигъ, но лучшій мигъ въ жизни. Душа упилась, и взоры устали разбѣгаться; имъ надобно успокоиться на одномъ предметѣ. Таковымъ является обыкновенно „чистая дѣва“. Какою прелестью облекаетъ ее молодое воображеніе! *Третья* эпоха любви—эпоха думъ. Мы недолго любимъ свои созданія, и природа приковываетъ насъ къ дѣйствительности. Дорого платитъ юноша за восторги второй любви своей. Онъ молчаливъ и задумчивъ. И если онъ подслушаетъ сердце, бьющееся согласно съ его сердцемъ,—съ какою радостью подаетъ онъ руку существу родному! Это—анализъ мастерской и, несомнѣнно, имѣющій автобіографическую подкладку.

Изложенныя статейки даютъ намъ нѣкоторыя данныя для характеристики Веневитинова, какъ мыслителя. Но несравненно важнѣе для насъ въ этомъ отношеніи его также читанная въ кружкѣ друзей

„Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ“,

которая написана по образцу многолюбимаго имъ Платона въ формѣ діалога [1]). Замѣтимъ, что Анаксагоръ, выступающій въ діалогѣ, не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ философомъ Анаксагоромъ. Платонъ рѣшаетъ сомнѣнія Анаксагора, также ученика Сократа, за рѣшеніемъ коихъ Анаксагоръ прибѣгаетъ къ нему. Анаксагоръ читалъ описаніе золотого вѣка и сожалѣетъ о томъ, зачѣмъ человѣку дана способность „мучить себя игрою воображенія“. На это Платонъ даетъ ему разъясненіе психической сущности поэта. „Поэтъ“ не вымышляетъ, онъ выражаетъ свои чувства, а всѣ чувства не въ воображеніи, а въ самой природѣ; онъ наслаждается въ собственномъ своемъ мірѣ, его мысль внѣ себя ничего не

[1]) Стр. 151—156

ищетъ; слѣдственно, поэтъ уклоняется отъ цѣли всеобщаго (нравственно-политическаго) усовершенствованія.

„Философія есть высшая поэзія“ [1]).

Итакъ здѣсь авторъ опять возвращается съ прежнею настойчивостью къ своей любимой мысли о коренномъ единствѣ дѣятельности разсудка и воображенія. Характеристиченъ навѣянный изученіемъ Шеллинга взглядъ на философію, какъ на нѣчто поэтическое.

Анаксагоръ проситъ Платона пояснить ему выраженіе „золотой вѣкъ“. Платонъ въ своемъ разъясненіи исходитъ изъ сократова обозначенія человѣка, какъ „малаго міра“ — вѣрнаго изображенія вселенной,—„эмблемы“ всякаго цѣлаго, и слѣдственно, всего человѣчества. На этомъ основаніи опять берутся различные возрасты человѣка. Всякій человѣкъ рожденъ счастливымъ, но чтобы познать свое счастіе, душа его осуждена къ боренію съ противорѣчіями міра. Душа младенца еще въ совершенномъ согласіи съ природою; но ему недостаетъ еще одного чувства—совершеннаго самопознанія. Причина всѣхъ дѣйствій юноши и человѣка возмужалаго—въ надеждѣ достигнуть той степени, на которой человѣкъ познаётъ самого себя. Старецъ видитъ, что путь трудовъ привелъ его къ независимости и самодовольству. Вотъ жизнь человѣка! онъ снова возвращается къ своему началу. Отсюда, если приложить то же правило къ ходу человѣчества, необходимо слѣдуетъ, что золотой вѣкъ и былъ, и будетъ еще.

Человѣкъ первобытный въ золотомъ вѣкѣ былъ „царемъ природы“, т. е. покорилъ ее. Чтобы познать свою силу, человѣкъ принужденъ испытать ее въ противорѣчіяхъ,—оттуда *расколъ между мыслію и чувствомъ*. Примѣръ: художникъ пораженъ идеею: хотя въ душѣ его тишина, но эта тишина

[1]) Ср. «Bruno» *Schelling'a*, изд. II, стр. 23:

Nachdem wir die höchste Einheit der Schönheit und der Wahrheit bewiesen haben, so scheint mir auch die der Philosophie mit der Poësie bewiesen.

предвѣтнсица бури. А когда онъ побѣдилъ всѣ трудности выполненія и выразилъ свою идею, тогда онъ позналъ свою силу и наслаждается истиннымъ спокойствіемъ.

Такъ и все человѣчество: познавъ свою силу, оно вторично станетъ царемъ природы, и наступитъ золотой вѣкъ. Жить есть ничто иное, какъ творить будущее, нашъ идеалъ. Но будущее есть произведеніе настоящаго, т. е. нашей собственной мысли.

Изложенный трактатъ отличается стройностью построенія, строгостью проведенія основной идеи и можетъ дать высокое понятіе о философскихъ способностяхъ Веневитинова. Такое же пріятное впечатлѣніе производитъ и философское

„Письмо къ графинѣ NN“,

собственно, къ его пріятельницѣ, княгинѣ А. И. Трубецкой, женѣ декабриста, которой поэтъ намѣревался въ рядѣ писемъ изложить цѣлую систему философіи [2]). Начавши съ разбора нѣмецкихъ стихотворцевъ, поэтъ обѣщалъ княгинѣ, сознававшей, что съ нея недостаточно одного ощущенія чувства прекраснаго, а хочется и дать себѣ отчетъ въ этомъ чувствѣ, узнать, какъ оно возникаетъ и съ чѣмъ связано въ общей психической системѣ,—„представить въ краткомъ и простомъ изложеніи, такую науку, которая совершенно удовлетворитъ ея любопытству“. Но онъ проситъ ее не забывать одного условія: если онъ хоть на одну минуту перестанетъ быть яснымъ, то пусть она изорветъ его письма и запретитъ ему писать объ этомъ предметѣ: требованіе, въ устахъ шеллинговца очень странное, ибо они то всего менѣе заботились именно о ясности и простотѣ и даже находили въ философскомъ „примракѣ“ особенный смакъ. Развитіе идеи въ письмѣ начинается съ разрѣшенія вопроса: „можетъ ли быть наука,

[1]) Стр. 174—181.
[2]) Стр. 174.

называемая философіей, и какъ родилась она?“ Это и составляетъ содержаніе перваго и единственнаго письма. Чтобы признать философію наукой, надобно сначала опредѣлить, что̀ такое—наука. На примѣрахъ ариѳметики и исторіи авторъ показываетъ, что основными условіями всякой науки служатъ два слѣдующія: 1) стремленіе привести частные случаи въ теорію; 2) каждая наука имѣетъ отдѣльный, ея только собственный предметъ; другими словами, эти два условія суть форма и содержаніе. Форма, т. е. приведеніе частныхъ случаевъ въ общую систему, присуща всѣмъ наукамъ, и онѣ различествуютъ между собою только по содержанію. „Форма“ выражаетъ общій законъ, которому наука необходимо слѣдуетъ. Остается только подвести и философію подъ это опредѣленіе науки; но для того надо предварительно разсмотрѣть, какъ родилась философія, такъ какъ мы еще не знаемъ, что̀ такое философія. Подобно развитію понятій каждаго отдѣльнаго человѣка, постепенно развивались и науки, исходя отъ наблюденія частныхъ случаевъ, и подчиняя ихъ общимъ законамъ. Чѣмъ болѣе наука привела частные случаи въ общую систему, тѣмъ ближе она къ совершенству. Слѣдовательно, совершеннѣйшая изъ наукъ будетъ та, которая приведетъ всѣ случаи, или всѣ частныя познанія человѣка, т. е. всѣ науки, къ одному началу; это и есть философія или наука наукъ, долженствующая имѣть своимъ предметомъ нѣчто общее всѣмъ наукамъ, т. е. общую ихъ форму. Итакъ, философія есть наука, такъ какъ имѣетъ и форму, и содержаніе: своимъ содержаніемъ она имѣетъ познаніе, какъ познавательную способность духа, а формою—присущее всякой наукѣ стремленіе къ общей теоріи. Въ слѣдующихъ письмахъ авторъ обѣщается показать, какъ всѣ науки (и естетика) сводятся на философію, и изъ нея обратно выводятся, обѣщается показать, какъ философія, несмотря на то, что обыкновенно была достояніемъ немногихъ, имѣла рѣшительное вліяніе на цѣлые народы, какъ, напр., у грековъ.

Читая это письмо, приходится, по-неволѣ, удивляться краткости, отчетливости и простотѣ изложенія, ясности основ-

ной мысли, достоинству воззрѣній на предметъ. Авторъ стоитъ на такой точкѣ зрѣнія, которую защищаютъ и донынѣ

Всякому убѣжденному человѣку, весьма естественно, хочется имѣть возможность высказать свои завѣтныя идеи, хочется создать органъ для выраженія таковыхъ. И дѣйствительно: кружокъ шеллинговцевъ создалъ себѣ печатный органъ, точно такъ же, какъ позднѣе кружокъ гегелевцевъ овладѣлъ „Отечественными Записками“, какъ впослѣдствіи и „Современникъ“, и „Русское Слово“, и „Дѣло“, и „Отечественныя Записки“, и „Слово“ уже ближайшаго къ намъ періода служили, каждое изданіе, органомъ извѣстной партіи, кружка изъ единомышленниковъ извѣстнаго направленія. Этимъ, какъ намъ кажется, журнальное дѣло у насъ по своей исторіи глубоко разнится отъ журнальнаго дѣла на Западѣ, гдѣ оно имѣетъ, по преимуществу, коммерческій характеръ, и гдѣ рѣдки изданія, являющіяся органомъ выраженія извѣстной системы принциповъ (каковымъ были Gallische Jahrbücher въ рукахъ лѣвогегелевцевъ). Лишь въ позднѣйшее время и у насъ начинаютъ нарождаться безразличныя, аферистическія изданія. Принципіальный, пропангадаторскій характеръ нашихъ журналовъ, конечно, стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ дидактическимъ характеромъ нашей русской литературы, стремившейся всегда быть впереди общества и стать для него проповѣдницею и указательницей „путей лучшихъ“. Можно сказать больше: такъ какъ почти всякій журналъ у насъ являлся до сихъ поръ носителемъ извѣстныхъ принциповъ и убѣжденій, и борьба между ними носила гораздо менѣе, и даже почти вовсе не носила характера экономической конкурренціи, а была, въ сущности, выраженіемъ происходившей въ обществѣ борьбы различныхъ умственныхъ теченій, то и исторія русской литературы новѣйшаго періода заключается, преимущественно, въ исторіи журналовъ и ихъ взаимныхъ отношеній; ибо вокругъ редакціи каждаго журнала и группировались писатели извѣстнаго лагеря, даже представители изящной литературы, какъ беллетристы и поэты.

И среди кружка юныхъ шеллинговцевъ возникла мысль о созданіи своего печатнаго органа, который являлся бы проводникомъ ихъ идей. Предвѣстницей такого органа была выходившая въ 1824—25 г. подъ редакціей кн. Вл. Ѳед. Одоевскаго, у котораго сначала и собирались молодые люди во имя „Любомудрія“,—„Мнемозина“ въ четырехъ книжкахъ [1]). Неизвѣстно, кому принадлежитъ первая концепція, но Веневитиновъ составилъ и прочиталъ на вечерахъ программу будущаго журнала подъ заглавіемъ:

„Нѣсколько мыслей въ планъ журнала [2]).

Исходною мыслію служитъ то положеніе, что страсть къ познанію и необходимое желаніе дѣйствовать влекутъ человѣка къ „самопознанію“. Науки и искуства суть развитіе этой начальной идеи. Исторія убѣждаетъ, что сія цѣль человѣка есть цѣль всего человѣчества, а любомудріе ясно открываетъ въ ней законъ всей природы. Съ этой точки зрѣнія каждый народъ является отдѣльнымъ лицомъ, который всѣ свои нравственныя усилія, носящія особый, племенной характеръ, направляетъ къ самопознанію. Просвѣщеніе есть та степень, на которой онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія. У всѣхъ *народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала отечественнаго*; ихъ произведенія, даже входящія въ составъ всемірныхъ пріобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера. Примѣняя всѣ эти условія къ Россіи, мы получимъ, что россійское просвѣщеніе есть *заимствованное*: оттуда это чувство подражательности и раболѣпство, оттуда совершенное отсутствіе свободы и истинной дѣятельности. Что же служитъ причиной такого печальнаго явленія?—Та быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла

---

[1]) Т. I. соч. Кирѣевскаго, стр. 8.

[2]) Стр. 164—169.

мнимое зданіе литературы. Если бы развитіе русской мысли шло естественнымъ путемъ, то характеръ народа развился бы собственной своею силою и принялъ бы направленіе самобытное; мы получили форму литературы прежде ея сущности. Мы не можемъ похвалиться ни однимъ памятникомъ, который бы носилъ печать свободнаго энтузіасма и истинной страсти къ наукѣ. Современные журналы служатъ пищею нашему невѣжеству.

Затѣмъ Веневитиновъ высказываетъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и чрезвычайно глубокихъ мыслей о ходѣ развитія и общемъ характерѣ исторіи русской литературы. Псевдоклассицисмъ палъ; его слѣды остались лишь въ немногихъ твореніяхъ, которыя съ безсильною упорностью стараются представить прошедшее настоящимъ. Но мы отбросили французскія правила не оттого, чтобы мы могли ихъ опровергнуть какою-либо положительною системой; правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствіи мысли.

Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. *Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ* есть *вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія.* У насъ языкъ поэзіи превращается въ механисмъ и дѣлается орудіемъ безсилія; у насъ чувство освобождаетъ отъ обязанности мыслить и отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія. Легче дѣйствовать на умъ, когда онъ пристрастился къ заблужденію, нежели, когда онъ равнодушенъ къ истинѣ. При такомъ положеніи дѣла представляется одно лишь средство къ возвращенію русской словесности на путь правильнаго развитія—совершенно остановить нынѣшній ходъ ея развитія и заставить ее болѣе думать, чѣмъ производить. Для сей цѣли надлежало бы *устранить* Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, и *опираясь на твердыя начала философіи,* представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, въ которой бы она видѣла свое предназначеніе. Такой цѣли

удовлетворило бы сочиненіе, въ которомъ разнообразіе предметовъ представляло бы различныя примѣненія одной постоянной системы—т. е. *журналъ*, раздѣленный на двѣ части: теоретическую—изслѣдованія ума и свойствъ его (философскій отдѣлъ), и практическій—примѣненіе общихъ началъ къ исторіи наукъ и искусствъ, причемъ надобно обратить особенное вниманіе на произведенія древняго міра,—ибо духъ древняго искусства представляетъ обильную жатву мыслей, безъ которыхъ новѣйшее искусство теряетъ большую часть своей цѣны [1]). Въ философіи и въ философской критикѣ изящныхъ произведеній найдетъ Россія залогъ своей самобытности и нравственной свободы въ литературѣ.

Такова, въ общихъ чертахъ, программа, намѣченная поэтомъ для предполагаемаго журнала. Вся она проникнута одною строго и блестяще проведенною мыслію: будущій журналъ, въ противность другимъ существующимъ, долженъ имѣть исключительно общественно-воспитательное значеніе. При ознакомленіи съ этой программою положительно приходишь въ удивленіе передъ зрѣлостью сужденій едва лишь двадцатилѣтняго юноши, предъ глубокимъ значеніемъ и пониманіемъ, какъ общей исторіи мысли, такъ и положенія литературы и хода умственнаго развитія въ Россіи; мы поражаемся этою невѣроятною въ юношѣ основательностью мысли, но мы обязаны отдать и дань признанія благороднымъ патріотическимъ стремленіямъ поэта. Двадцатилѣтній юноша правильно рѣшаетъ вопросъ, надъ которымъ бились и мучились послѣ него нѣсколько поколѣній и лучшія русскія головы; по его смерти уже появятся „люди безсонные“: Чаадаевы, Хомяковы, Герцены, Бѣлинскіе, которые, всякъ по своему, будутъ стараться разрѣшить непосильную задачу объ отношеніяхъ Россіи и русскихъ къ Западу. Эти люди потратятъ на рѣшеніе вопроса всю свою энергію и силы. Счастливо

[1]) Это даетъ Скабичевскому («Сорокъ лѣтъ русской критики») поводъ считать В-а предвѣстникомъ классицизма на Руси. (Соч. т. I, стр. 351).

избѣгая всѣ односторонніе заблужденія, въ какіе впадали его преемники, Веневитиновъ находитъ единственно вѣрную разгадку—учиться у Запада, чтобъ догнать его.

Журналъ и на самомъ дѣлѣ народился: это былъ „Московскій Вѣстникъ“, начавшій выходить въ 1827 году. Журналъ, дѣйствительно, раздѣлялся на двѣ части. Оффиціальнымъ редакторомъ былъ извѣстный впослѣдствіи историкъ М. П. Погодинъ, который, впрочемъ, самъ заявилъ, что „журналъ издается не однимъ имъ, а многими, занимающимися русскою литературою, кои рѣшились соединить свои усилія и принести общую жертву на алтарь отечественнаго просвѣщенія“ [1]). Принималъ въ журналѣ участіе весь кружокъ, между прочимъ и И. Кирѣевскій. Самъ Веневитиновъ, хотя и называетъ себя въ маленькой замѣткѣ о второй пѣсни Онѣгина [2]) однимъ изъ издателей („мы, издатели“), но прямого участія почти не принималъ. Переѣхавши къ тому времени въ Петербургъ, онъ, однако, горячо слѣдитъ за журналомъ и даетъ редакціи постоянные совѣты. Между прочимъ, онъ совѣтовалъ пригласить Мицкевича, [3]) и, несмотря на свою полемику съ Полевымъ, рекомендовалъ быть осторожнѣе съ его журналомъ „Телеграфъ“, вполнѣ и по достоинству оцѣняя значеніе „Телеграфа“ въ исторіи русской словесности, и тѣмъ опять-таки высказывая глубокое пониманіе ея судебъ.

Но журналъ шеллинговцевъ не пошелъ, несмотря на коллегіальное устройство редакціи, несмотря на участіе стольких замѣчательныхъ по своимъ талантамъ и образованію людей, несмотря на участіе самого Пушкина. Причины этого неуспѣха самыя разнообразныя: редакція состояла изъ молодыхъ, неопытныхъ въ журнальномъ дѣлѣ людей, самъ главный редакторъ Погодинъ вовсе не былъ созданъ быть журнали-

---

[1]) Стр. 16.
[2]) Стр. 225.
[3]) Стр. 16.

стомъ, какъ Н. Полевой, и т. д. „Московскій Вѣстникъ“ не выдержалъ конкурренціи и зачахъ. Главною же причиной неуспѣха является, конечно, черезчуръ серьезное, философское направленіе журнала, пришедшагося не по плечу современному обществу; для серьезнаго чтенія тогдашняя Россія, въ общемъ, не созрѣла: философія сосредоточивалась въ небольшихъ, тѣсныхъ кружкахъ особенно даровитыхъ людей.

Литературная дѣятельность Д. В. Веневитинова, подобно дѣятельности многихъ русскихъ писателей, оборвалась въ силу случайныхъ и непредвидимыхъ причинъ (рановременной смерти), не дойдя и до начала расцвѣта.

Хотя и нельзя согласиться вполнѣ съ характеристикою Пятковскаго, будто Веневитиновъ былъ главнымъ двигателемъ перваго философскаго кружка въ Россіи и основателемъ журнала, честно служившаго философской пропагандѣ [1]), ибо онъ является не главнымъ двигателемъ кружка, а однимъ изъ самыхъ выдающихся членовъ его, и не основателемъ журнала, а только лицомъ, выработавшимъ программу,—то все-таки для двадцатилѣтняго юноши останется еще очень много. Дѣйствительно, странное явленіе представляетъ собой этотъ юноша, почти мальчикъ—по годамъ, и философъ—по уму и умственному развитію. „Письмо къ графинѣ NN“ заставляетъ согласиться съ мнѣніемъ Ив. Кирѣевскаго, что Веневитиновъ былъ для философіи еще болѣе рожденъ, чѣмъ для поэзіи. Во всякомъ случаѣ необходимо признать, что это письмо является одною изъ лучшихъ философскихъ статей на русскомъ языкѣ даже до настоящаго времени.

„Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ“ тоже сдѣлала бы честь любому зрѣлому мыслителю. Въ послѣдней статьѣ есть одно любопытное мѣсто, котораго мы сейчасъ и коснемся.

---

[1]) Стр. 59.

„Вѣрь мнѣ, Анаксагоръ, вѣрь“, убѣждаетъ Платонъ, „она снова будетъ, эта эпоха счастія, о которой мечтаютъ смертные (золотой вѣкъ). Нравственная свобода будетъ общимъ удѣломъ, всѣ познанія человѣка сольются въ одну идею о человѣкѣ, всѣ отрасли наукъ сольются въ одну науку самопознанія. Что до времени? Насъ давно не станетъ,—но меня утѣшаетъ эта мысль. *Умъ мой гордится тѣмъ, что ее предузнавалъ, и, можетъ быть, ускорилъ будущее*“ [1]). Эти слова вводятъ насъ во „Святая Святыхъ“ поэта. Онъ твердо вѣритъ, что наука и ея развитіе идетъ рука объ руку съ расширеніемъ нравственной свободы и съ приближеніемъ блаженной эпохи всеобщаго счастья, новаго золотого вѣка. На глубокогуманное направленіе его образа мыслей указываетъ и заключеніе его стихотворенія „Къ любителю музыки“ [2]), гдѣ онъ обращается къ нѣкому любителю съ его ложными и напускными восторгами:

„Не такъ, не такъ восторгъ свободный
Горитъ въ сердечной глубинѣ!
Когда бъ ты зналъ, что̀ эти звуки,
Когда бы тайный ихъ языкъ
Ты чувствомъ пламеннымъ проникъ,—
.....Тогда бъ ты не желалъ блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но ты бъ въ углу уединенномъ
Таилъ вселюбящую грудь.
Тебѣ бы люди были братья,
Ты бъ въ тайнѣ слезы проливалъ
И къ нимъ горячія объятья,
Какъ другъ вселенной, простиралъ!

Должно замѣтить, что произносить какой бы то ни было окончательный приговоръ надъ философскою дѣятельностью

[1]) Стр. 156.
[2]) Стр. 100—101.

Веневитинова невозможно. Мы присутствуемъ, разбирая его произведенія, лишь при нарожденіи великаго таланта, видимъ лишь начинанія. Намъ кажется, можно только присоединиться къ мнѣнію современниковъ, что Веневитиновъ выказалъ замѣчательныя дарованія.

Что бы онъ сдѣлалъ съ ними, какъ бы употребилъ ихъ въ будущемъ, неизвѣстно,—хотя можно поручиться, что подобный человѣкъ, какъ Д. В., привыкшій къ постоянному умственному труду, всегда остался бы вѣренъ себѣ и не позволилъ бы заглушить въ себѣ высшее призваніе служебными или иными какими интересами. Съ довольно большимъ основаніемъ можно бы ожидать отъ него громаднаго вліянія на ходъ нашей литературы. Быть можетъ, онъ предвосхитилъ бы значеніе Бѣлинскаго. Но, по слову Некрасова, *русскій геній издавна вѣнчаетъ тѣхъ, которые мало живутъ*!

II.

Философскія книги въ провинціи.

Философскія книги въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣковъ начинаютъ у насъ печатать не только въ столичныхъ, но и въ провинціальныхъ городахъ. Полная библіографія всѣхъ философскихъ книгъ на русскомъ языкѣ (хотя бы за первую половину этого вѣка) составляетъ пока еще pium desiderium. Перепись не сдѣлана еще и для книгъ, изданныхъ въ столицахъ; тѣмъ менѣе можно этого ожидать относительно книгъ провинціальныхъ, изъ которыхъ многія представляютъ собою величайшую рѣдкость.

Образованіе въ провинціяхъ ютилось, преимущественно, вокругъ университетовъ и въ университетскихъ городахъ. Зачастую книги печатались въ университетскихъ типографіяхъ, если таковыя имѣлись.

Не лишенный значенія библіографическій матеріалъ касательно философскихъ книгъ, изданныхъ въ провинціи, можно отыскать (по крайней мѣрѣ, для Казани и Харькова) въ оффиціальныхъ изданіяхъ:

1) Каталогъ книгъ, отпечатанныхъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета съ 1800—1896 г. Казань, 1896 и

2) *К. Фойгтъ*, Историко-статистическая записка объ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ отъ основанія университета до 1859 г., Харьковъ, 1859, гдѣ приведены свѣдѣнія и о книгахъ, напечатанныхъ въ Харьковской университетской типографіи.

По этимъ изданіямъ (хотя и не всегда съ достаточною точностью, особенно, что̀ касается харьковскихъ книгъ) можно прослѣдить библіографію философскихъ книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ Казани и Харьковѣ, и отпечатанныхъ въ университетскихъ типографіяхъ.

Содержаніе этихъ сочиненій и оригинальныхъ, и переводныхъ довольно разнообразное. Сначала это почти исключительно оффиціальныя изданія, вызванныя служебными обстоятельствами (рѣчи на актѣ, диссертаціи и т. п.) но потомъ оказываются уже и самостоятельные труды.

Сочиненія цитируются мною по указаннымъ источникамъ съ буквальною точностью и съ указаніемъ страницъ источника. Харьковское изданіе не указываетъ числа страницъ книгъ и не всегда точно приводитъ заглавія; иногда заглавія печатаются въ переводѣ, а фамиліи транссрибируются.

Наряду съ русскими печатались въ университетскихъ типографіяхъ и философскія книги на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ—главнымъ образомъ, профессорами-иностранцами, пока таковые еще водились въ Харьковѣ и Казани. Эти книги въ большинствѣ случаевъ не указаны въ иностранныхъ библіографіяхъ философскихъ книгъ, а потому перечень ихъ послужитъ дополненіемъ послѣднихъ.

Нижеприведенныя книги не всѣ были составлены спеціалистами-представителями философіи, или же ихъ учениками. Въ числѣ авторовъ фигурируютъ какъ профессора другихъ предметовъ, такъ и посторонніе университету лица. Что касается спеціалистовъ, то въ роспись ради полноты обозрѣнія ихъ дѣятельности включены и тѣ труды ихъ, кои не имѣютъ прямого отношенія къ философіи.

Харьковъ.

1805 г.

Пр. Рижскаго рѣчь: „Объ изящныхъ искусствахъ“.
стр. 138.

Пр. Балленъ де Баллю рѣчь: Qu'on doit se préparer par l'étude des sciences au maniement des armes et allier la philosophie à l'art des combats.

1806 г.

Пр. Рижскаго рѣчь: „О познаніи, свойственномъ воображенію“.

Пр. Шада рѣчь: „О верховной цѣли человѣчества“.

Пр. Шумлянскаго рѣчь: „О физическихъ способахъ жизни“. стр. 139.

Рижскаго Введеніе въ кругъ словесности.

„ Опытъ риторики.

1807 г.

Рижскаго Рѣчь о занятіяхъ университета въ 1805 и 1806 г.

Балленъ де Баллю рѣчь: Sur l' éducation publique comparée à l' éducation privée.

Осиповскаго рѣчь: „О пространствѣ и времени“.

Копитара рѣчь: De nexu studii medicinae cum studio philosophiae.

Шада De vi philosophiae in reliquis scientiis.

1808 г.

Рижскаго рѣчь: О состояніи славянскаго языка въ древнія времена. стр. 140.

Тимковскаго рѣчь: О примѣненіи знаній къ состоянію и цѣли государства.

Якоба рѣчь Ueber den Einfluss der Universitäten auf die Cultur und den Wohlstand eines Volkes.

Дегурова рѣчь Critique et défense de l'histoire.

1809 г.

Рижскаго рѣчь: „О томъ, что внимательное упражненіе въ россійскомъ словѣ внушаетъ любовь къ отечеству".

Huth рѣчь: De eruditorum gloria.

Стойковичъ. Начальныя основанія умозрительной и опытной физики.

1810 г.

Паки де Совиньи рѣчь: „О степени совершенства, которую пріобрѣтаютъ молодые люди обоего пола отъ упражненія въ изящныхъ искусствахъ. стр. 141.

Jacob Grundriss der allgemeinen Logik für die Gymnasien des russischen Reiches. стр. 142.

1811 г.

Rommel рѣчь De eruditionis verae ac perfectae vi et praestantia.

Шадъ. Institutiones logicae.

Нѣмецкая христоматія, составленная по порученію Совѣта университета Шадомъ и Роммелемъ.

1812 г.

Шада рѣчь: „О томъ, что въ нынѣшнее время основательное изученіе философіи весьма нужно“. стр. 143.

Лекторъ Борзенковъ. О физическомъ воспитаніи дѣтей и о вліяніи его на умственное и нравственное состояніе ихъ.

Срезневскаго рѣчь: О происхожденіи и причинѣ различія дарованій въ людяхъ.

Рейта рѣчь: Geist der literärischen Cultur des Orients und Occidents.

Адьюнкта Калькау Introductio ad studia medica.

Тимковскаго. Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка.

Продолженіе нѣмецкой христоматіи.

1813 г.

Осиповскаго рѣчь: „О динамической системѣ Канта“.

Стойковичъ. Система физики. стр. 144.

Проф. Книгинъ. Разсужденіе о медленномъ горѣніи, составляющемъ органическую жизнь.

Окончаніе нѣмецкой христоматіи.

M. T. Ciceronis opera philosophica ed. Rommel.

1814 г.

Шада рѣчь De libertate Europae vindicata.

Адъюнктъ Дудровичъ De philosophiae genuino conceptu nec non necessitate ejus absoluta.

Шада Philosophia juris sive jus naturae purum.

стр. 145.

1815 г.

Рѣчи Шада, Дудровича и др. на торжественномъ актѣ университета.

Маг. Гевлича и Ковалевскаго диссертаціи на русскомъ языкѣ.

Шада Латинская христоматія. De viris illustribus Romae etc.

Краткое обозрѣніе нравственной физіологіи (?)

стр. 146.

Риторика на латинскомъ языкѣ (?).

1816 г.

Адъюнкта Архангельскаго рѣчь „О точныхъ наукахъ“.

Мизко, дир. Екат. гимн., рѣчь: „О вліяніи Закона Божія на нравственное образованіе человѣка“. стр. 147.

Кандидата Гриневича. Переводъ изъ Цицерона „О естествѣ боговъ“.

1817 г.

Проф. Каменскаго рѣчь: „О качествахъ добраго наставника“. стр. 148.

Проф. Совиньи рѣчь „Объ изящномъ“ (на лат. яз.).

Канд. Гриневича. Переводъ первой рѣчи Цицерона противъ Катилины.

Учителя Любовскаго. Логика или умоученіе.

1818 г.

Учителя Есикорскаго рѣчь: „О единственной или верховной цѣли просвѣщенія“. стр. 149.

Гриневича. Переводъ изъ Цицерона рѣчи за стихотворца Архія.

Сочиненія и переводы студентовъ Харьковскаго университета.

1819 г.

Проф. Джунковскаго рѣчь: „Объ изящныхъ искусствахъ у Грековъ и вліяніи ихъ на нравственность“.

Сочиненія и переводы студентовъ Харьковскаго университета. стр. 150.

1820 г.

Сочиненія и переводы студентовъ Харьковскаго университета.

1821 г.

Проф. Павловскаго рѣчь: „О вѣроятности“. стр. 151.

Адъюнкта Филомаѳитскаго рѣчь: „Объ истинной цѣли образованія человѣка посредствомъ науки и изящныхъ искусствъ“.

1822 г.

Рижскаго. Введеніе въ кругъ словесности.

Его же. Опытъ риторики.

1824 г.

Проф. Могилевскаго. Риторика. стр. 152.

1825 г.

Проф. Богородицкаго рѣчь „О физическомъ воспитаніи дѣтей“.

1826 г.

Адъюнкта Затеплянскаго рѣчь „Объ успѣхахъ ума въ астрономіи“. стр. 153.

1830 г.

Проф. Венедиктова рѣчь „О динамическомъ способѣ изъясненія образованія явленій органической жизни“. стр. 154.

1832 г.

Проф. Чанова и Дорна рѣчи на торж. актѣ унив.

Luciani libellus de somnio ed. prof. Maurer.

1833 г.

Проф. Степанова рѣчь „О сущности, важности и назначеніи политическихъ наукъ“. стр. 155.

Маг. Гринберга диссертація.

Адъюнкта Цыха диссертація „Объ улучшеніи способа преподаванія исторіи“.

1834 г.

Адъюнкта Якимова рѣчь „О краснорѣчіи“.

1839 г.

Проф. Калениченка рѣчь „О вліяніи возрастовъ человѣческой жизни на умственныя и нравственныя способности“. стр. 157.

Адъюнкта Метлинскаго диссертація. „О сущности цивилизаціи и значеніи ея элементовъ“.

1841 г.

Проф. Протопопова рѣчь: „Какое собственно мѣсто принадлежитъ философіи въ системѣ движеній человѣчества, опредѣляющихъ полную сферу его умственнаго развитія“. стр. 158.

1843 г.

Ад. Метлинскаго рѣчь: „Объ истинномъ значеніи поэзіи“. стр. 159.

1846 г.

Опыты въ сочиненіяхъ студентовъ Харьковскаго университета. стр. 161.

1847 г.

Учителя Коваленьки. Старинная пословица во вѣки не сломится, или опытныя основанія самобытнаго русскаго народнаго мудрословія. стр. 162.

Тоже во II изд. въ 1848 г. стр. 163.

1850 г.

Учит. Коваленьки. Попытка не пытка, спросъ не бѣда, или полное изложеніе основаній самобытнаго русскаго народнаго мудрословія. стр. 164.

1857 г.

Н. Цытовича. Предметика, наука объ устройствѣ и движеніи умственныхъ способностей. стр. 168.

Казань.

1813 г.

Начальный курсъ философіи. Сочиненіе Г. Снелля. Съ нѣмецкаго на россійскій перевели и съ нѣкоторыми примѣчаніями и прибавленіями издали Императорскаго Казанскаго университета адъюнкты: умозрительной и практической философіи Александръ Лубкинъ и политической экономіи и историческихъ наукъ Петръ Кондыревъ. 8°. Пять частей: 1-я эмпирическая психологія или наблюдательное душесловіе, 134 стр., 2-я логика и краткая метафизика, 132 стр.; 3-я эстетика или критика вкуса, 78 стр., 4-я нравоученіе и право естественное, 134 стр., и 5-я нравственное вѣроученіе и обозрѣніе исторіи философіи, 56 стр. Части 3, 4, 5 вышли въ 1814 г. стр. 3.

1815 г.

Разсужденіе о томъ, возможно ли нравоученію дать твердое основаніе независимо отъ религіи. А. Лубкина. 4°, 40 стр. стр. 7.

Слово о выгодахъ, которыя доставляетъ государству упражненіе въ наукахъ, говоренное по случаю годичнаго торжества, учрежденнаго въ воспоминаніе открытія Императорскаго Казанскаго университета, Іоан. Фед. Эрдмана, перев. съ латинскаго І. Срезневскій. стр. 8.

Oratio de fructibus ex litterarum studio in rempublicam redundantibus in memoriam anniversariam inaugurationis Caesareae litterarum universitatis Casanensis die V mens. Iul. A. 1815. habita a Prof. Erdmann. стр. 7.

1816 г.

Рѣчь въ возбужденіи страстей (?). Соч. Тульской семинаріи риторики ученика Щепетева.

Слово о пользѣ математики, говоренное э. о. проф. Никольскимъ. 4°. 29—58 стр.

Естественное право, содержащее въ себѣ 1) Собственно, такъ называемое естественное право чистое, 2) Право прикладное, т. е. право частное, публичное и народное, Ф. Х. Рейнгарда. Перев. съ латинск. Иванъ Сычуговъ. 8°. 124 стр.

Разсужденіе о возбужденіи страстей, сочиненное и говоренное при открытыхъ испытаніяхъ по классу словесности въ Тульской семинаріи ученикомъ словесности Василіемъ Щепетовымъ іюля 1815 г. 8°. 31 стр. (см. выше) стр. 9.

Естественное частное, публичное и народное право. Переводъ съ нѣмецк. І. Х. Финке, 8°. XII+312.

1817 г.

Разсужденіе о разныхъ системахъ нравоученія, сравненныхъ по ихъ началамъ, говоренное э. проф. Іосифомъ Срезневскимъ. 4°. 28 стр. стр. 10.

Рѣчь о пользѣ математики, говоренная въ торж. собр. Казан. унив. 5 іюля 1816 г. проф. Никольскимъ (см. 1816 г).

1818 г.

Мораль или правила нравственности, основанныя на природѣ человѣка, живущаго въ обществѣ. Издалъ Карлъ Сентъ-Андре. 12°. 29 стр.

Начертаніе метафизики, соч. проф. Лубкина, ч. I. стр. 11.

1821 г.

Слово о достоинствѣ и важности воспитанія и просвѣщенія, основанныхъ на вѣрѣ христіанской. Рѣчь проф. Никольскаго. 12°. 64 стр. стр. 12.

1823 г.

Разсужденіе о метафизикѣ исчисленія безконечныхъ, соч. Карнота. Пер. В. Шишацкаго. 4°. стр. 14.

Василія Баженова. Рѣчь о необходимости чтенія книгъ Св. Писанія и древнихъ св. отцовъ церкви, произнесенная въ торжественнемъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета 7 іюня 1823 г. 12°. 41 стр.

1825 г.

Краткая рѣчь къ Казанскому университету, произнесенная Попечителемъ онаго (Магницкимъ) въ заключеніе публичнаго акта въ высокоторжественный день помазанія на царство Его Императорскаго Величества, 15 сентября 1825 года. 8° 16 стр. стр. 15.

Описаніе торжества, бывшаго въ Казанскомъ университетѣ 15 сентября. 8°, 152 стр. Vera philosophia Religioni Christianae non repugnat. 20 стр.

1826 г.

Рѣчь, произнесенная г. Попечителемъ Михаиломъ Маг-

ницкимъ въ торжественномъ собраніи Казанскаго университета 17-го января, установленномъ по случаю Высочайше дарованныхъ въ сей день инструкцій Директору и Ректору. 8°. 11 стр. стр. 16.

1831 г.

Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ Григорія Городчанинова. 8°, 552 стр. стр. 18.

Историческое описаніе памятника, сооруженнаго въ воспоминаніе убіенныхъ при взятіи Казани воиновъ на Зилантовой горѣ. Соч. архимандрита Гавріила. 8°. 25 стр.

То же, изданіе 2-е съ рисунками и съ прибавленіемъ слова на день взятія Казани царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, говореннаго Гавріиломъ. 12°, 45 стр.

1832 г.

Историко-критическій взглядъ на философію. Переведено съ франц. Г. Городчаниновымъ. 12°, 55 стр. стр. 19.

1833 г.

Историческое описаніе памятника, сооруженнаго въ воспоминаніе убіенныхъ при взятіи Казани воиновъ на Зилантовой горѣ. Арх. Гавріила. 8°. 95 стр. стр. 20.

Слово въ день взятія Казанскаго царства Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ по освященіи храма, сооруженнаго въ памятникѣ, говоренное Гавріиломъ 2 окт. 1832 г. 12°. 21 стр.

Историческое описаніе Казанскаго Успенскаго второкласснаго Зилантова монастыря. Архим. Гавріила. 8°. 54 стр.

1834 г.

Н. И. Лобачевскаго. Воображаемая геометрія. 4°. 88 стр. стр. 21.

Ueber sittliche und bürgerliche Besserung der Verbrecher, als das sicherste Mittel den Zweck der Strafgesetzgebung zu erreichen. Фогеля, 4°. 52 стр.

Краткая записка объ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ М. С. Рыбушкина. 8°. стр. 22.

1836 г.

Объ основаніяхъ изящнаго. Г. Е. Суровцева. 8°, 28 стр. стр. 24.

1837 г.

Буддійская космологія, излож. Осипомъ Ковалевскимъ. 8°, 167 стр. (отд. оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ“ Казан. унив. за 1835 г., кн. II, стр. 373—427 и кн. IV стр. 217—289 и за 1837 г. кн. I. стр. 99—135). стр. 25.

1838 г.

Новыя начала геометріи съ полной теоріею параллельныхъ. Н. И. Лобачевскаго. 4°. 408 стр. стр. 26.

1839 г.

Исторія философіи. Изд. II. ч. I—VI. 1839—40 г. архимандрита Гавріила. 8°. ч. I.—175 стр., ч. II—161 стр., ч. III,—203 стр., ч. IV—192 стр., ч. V—84 стр., ч. VI—158 стр.

Разсужденіе о жизни человѣка въ отношеніяхъ духовномъ и физическомъ, или основныя начала антропологіи. Сочин. Василія Берви. 8°, 207 стр.

Dichtlehre, als philosophische Theorie der wissenschaftlichen Dichtkunst, dargestellt, von Hellmuth Winter, 8°. LXXIV+132 стр. (въ 1840 г. ср. „Кат.“ стр. 29).

Гносисъ и гностики. В. Сбоева. 8°. 62 стр.
стр. 27.

1840 г.

Историч. описаніе Казан. Успенскаго второкл. Зилантова монастыря и Казан. памятника, сооруженнаго въ воспоминаніе убіенныхъ при взятіи Казани вождей и воиновъ на общей ихъ могилѣ, съ рисунками. Арх. Гавріила. 8°. 55 стр. стр. 29.

1841 г.

Entwickelung der Begriffe über Staat, Recht und Politik Раумера. стр. 30.

Отчетъ о состояніи Императ. Казанскаго университета за 1840—41 г. Н. Иванова. 4°. 71 стр.

1842 г.

Отчетъ о состояніи Имп. Казан. Унив. за 1841—42 г. Сбоева. 4°. 47 стр. стр. 31.

О предубѣжденіи противъ математики. Рѣчь Петра Котельникова. 4°. 20 стр.

1843 г.

Ист. опис. пам. Арх. Гавріила. стр. 32.

Философія правды. Арх. Гавріила. 8°. 64 стр.

О необходимости содѣйствія философіи успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія. Рѣчь Ник. Иванова. 4°. 31 стр.
стр. 33.

Отчетъ Императ. Казан. унив. Сбоева. 4°. 41 стр.

Слово на день Пресвятыя Богородицы, говоренное настоятелемъ Казан. второкласснаго Успенскаго Зилантова монастыря преподавателемъ богословскихъ и философскихъ наукъ при Императорскомъ Казан. унив. арх. Гавріиломъ, 12°. 12 стр.

Слово на день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Арх. Гавріила. 16°. 8 стр.

1844 г.

Н. Скандовскаго: Объ отличіяхъ животной жизни отъ пластической. стр. 34.

Берви. Отрывки изъ записокъ путешественника.

О предлежательной реальности познаній человѣческихъ. Сбоева. 8°. 72 стр. (въ 1845 г. ср. стр. 36).

Понятіе о церковномъ правѣ и его исторіи. Арх. Гавріила. 8°. 32 стр.

Его же. Исторія восточной философіи.

Его же. Исторія россійской философіи.

Отчетъ Имп. Казан. унив. и учебнаго округа за 17 л. съ 1827 г. по 1-е янв. 1844 г. Составленъ ордин. проф. Фойгтомъ, 8°. 512 стр. стр. 35.

1846 г.

Рѣчь о значеніи внѣшности человѣка (при обозрѣніи преподаваній) 4°. стр. 37.

1847 г.

Рѣчь при открытіи памятника Г. Р. Державину. Арх. Гавріила. 8°. 7 стр. стр. 38.

Объ отличіяхъ пластической жизни отъ животной. Орд. проф. Скандовскаго. 8°. 22 стр. (отд. оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Каз. унив.“ за 1847 г. кн. I, стр. 81—100).

De Politia Timaeo Critia, ultimo platonico ternione, librorum de legibus praecipua ratione habita. Scr. C. V. Thorzewski. 8°. 88 стр. (отд. отт. изъ „Учен. Зап. Каз. унив.“ за 1847 г. кн. II. стр. XII+188. стр. 39.

Отчетъ о состояніи университета. В. Сбоева. 4°. 52 стр.

1848 г.

Отчетъ о состояніи унив. за 1847—48 г. Сбоева. 4°. 32 стр.

Арх. Гавріила. На открытіе банка и дома неимущихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ.

Prolegomena in encyclopaediam et methodologiam medicinae. Г. І. Блосфельда. 8°. стр. 40.

1850 г.

Отчетъ о состояніи Казан. унив. въ 1849 и 1850 акад. годахъ. Сбоева. 4°. 38 стр. стр. 43.

Поучительныя слова. 2 части. Арх. Гавріила. 8°. 191 стр.

Обозрѣніе главныхъ непосредственныхъ причинъ и условій бытія и жизни организмовъ. Лентовскаго.

1852 г.

Отчетъ о состояніи Казанскаго унив. за 1851—52 ак. г., произнесенный въ торж. собр. 5 окт. 1852 г. адъюнкта Н. Булича. 4°. 34 стр. стр. 45.

1854 г.

Pangéometrie N. Lobatchewski, 8°. 56 стр. (отд. отт. изъ „Уч. Зап. Каз. унив." за 1855 г., кн. I, стр. 1—56). стр. 48.

1855 г.

Отчетъ о состояніи Имп. Каз. унив. за 1854—55 учебный годъ, сост. орд. проф. Н. Ивановымъ. 8°. 89 стр. Сод. рѣчь Н. Н. Булича: Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы (введеніе въ изученіе его сочиненій) 8°. 74 стр., +1 ненум. стр. стр. 49.

1856 г.

Изслѣдованіе объ инородцахъ Казанской губ. Василія Сбоева (Письма къ ред. „Казан. Губ. Вѣдомостей"). Изд. книгопр. Дубровина. 8°. 188 стр. стр. 51.

Его же. О бытѣ крестьянъ Казан. губ., изд. II-е. 8°. 36 стр.

1858 г.

Физіологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни. В. Берви. 8°. 83 стр. стр. 55.

1861 г.

Вступительная лекція въ энциклопедію и методологію медицины. О. Проф. Г. І. Блосфельда. 8°. 34 стр. (Отд. отт. изъ „Уч. Заз. Каз. унив." за 1861 г. кн. II, стр. 82—113). стр. 60.

1865 г.

Декартъ и его философія. В. Я. Рожанскаго. 8°. 46 стр. (отд. отт. изъ „Уч. Зап. Казан. унив.“ за 1865 г., стр. 341—384). стр. 65.

1869 г.

Слово и природа человѣка. А. Некрасова. 8°. 35 стр. (отд. отт. изъ II и III кн. „Прав. Соб.“ за 1869). стр. 78.

III.

Изъ біографіи Іоанна Шада.

> Die Menschengeschichte stellt uns zuweilen Individuen auf, die, gleich der Wasserlilie, auf dunklem, unreinem Boden entsprossen uud gewurzelt, in eigner Kraft alle Hindernisse des auf ihnen lastenden Elements durchdringen, ihre Blüthenkronen zu einer Höhe heben, wo sie das volle Licht der Sonne trinken, ja im reinen Glanze ihres Wesens es wieder ausstrahlen können, während sie immer noch mit einigen Fäden desselben an der dunkeln Tiefe ihrer Geburtsstätte hängen; welche Fäden auch nicht eher reissen, als bis ihr lichtvollerer Theil sich gänzlich aus seinen irdischen Formen löst.
>
> (Neuer Nekrolog, 34, I. S. 34)
> I. B. Schad.

Іоаннъ Шадъ, бѣглый бенедиктинскій монахъ Романъ, первый профессоръ философіи при Харьковскомъ университетѣ, очень интересная личность, не разъ уже служилъ въ русской ученой литературѣ предметомъ изслѣдованій. Помимо спеціальнаго труда, исторіи Харьковскаго университета, обрабатываемой проф. *Багалѣемъ*, гдѣ неоднократно упоминается о Шадѣ, и статьи *С. Гогоцкаго* въ его „Философскомъ лексиконѣ“ [1]), извѣстны еще: монографія *Н. А. Лавровскаго*

[1]) Томъ IV, выпускъ II, Кіевъ 1873 г., стр. 170, 171.

„Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета“, гдѣ разсказана на основаніи документовъ исторія удаленія Шада отъ должности русскаго профессора, а также передано содержаніе труда Шада, который послужилъ тому причиной, и статья *Ѳ. А. Зеленогорскаго* (одного изъ преемниковъ Шада по каѳедрѣ [1]), гдѣ подробно разобраны нѣкоторыя сочиненія Шада, написанныя имъ въ Харьковскій періодъ его жизни.

Намъ удалось открыть еще одинъ источникъ для жизнеописанія І. Шада, а именно его автобіографію или curriculum vitae, помѣщенный въ книгѣ *Annales Academiae Jenensis.* Edidit Henr. Carolus Abr. *Eichstadius.* Volumen *primum* continens historiam instaurationis academiae vitas doctorum actaque et scripta a. c. n. MDCCCXXI. Jenae in libraria Croekeria, 1823. Эта автобіографія, которою, повидимому, никто еще не пользовался, довольно любопытна, ибо Шадъ здѣсь не разъ высказываетъ свой взглядъ на свою жизнь и разныя постигавшія его невзгоды, а также и на столь блестяще начатую, но столь несчастно окончившуюся карьеру въ Россіи. Автобіографія занимаетъ въ означенной книгѣ (in 4^0) стр. 67—70; въ ней перечислены подробно труды его. Мы приведемъ здѣсь почти цѣликомъ эту автобіографію въ переводѣ съ удержаніемъ наиболѣе характеристичныхъ латинскихъ мѣстъ подлинника. Шадъ числится здѣсь въ VIII главѣ: Professores philosophiae extraordinarii. Joannes Schad, philos. D. et prof. publ. extraord.

---

[1]) Вопросы философіи и психологіи, за 1895 годъ, книга 2 (27), стр. 160—169 и книга 5 (30), стр. 574—591. Проф. Ѳ. А. Зеленогорскій пользовался и статьею Гогоцкаго, сочиненіе котораго онъ неправильно цитируетъ не «Лексикономъ», а «Словаремъ» (стр. 162), тогда какъ у Гогоцкаго это два разные труда.

„Родился я, говоритъ Шадъ, въ 1758 г. въ деревнѣ Mürsbach близъ Бамберга; мой родъ—землепашцы и мельники (pistoriae rei). Изучалъ humaniora и философію въ тогдашнемъ Бамбергскомъ университетѣ. Въ 1777 году принятъ въ орденъ бенедиктинцевъ въ знаменитомъ монастырѣ *Банцъ*. Здѣсь опять занимался философіею 2 года, кромѣ того, богословіемъ и правами 5 лѣтъ; моими руководителями были Ильдефонсъ *Шварцъ* и Беда *Людвигъ*. По окончаніи занятій сдѣлался священникомъ и проповѣдникомъ (orator sacer). Въ 1788 г. при посѣщеніи монастыря Виртенбергскимъ принцемъ Карломъ-Евгеніемъ я держалъ рѣчь и получилъ отъ него приглашеніе исполнять должность придворнаго проповѣдника (concionatoris) въ Штутгардѣ въ его aula. Но я отказался отъ приглашенія по совѣту Франциска-Людвига, князя Бамбергскаго и Вюрцбургскаго, который обѣщалъ мнѣ первую вакансію на подходящую профессуру въ своихъ университетахъ: либо въ Бамбергѣ, либо въ Вюрцбургѣ. Но князь умеръ раньше, чѣмъ исполнилъ свое обѣщаніе. По смерти Ильдефонса Шварца, профессора философіи въ монастырѣ Банцъ, я поступилъ на его мѣсто обучать молодыхъ монаховъ философскимъ наукамъ. Но за либеральный образъ мыслей, обнаруженный и въ преподаваніи, и въ сочиненіяхъ своихъ, подпалъ ненависти (odium et invidiam) и преслѣдованію монаховъ и другихъ католическихъ священниковъ [1]). Поэтому я составилъ планъ оставить монастырь, что и выполнилъ въ 1798 г.

Покинувъ монастырь, я прибылъ въ Іену, гдѣ получилъ степень доктора философіи; по защитѣ диссертаціи *De nexu* etc (Iena apud Prager, 1799) получилъ приватъ-доцентуру (licentia docendi) и преподавалъ философію до 1804 г.

Въ 1804 г. я былъ приглашенъ ординарнымъ профессоромъ теоретической и практической философіи въ Харьков-

---

[1]) Стр. 68.

скій университетъ [1]). Въ томъ же году я отправился въ Харьковъ съ женой [2]) и двумя дѣтьми. Въ 1807 г. мнѣ поручено, кромѣ философіи, преподаваніе нѣмецкаго языка и литературы. Въ 1813 г. по уходѣ проф. Роммеля, преподавателя латинской литературы, и эта вакантная должность была передана совѣтомъ университета мнѣ съ значительнымъ увеличеніемъ годового оклада. Кромѣ того, 8 лѣтъ я состоялъ секретаремъ совѣта и часто былъ назначаемъ членомъ въ университетское правленіе. Въ 1810 г. я получилъ чинъ коллежскаго совѣтника, который въ Россіи даетъ потомственное дворянство, а наконецъ въ 1816 г. въ Петербургѣ я былъ уже произведенъ въ статскіе совѣтники. Но это не спасло меня отъ гоненія. Нѣкоторые „*Галлы*“, ненависть которыхъ я навлекъ на себя рѣзкими замѣчаніями (acerbis animadversionibus) въ моихъ сочиненіяхъ относительно Наполеона и противъ magnam nationem (т. е. la grande nation) возвели на меня клевету (criminationibus suis prolatis), основываясь на моихъ сочиненіяхъ,—у Петербургскаго правительства (curiae petropolitanae administros) и достигли того, что я былъ удаленъ отъ должности безъ объясненія причинъ (indicta caussa). И до сихъ поръ (hucusque) я не могъ добиться, хотя и пустилъ въ ходъ всѣ средства (omnem movi lapidem), чтобы выслушали мои объясненія противъ тѣхъ клеветъ. Удивительная, право, вещь! (Mira sane res). Вскорѣ послѣ моего осужденія, постановленнаго безо всякихъ основаній (absque ulla allata caussa) черезъ

---

[1]) Стр. 69.

[2]) Это не противорѣчитъ разсказу Роммеля (Пять лѣтъ etc. стр. 66) и слѣдующаго ему Лавровскаго (Чтенія, стр. 32): «несчастный бракъ, состоявшійся въ Курскѣ, на пирушкѣ, съ женщиною сомнительной репутаціи и скупою, не то русскою, не то нѣмкою, ускорилъ его домашнюю катастрофу». Дѣло въ томъ, что это былъ уже в т о р о й бракъ Шада. Въ первый разъ онъ женился по выходѣ изъ монастыря на кобургской уроженкѣ, въ которую былъ влюбленъ еще монахомъ (A. D. B., т. XXX., стр. 493—494, статья о Шадѣ).

нѣсколько мѣсяцевъ Царствующая Императрица Елизавета за тѣ же книги, которыя французы оклеветали, прислала мнѣ драгоцѣнный подарокъ со Всемилостивѣйшимъ письмомъ (humanissime scriptis), въ которомъ она говоритъ, что изданныя мною въ Россіи книги по сужденію ученыхъ прекрасны (praestantes), чрезвычайно полезны для общественнаго поученія и такъ составлены, что доставятъ мнѣ похвалу, гдѣ бы ихъ ни читали.

Возвратившись изъ Россіи [1]) въ Германію въ началѣ 1817 г., я прибылъ въ Берлинъ, чтобы вести свой процессъ (caussam meam) у тамошняго русскаго посла. Не желая даромъ тратить время, я просилъ Берлинскій университетъ о позволеніи читать философскія лекціи и легко получилъ его. Цѣлый годъ я читалъ тамъ [2]), но убѣдившись, что по своему дѣлу я отъ русскаго посланника ничего не добьюсь, въ 1818 г. я возвратился на старое мѣсто въ Іену, гдѣ въ 1820 г. получилъ должность экстраординарнаго профессора. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ семестровъ я читалъ лекціи по логикѣ, метафизикѣ, естественному праву и психологіи. Лѣтній семестръ 1821 г. не читалъ лекціи по причинѣ здоровья (valetudinis caussa).

---

[1]) Стр. 70.

[2]) Этимъ разрѣшается споръ между Колюпановымъ и Сухомлиновымъ; первый (Біографія Кошелева, I, 2, стр. 299) говоритъ: «Сухомлиновъ неправильно утверждаетъ, что Шадъ, возвратившись изъ Россіи, по расположенію Гуфеланда, получилъ каѳедру въ Берлинѣ. Шадъ занялъ мѣсто профессора философіи въ Іенѣ». Шадъ былъ и въ Берлинѣ (но не имѣлъ каѳедры тамъ), и въ Іенѣ (сначала опять-таки не профессоромъ).

Свои сочиненія Шадъ перечисляетъ такимъ образомъ:

А. Въ Банцъ.

1. Institutio confessionariorum pro sacro tribunali. Duo tomi. Opus ex gallico in latinum translatum. Bambergae. 1787.

2. Lebensbeichreibungen der Heiligen auf jeden Tag des Jahres, aus den reinsten Quellen geschöpft und kritisch geprüft. 2 Bde. Bamberg. 1788—89.

3. Meine Apologie wegen dieser Schrift in der Mainzer Monatschrift von geistlichen Sachen. 1789.

4. Uebersetzung und Erklärung der heiligen Schrift alten und neuen Testamentes, in Gemeinschaft mit Burkard Vollert herausgegeben. 18 Bände. Augsburg. 1788—98.

5. Handbuch der christlichen Religion von Ildephons Schwarz. 3 Bände. Von diesem Werke habe ich die zweite Ausgabe mit vielen Zusätzen besorgt. Bamberg. 1797.

6. Beruhigungsgründe des gemeinen Mannes mit seinem Stande (gegen die französische Revolution gerichtet.) Coburg. 1794.

7. Trauerlied auf Ludwig den XVI von mir zugleich in Musik gesetzt. Coburg. 1794.

8. Leben und Schicksale des ehrwürdigen Vaters Sincerus. 1 Band. Coburg. 1798.

Auch war ich als Mönch Mitarbeiter der Litteratur des katholischen Deutschlandes, der Würzburger gelehrten Anzeigen, und der allgemeinen Litteraturzeitung (Erlanger) (Rezensionen).

B. Въ Іенѣ.

9. Gemeinfassliche Darstellung des Fichtischen Systems und der daraus hervorgehenden Religionstheorie. 3 Bände. Jena. gr. 8° Erfurt. 1799—1801. Hennigs in Gotha.

10. Geist der Philosophie unserer Zeit. 1 Band. Jena. 1799—1800. Kröker.

11. Ob Kants Kritik Metaphysik enthalte? Eine Abhandlung in dem philosophischen Journal, herausgegeben von Fichte und Niethammer. 1799.

12. Grundriss der Wissenschaftslehre. 1 Band. Jena. 1800. Hennigs.

13. Transscendentale Logik, 1 Band. Coburg. 1802.

14. Meine Lebens-und Klostergeschichte. 1 Band. Erfurt. 1803.

15. Gefahren des Staates und der Religion von Seiten des Mönchthums. 1 Band. Erfurt. 1803.

16. System der Natur-und Transscendentalphilosophie in Verbindung dargestellt. 2 Bände. Landshut. Gr. 8°. 1803—1804. Krüll.

17. Das Paradies der Liebe, ein Klosterroman. 2 Tle. 8°. Erfurt. 1804 u. Gotha. 1813. Hennigs.

C. Въ Харьковѣ.

18. De fine hominis supremo. Oratio publice habita 1807.

19. In memoriam Professoris Kalkau: oratio funebris publice habita 1810.

20. De vindicata libertate Europae. Oratio 1814 habita.

21. De vindicata religione. Oratio 1815 habita.

22. De existentia supremi Numinis. Dissertatio edita 1812.

23. De immortalitate animorum. Dissertatio. 1814.

24. De studio philosophiae, ejusque genuina natura. Dissertatio, 1815.

25. De libertate mentis humanae. Dissertatio. 1815.

26. Institutiones Logicae. Unus tomus. 1812. Halle (Schvetscke u. S.)

27. Deutsche Chrestomathie, vermöge Auftrages der Universität zum Gebrauch für Vorlesungen auf der Universität und den Gymnasien herausgegeben. 1 Band. 1813.

28. Institutiones juris naturae [1]). Unus tomus. 1814.

29. De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum, liber ex auctoribus classicis excerptus et auctoritate Senatus academici in usum gymnasiorum editus. 1815.

Шадъ умеръ 13 января 1834 г. въ Іенѣ, а не въ *1830 г.* какъ указываетъ *Гогоцкій* [2]). Его портретъ (работы Nettling'a) приложенъ къ I тому его автобіографіи (Lebens-und Klostergeschichte).

Въ вышеприведенный списокъ не вошли еще слѣдующія сочиненія Шада.

1. Ueber die Wichtigkeit des Studiums der kritischen Philosophie въ Magazin für Katholiken. Coburg, 1796—98.

2. Geständnisse aus dem Kloster въ Wieland's Neuer deutscher Mercur за 1797 г., St. 2, стр. 142—147.

---

[1]) У *Kayser* неправильно: natural.

[2]) Филос. Лексиконъ, IV, 2, стр. 171.

3. Dissertatio exhibens nexum intimum inter philosophiam theoreticam et practicam. Jenae, 1880. 8° [1]).

4. Absolute Harmonie des Fichtischen Systems mit der Religion, gr. 8°. Erfurt. 1802. Hennigs.

5. Neuer Grundriss der transcendentalen Logik und der Metaphysik nach den Principien der Wissenschaftslehre, gr. 8°. Jena u. Coburg. 1801. Sinner.

Гогоцкій [2]) указываетъ что Шадъ вмѣстѣ съ знаменитымъ Игнатіемъ Фесслеромъ будто бы издавалъ журналъ Eunomia.

Надо думать, что это указаніе ошибочно. *Kayser* [3]) говоритъ:

Eunomia, eine Zeitschrift des XIX Jahrhunderts, herausgegeben von Ign. Fessler, I. G. Rhode.... *Schade* u.... Fischer. 1 r.—3 r. Jahrgang, gr. 8°. Berlin, 1801—3, Maurers B., 4 r. u. 5 r. Jahrg. von Fessler *allein*, gr. 8°, Berlin. 1804—1805. Sander. Здѣсь упоминается не Шадъ, а Шаде, слѣдовательно, другое лицо. Который это изъ многихъ Шаде, за отсутствіемъ praenomen опредѣлить трудно. Я перелистовалъ имѣвшіеся у меня подъ руками 4 года „Эвноміи“ (украшенной эпиграфомъ Omnibus aequa [4]) съ 1802—1805 года, но никакихъ указаній на нашего Іоанна Шада не нашелъ. Впрочемъ, и Шаде, повидимому, за эти годы не участвовалъ въ журналѣ Не значится онъ сотрудникомъ въ подписанныхъ статьяхъ за первый годъ журнала, насколько можно видѣть изъ списка статей за 1801 годъ, помѣщеннаго въ январской книжкѣ 1802 года, въ статьѣ I-ой: Was hat die Eunomia geleistet, und was sie wird leisten, von den Herausgebern (стр.

---

[1]) У Kayser (V, 41) неправильно: 4°.

[2]) Фил. Лекс. IV, 2, стр. 59.

[3]) A. B. L., II, p. 170.

[4]) Εὐνομία значитъ справедливость, законность.

1—7), каковыми на обложкѣ помѣчены Фесслеръ и Фишеръ (послѣдній съ 1802—1805 г.); ни Шаде, ни Роде не упомянуты на обложкѣ 1802 года; Роде—на I полутомѣ 1801 года, Фесслеръ одинъ на II-мъ полутомѣ того же 1801 г.

Кромѣ того, I. Шадъ издалъ еще сочиненія своего учителя въ философіи Ильдефонса *Шварца*.

1. Anleitung zur Kenntniss derjenigen Bücher, welche den Candidaten der Theologie, den Stadt-und Landpredigern, Vicarien u. s. w. in der katholischen Kirche wesentlich nothwendig und nützlich sind. 2 Bde, Coburg. 1803—4.

Kayser [1]) указываетъ изданіе въ 3-хъ томахъ gr. 8°. Coburg 1804—6, Sinner, причемъ третій томъ (1806) носитъ заглавіе также:

Handbibliothek für angehende Theologen, Hofmeister, Erzieher und Schullehrer der katholischen Kirche.

2) помѣченный въ спискѣ № 5:

Handbuch der christlichen Religion, 3 Bde, gr. 8° (первое изданіе 1793, а второе подъ редакціею Шада 1797 г.; III изданіе вышло въ Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1800, Wesché, а IV-е исправленное, дешевое изданіе въ 3-хъ частяхъ 1804, V-е съ указателемъ—въ 1819 г.

Подъ № 2 въ спискѣ приведена книга *Matth. Vogel.* Lebensbeschreibungen der Heiligen Gottes auf alle Tage des Jahres mit heilsamen Lesestücken u. s. w. kritisch geprüft u. v. verschiedenen Unrichtigkeiten gesäubert u. s. w. 2 Tle. Gr. 4°.

---

[1]) A. B. L., V, 199.

Bamberg. 1788. Wesché въ Франкфуртѣ выпустилъ еще изданіе въ 1802, Mayer въ Aachen'ѣ—въ 1823 г. [1]).

Подъ № 4:

De Sacy Royaumont le Maître, Die ganze heilige Schrift, erklärt aus den heiligen Büchern und anderen Schriftstellern der Kirche nach den neuesten französischen Ausgaben, übersetzt durch einige Benedictiner in Banz (B. Vollert, *R. Schad* uud Andere). Des alten Bundes—15 Bde. in 8°. Augssburg 1783—1818. Wolff. Des Neuen Testaments—12 Bde in 8°, тамъ же 1793—1803 [2]).

Подъ № 8:

Leben..... Sincerus, herausgegeben von einem seiner Freunde. Mit Kupfern. Coburg, 1798 in 8. Sinner [3]).

№№ 14 и 15-й составляютъ одно сочиненіе, № 15-й носитъ заглавіе:

Die Mönche am Ende des achtzehnten Jahrhunderts, oder Gefahren des Staates und der Religion von seiten des Mönchsthumes: Fürsten, Staatsmännern, Religionslehrern, Erziehern, und allen denen, die einen wirksameren Einfluss auf die Schicksale der Menschheit haben, zur Beherzihung dargestellt von J. B. Schad, Doctor der Philosophie in Jena. Ein Nachtrag zur seinen Lebens-und Klostergeschichte, Erfurt, in der Hennigschen Buchhandlung, 1804. На другой страницѣ рядомъ: J. B. Schads, Doctors der Philosophie zu Jena, ehemaligen Benedictiners zu Banz, Lebens-und Klostergeschichte, von ihm

---

[1]) Kayser, VI, 91.

[2]) Ibidem, V, 6.

[3]) Ibidem, III, 497.

selbst geschrieben. Mit einer freyen Characteristik der Mönche zu Banz und des Mönchthumes überhaupt in Ansehung seines verderblichen Einflusses auf Erziehung, Staat und Religion. Zweyter und letzter Band.

Послѣ переѣздаи зъ Россіи обратно на родину Шадъ сдѣлалъ новое изданіе своей автобіографіи въ трехъ томахъ: Altenburg и Leipzig, 1828, gr. 8°, Lehnhold; вторая часть также подъ заглавіемъ Die Mönche des XVIII. Jahrhunderts.

Противъ нападокъ на монаховъ въ біографіи Шада монастырь Банцъ возражалъ въ Theologische Nachrichten, Rinteln, 1803, V—VI, стр. 57—66.

№ 26 носитъ заглавіе Institutiones Philosophiae universae. Tomus primus, logicam puram et applicatam continens.

К. Фойгтъ [1]) указываетъ, что въ типографіи Харьковскаго университета печатались, кромѣ вышеназванныхъ, еще слѣдующія рѣчи Шада:

Въ 1807 г. De vi philosophiae in reliquis scientiis.

Въ 1812 г. „О томъ, что въ нынѣшнее время основательное изученіе философіи весьма нужно".

Такъ какъ ни самъ Шадъ, ни другой кто-нибудь еще о нихъ не упоминаютъ, то о принадлежности ихъ Шаду нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Очевидно, впрочемъ, что списокъ Шада не совсѣмъ полонъ, ибо, какъ указано выше, онъ пропустилъ и еще нѣкоторые свои труды. Проф. Зеленогорскій на мѣстѣ въ Харьковѣ не могъ найти всего изданнаго Шадомъ въ Харьковѣ же [2]), какъ напр., De existentia sum-

---

[1]) Историко-статистическая записка объ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ отъ основанія Университета до 1859 г., стр. 139 и 143, или выше стр. 22 и 23.

[2]) Рѣчь de fine hominis (какъ вездѣ) Зеленогорскій цитируетъ (стр. 160) d. f. h. *ultimo* (?). Также Schade's Lebensgeschichte (вмѣсто Schads)—стр. 162.

mi(?) Numinis (вмѣсто supremi) [1]), De immortalitate, De studio. Изложены у него: Логика, De libertate Europae, и De studio philosophiae, но не по подлинной брошюрѣ Шада, а по сохранившейся въ библіотекѣ Харьковскаго Университета диссертаціи Гриневича [2]), ученика Шада, подъ тѣмъ же заглавіемъ, относительно которой засвидѣтельствовано коммиссіею изъ членовъ Совѣта университета [3]), что она дословно списана съ неизданныхъ записокъ Шада. „Игнорируя Гриневича, какъ ложнаго автора“, проф. Зеленогорскій пользуется его диссертаціею, какъ сочиненіемъ Шада.

Приведемъ теперь нѣсколько добавочныхъ справокъ касательно біографіи Шада.

1) *Банцъ* (Bantum), бенедиктинскій монастырь, гдѣ обучался и профессорствовалъ Шадъ, лежитъ на берегу Майна около Лихтенфельса въ Баваріи. Онъ былъ основанъ въ 1060 г. [4]) Альберадою, супругою Альберта Бабенберга. Монастырь достигъ процвѣтанія въ XIV вѣкѣ при аббатѣ Конрадѣ III Редвицѣ. Во время великой крестьянской войны монастырь былъ разрушенъ, и монахи выгнаны; возобновленъ онъ былъ въ 1529 г. аббатомъ Александромъ Ротенханомъ. При немъ и было основано учебное заведеніе и библіотека. Впослѣдствіи монастырь постигали опять бѣды, но онъ поправлялся, пока наконецъ—во время тридцатилѣтней войны онъ опять не былъ разрушенъ до основанія. Потомъ онъ былъ возстановленъ и

---

[1]) Гогоцкій цитируетъ правильно заглавія рѣчей.

[2]) Стр. 163.

[3]) Н. А. Лавровскій, Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1873. Апрѣль—Іюнь. книга II, отдѣлъ V. Смѣсь. «Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета», II, Шадъ, стр. 40.

[4]) Мы слѣдуемъ въ цифрѣ основанія прямому указанію *Oesterley*, Historisch-geographisches Wörterbuch des deutschen Mittelalters, 1883, стр. 42. *Büsching*, Erdbeschreibung, VII, 1790, стр. 859, даетъ 1071 годъ. Нѣмецкое изданіе энциклопедическаго словаря Брокгауза, 14-е изд., т. II, стр. 385—указываетъ 1096 г., а русскій переводъ того же словаря—(почему?)—1058 г.

окончательно закрытъ лишь въ 1802 г., причемъ библіотека была перенесена въ Бамбергъ, а на мѣстѣ остались лишь естественнонаучныя коллекціи. Зданіе было пріобрѣтено въ собственность баварскими герцогами, избравшими его своею лѣтней резиденціею [1]).

Учителями Шада въ Банцѣ были—по богословію Беда *Людвигъ*, а по философіи Ильдефонсъ *Шварцъ*.

2) Беда *Людвигъ*, бенедиктинскій монахъ, родился въ Вюрцбургѣ 16 февраля 1750 г., въ 1787 г. князь-епископъ Вюрцбургскій назначилъ его профессоромъ богословія. Умеръ онъ въ 1792 г. Изъ его трудовъ, кромѣ рецензій [2]), извѣстны:

Habakuk der Prophet, nach dem Ebräischen Text übertragen und erläutert. Francf. u. Lpz. 1779, in 8°.

Exegesis psalmi CIX, Hebraeis CX de Messia Jesu Nazareno, vero Deo, Rege et Sacerdote ex veritate Hebraica et antiquissimis versionibus adornata et ut psalterii *πρόδρομος* proposita. Bamberg. et Wirceb. 1779, in 8°.

3) Ildephons *Schwarz*, бенедиктинецъ, родился въ Бамбергѣ 4 ноября 1752 г., умеръ въ Банцѣ 10 іюня 1794 г. Сынъ бамбергскаго профессора медицины Христіана Вильгельма Шварца, учился у бамбергскихъ іезуитовъ. 15 марта 1769 г. поступилъ въ Банцъ послушникомъ, 15 августа 1770 г. принялъ постригъ и перемѣнилъ свое крестное имя Карлъ-Іозефъ на орденское Ильдефонсъ. Окончивши въ монастырѣ философскія и богословскія занятія, въ 1779 году сталъ профессоромъ философіи и математики, а потомъ богословія, и также вторымъ библіотекаремъ. Онъ отклонялъ приглашенія

---

[1]) О Банцѣ существуетъ нѣсколько спеціальныхъ монографій, както Шпренгера, Эстеррейхера, Теодори.

[2]) *Meusel*, L. d. t. Schr., 1808, т. VIII, стр. 392.

быть профессоромъ въ разныхъ университетахъ, равно какъ и приглашенія вюртембергскаго герцога Карла-Евгенія принять мѣсто его придворнаго проповѣдника. Умеръ 41 года отъ удара.

Онъ издалъ:

1) Betrachtungen über einige der wichtigsten Wahrheiten der christlichen Religion, 1793.

2) Handbuch der christlichen Religion, 1793, 94—въ трехъ томахъ; V-е изданіе вышло въ 1818. Это—апологетическое сочиненіе, имѣющее въ виду и Кантову философію.

Шварцъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ газеты Literatur des katholischen Teutschlands, основанной его орденскимъ братомъ и учителемъ Плацидусомъ Шпренгеромъ.

Кромѣ того, онъ издалъ:

Rev. *A. Geddes* de vulgarium Scripturae versionum vitiis eorumque remediis libellus, 1787, составляющеее переводъ сочиненія шотландскаго священника Александра Geddes'a Prospectus of a new translation of the Holy Bible from corrected texts of the original, 1786. Шварцъ снабдилъ переводъ собственными примѣчаніями.

Послѣ его смерти были изданы труды:

1) Новое, расширенное изданіе неаполитанца Антоніо Дженовези (Antonius Genuensis) Elementa artis logicae, 1796.

2) Переводъ проповѣдей Jacob's Archer's Predigten, aus dem Englischen въ 2 т. 1795, 96. Изданіе было докончено его орденскимъ братомъ и ученикомъ Othmar Frank, который оставилъ и свои воспоминанія о немъ подъ заглавіемъ:

Andenken an Ildephons Schwarz von einem seiner Schüler, 1796.

Надо полагать, что И. Шварцъ производилъ сильное

впечатлѣніе на своихъ учениковъ; и самъ Шадъ посвятилъ ему воспоминанія во II-мъ томѣ изданнаго имъ посмертнаго труда И. Шварца:

Anleitung zur Kenntniss derjenigen Bücher, welche den Kandidaten der Theologie... in der Katholischen Kirche nothwendig und nützlich sind въ 2 т., 1803, 04.

4) Шадъ читалъ рѣчь, посвященную памяти профессора Калькау.

Абрамъ Яковлевичъ *Калькау* [1]) былъ сынъ московскаго аптекаря, обучался въ университетахъ Московскомъ, Іенскомъ и Виттенбергскомъ, гдѣ получилъ степень доктора философіи. Будучи уже опредѣленъ на службу при Харьковскомъ университетѣ, онъ получилъ дозволеніе продолжать свое заграничное путешествіе и слушалъ медицинскія лекціи въ Гёттингенѣ, гдѣ получилъ вторую степень—доктора медицины и хирургіи. Еще годъ пробылъ онъ въ Берлинѣ, а потомъ возвратился въ Харьковъ и вступилъ въ должность 2-го сентября 1807 года. Въ 1808 г. Совѣтъ за недостаткомъ слушателей поручилъ ему въ замѣнъ лекцій заняться обработкой энциклопедіи и методологіи медицины. Въ 1812 г. этотъ его трудъ Introductio ad studia medica былъ напечатанъ въ университетской типографіи [2]). *Роммель* [3]) приписываетъ этому „русскому“ адъюнкту тонкое пониманіе лучшихъ писателей нѣмецкой литературы: Жанъ-Поль былъ его любимымъ авторомъ.

---

[1]) *Н. А. Лавровскій*, Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета, стр. 237—238, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, часть CLIX, февраль 1872 года.

[2]) *Фойгтъ*, Записка, стр. 143, или выше, стр. 23.

[3]) *Роммель*, Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго Университета, стр. 61.

5) Графъ Давидъ Максимовичъ *Алопеусъ*, русскій посланникъ, у котораго Шадъ добивался въ Берлинѣ возстановленія своихъ правъ, родился въ Выборгѣ въ 1769 г., воспитывался въ военной школѣ въ Штутгардтѣ, а по окончаніи въ ней курса поступилъ на дипломатическую службу подъ руководствомъ своего брата Максима Максимовича, бывшаго русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, затѣмъ и самъ былъ русскимъ посланникомъ при шведскомъ королѣ Густавѣ IV. Въ 1808 году во время войны Швеціи съ Россіею былъ посаженъ въ тюрьму. По удаленіи Густава IV Алопеусъ въ награду получилъ графское достоинство. Въ 1811 году Алопеусъ сдѣлался посланникомъ при Вюртембергскомъ дворѣ, затѣмъ въ 1813 генеральнымъ коммиссаромъ при союзной арміи, потомъ военнымъ губернаторомъ Лотарингіи, а по заключеніи мира русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ. Здѣсь онъ оставался вплоть до смерти своей 13 іюня 1831 года.

Разсказываютъ, что въ 1817 году у Шада была мысль обнародовать записки о всѣхъ пережитыхъ имъ на Руси несправедливостяхъ и о тамошнихъ скандалахъ; но крайняя нищета заставила его незадолго до смерти продать свою тайну русскому посланнику въ Берлинѣ, Алопеусу [1]).

Любопытно указаніе *Колюпанова* [2]), что „еще въ сороковыхъ годахъ онъ самъ началъ учиться по книгѣ Шада „De viris illustribus“, которая не миновала рукъ ни одного изъ учившихся въ то время“. Неправильно только, будто Шадъ издавалъ латинскія христоматіи, вводившіяся, какъ обязательное руководство во всѣ среднія учебныя заведенія (тамъ же). Шадъ издалъ всего лишь *одну* латинскую христоматію и одну нѣмецкую (вмѣстѣ съ Роммелемъ). Защита нравственнаго характера Шада свидѣтельствуетъ о болѣе глубокомъ пониманіи натуры Шада со стороны Колюпанова.

---

[1]) Роммель, стр. 66.

[2]) Біографія Кошелева. I, 2, стр. 299.

Прибавленіе.

Гриневичъ.

Упоминаемый на стр. 50 *Гриневичъ*, повидимому, есть то же самое лицо, которое впослѣдствіи служило профессоромъ въ Одесскомъ лицеѣ и въ Кіевскомъ Университетѣ.

Михневичъ [1]) сообщаетъ, что Илья Ѳедоровичъ Гриневичъ съ 1821 г. до 1826 г. служилъ при Ришельевскомъ лицеѣ. Онъ былъ магистромъ *Харьковскаго* Университета, 24 января 1821 г. утвержденъ профессоромъ латинской и россійской словесности, а исправляющимъ должность проф. *законовѣденія* и политической экономіи онъ же состоялъ съ 18 апрѣля по 1 сентября 1825 года. Кромѣ того, состоялъ библіотекаремъ при лицеѣ и членомъ правленія лицея по учебной части.

Дальнѣйшія любопытныя свѣдѣнія о немъ предлагаетъ историкъ Кіевскаго Университета [2]).

---

[1]) Историческій обзоръ сорокалѣтія Ришельевскаго Лицея, Одесса, 1857, стр. 74.

[2]) Стр. 223.

17 іюня 1839 г., *бывшій профессоръ Ришельевскаго лицея и директоръ Бессарабскихъ училищъ Гриневичъ* подалъ прошеніе ректору, въ которомъ, прилагая экземпляръ переведенной имъ рѣчи Цицерона pro Milone и экземпляръ своихъ писемъ о философскихъ предметахъ, просилъ предложилъ „именитѣйшему совѣту“ Университета объ избраніи его ординарнымъ профессоромъ латинской словесности. Сверхъ представленныхъ сочиненій, онъ ссылался на нѣсколько изданныхъ имъ или приготовленныхъ переводовъ и статей. Въ засѣданіи совѣта 17 августа 1839 г. ректоръ словесно заявилъ, что разсмотрѣніе сочиненій Гриневича онъ поручалъ пр. Нейкирху, и предъявилъ поданное ему Нейкирхомъ письменное мнѣніе о нихъ; совѣтъ по разсмотрѣніи послѣдняго опредѣлилъ объявить Гриневичу, что предъявленныя имъ сочиненія по своему объему и содержанію не могутъ послужить достаточнымъ основаніемъ къ удовлетворенію его просьбы. Но сентября 2-го того же года Гриневичъ подалъ новое прошеніе, въ которомъ просилъ предложить *благолюбивѣйшему совѣту гг. именитѣйшихъ проф. сего университ.* о порученіи ему вакантной каѳедры латинской словесности, впредь до бо́льшаго удостовѣренія въ его познаніяхъ и способностяхъ, съ жалованьемъ, какое совѣтъ признаетъ справедливѣйшимъ. Такая настойчивость оказалась полезною для него; найдено было необходимымъ справиться съ мнѣніемъ цѣлаго факультета, а не одного И. Я. Нейкирха. Мнѣніе этого послѣдняго дѣйствительно было провѣрено, при чемъ факультетъ, при полномъ составѣ своихъ членовъ, нашелъ, что хотя въ представленномъ Нейкирхомъ мнѣніи и означены нѣкоторыя погрѣшности Гриневича, которыя признаётъ факультетъ, но въ сочиненіяхъ его видно и основательное знаніе древнихъ римскихъ писателей, и знакомство съ римскими древностями, вообще Гриневичъ, вполнѣ *обладая русскимъ языкомъ*, можетъ свободно изъяснять; въ заключеніе большинствомъ всѣхъ голосовъ, кромѣ одного голоса проф. Нейкирха, положено просить

совѣтъ Университета о допущеніи Гриневича къ преподаванію латинскаго языка [1]). Въ подчеркнутыхъ словахъ факультетскаго опредѣленія содержится явный намекъ на самого рецензента. 7 октября 1839 г. совѣтъ засѣдалъ въ присутствіи попечителя учебнаго округа и его помощника; тогда читана была Гриневичемъ пробная лекція: „О жизни и сочиненіяхъ Тацита“, изложенная, частью по латыни, частью по русски. Совѣтъ призналъ лекцію и по содержанію. и по изложенію удовлетворительною и рѣшилъ ходатайствовать о допущеніи Гриневича къ временному преподаванію латинскаго языка и его словесности съ содержаніемъ адъюнкта, доколѣ или онъ вполнѣ окажется способнымъ занять каѳедру этого предмета, или не явится другой способнѣйшій. Но управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія (26 декабря того же года) сдѣлалъ больше, чѣмъ просилъ совѣтъ, именно разрѣшилъ допустить Гриневича къ преподаванію въ Университетѣ съ производствомъ ему жалованья, положеннаго экстраординарному профессору (т. е. по 3 тыс. ассигн. въ годъ). Здѣсь выразился первый пріемъ борьбы двухъ національныхъ партій, оставшихся въ университетѣ св. Владиміра, т. е. русской и нѣмецкой. Но Гриневичъ недолго послужилъ въ Университетѣ. Въ сентябрѣ 1840 г. профессоръ Нейкирхъ вошелъ съ представленіемъ въ Совѣтъ о назначеніи на вакантную каѳедру римской словесности адъюнкта Дёллена, съ повышеніемъ его въ званіе экстраординарнаго проф., ссылаясь на то, что хотя Дёлленъ издалъ только два сочиненія De vita Livii Andronici и De fabula Livii Andronici, но и въ нихъ показалъ способность самостоятельно обработывать науку и свободно владѣть латинскимъ языкомъ, и что къ этому присоединяется въ немъ даръ ясно и отчетливо передавать свои познанія. Благолюбивѣйшій совѣтъ именитѣйшихъ профессоровъ, какъ титуловалъ его Гриневичъ, рѣшилъ подвергнуть Дёллена избранію и избралъ 10-ю голосами противъ одного, а Гриневича увѣ-

[1]) Стр. 224.

домилъ, что его услуги уже больше не нужны. Гриневичъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ.

Счастливый соперникъ Гриневича, дерптскій нѣмецъ Дёлленъ, обнаружилъ, по мнѣнію „Исторіи“, знанія латинской филологіи, далеко оставлявшія за собою старомодную южнорусскую латынь Гриневича [1]).

Итакъ въ періодъ между профессурою въ Одессѣ и преподаваніемъ въ Кіевскомъ Университетѣ Гриневичъ, надо полагать, занималъ должность Директора Бессарабскихъ училищъ. О дальнѣйшей судьбѣ его и о кончинѣ мы свѣдѣній не имѣемъ.

Скандалъ въ Харьковѣ происходилъ въ 1815—1816 годахъ. Въ концѣ 1815 года Дегуровъ донесъ Совѣту, что диссертаціи докторантовъ Ковалевскаго и Гриневича буквально списаны съ печатнаго сочиненія Шада и буквально сходны съ записками студентовъ (Гриневичъ уже успѣлъ защитить свою диссертацію). Назначенная Совѣтомъ Коммиссія изъ профессоровъ Шумлянскаго, Успенскаго и Нельдехена подтвердила донесеніе Дегурова. Рѣшено было донести о томъ министру, который и потребовалъ къ себѣ обѣ диссертаціи. а также рукописныя тетради Шада, по которымъ онъ читалъ философію (засѣданіе 16 февраля 1816 года). Послѣднія не могли быть отправлены, такъ какъ Шадъ на запросъ Совѣта отозвался, что онъ Метафизику читалъ безъ записокъ (ex temporе tradit), а остальное (логику) по изданному руководству; вмѣсто нихъ были отправлены студентскія записки [2]). И въ министерствѣ, какъ видно изъ доклада министра въ совѣтѣ министровъ, признали, что диссертаціи

---

[1]) Стр. 225.

[2]) Лавровскій. Чтенія., стр. 40.

Гриневича и Ковалевскаго оказались подложными и списанными съ записокъ(?) сочиненія(?) Шада [1]).

8 декабря по предписанію министра полиціи Шадъ былъ поспѣшно вывезенъ изъ Харькова и препровожденъ за границу [2]).

Михневичъ упоминаетъ, что Гриневичъ издалъ [3]): 1) нѣсколько рѣчей Цицерона въ русскомъ переводѣ, и 2) Жизнь Римлянъ, какъ руководство при изученіи римскихъ древностей.

Фойгтъ сообщаетъ, что въ университетской типографіи въ 1815 г. печатались диссертаціи *Ковалевскаго* и магистра Гевлича на русскомъ языкѣ.

Въ 1816 г. кандидатъ Гриневичъ напечаталъ переводъ изъ Цицерона „О естествѣ боговъ“.

Въ 1817 г. Гриневичъ печатаетъ переводъ первой рѣчи Цицерона противъ Катилины.

Въ 1818 г. Гриневичъ печатаетъ переводъ изъ Цицерона рѣчи за стихотворца Архія [4]).

Въ Кіевскомъ Университетѣ Гриневичъ, какъ сказано выше (стр. 56), представлялъ еще переводъ рѣчи Цицерона за Милона и „философскія письма“. Что это были за письма, и была ли то печатная книга, какъ это слѣдуетъ, повидимому, предполагать изъ слова „экземпляръ“, мы не знаемъ.

„Энциклопедическій словарь“ Брокгауза [5]) перечисляетъ труды Гриневича: 1) О естествѣ боговъ, 2) Первая рѣчь противъ Катилины, 3) Рѣчь за стихотворца Авла Лициніа Архія, 4) Рѣчь въ оправданіе Милона, 5) *Письма о фило-*

---

[1]) Тамъ же, стр. 45.

[2]) Тамъ же, стр. 44.

[3]) L. c.

[4]) L. c., стр. 145, 147, 148, или выше, стр. 24, 25.

[5]) Полутомъ 18-й, стр. 736.

софскихъ предметахъ, 6) Жизнь древнихъ римлянъ отъ основанія Рима до Константина Великаго, Одесса, 1846, и пр. Изъ статьи не видно, пользовался ли авторъ какими иными источниками, кромѣ указанныхъ нами, и описаны ли книги Гриневича по автопсіи.

Д. И. Нагуевскій [1]) цитируетъ: 157. бесѣда(ы?) Цицероновы *о естествѣ боговъ*, часть I. перев. *Илья Гриневичъ*, Харьковъ, 1817. 158. Рѣчь за *стихотворца Архія* перев. *Илья Гриневичъ*. Харьковъ, 1818. 160. Рѣчь Цицеронова въ справед. *Т. Аннія Милона*, перев. Илья Гриневичъ. Одесса, 1833.

---

[1]) Библіографія по исторіи римской литературы въ Россіи съ 1709 по 1889 годъ, съ введеніемъ и указателемъ, Казань, 1889, § 13. М. Туллій Цицеронъ, II, переводы, стр. 10.

IV.

Замѣтки о Д. М. Велланскомъ.

> Vielleicht wird das nachfolgende Geschlecht gerechter sein, und auch ihm den Ehrenplatz in der Gelehrtenhalle Europa's anweisen, den oft Missgunst und Unverstand den grössten Gelehrten auf eine Zeitlang zu versagen wagen.
>
> Max. Heine (Nekrolog W—s).

Основнымъ источникомъ для біографіи перваго и наиболѣе жаркаго послѣдователя Шеллинговой натурфилософіи въ Россіи, профессора и академика Даніила Михайловича Велланскаго является статья *Николая Розанова*: „Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ", помѣщенная въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1867 годъ, томъ 72, ноябрь, стр. 99—137 [2]). Тамъ Розановъ не только далъ мѣсто своимъ личнымъ воспоминаніямъ (на ряду съ автобіографическими указаніями самого Розанова [2]), но и попытался сгруппировать все, что до того

---

[1]) *Геннади*, Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, т. I, стр. 139 неправильно указываетъ вмѣсто «Русскаго Вѣстника»—«Вѣстникъ Европы», т. 72, за 1867 г., № 11.

[2]) Стр. 130—135.

времени появилось о Велланскомъ. Изъ этой статьи Розанова почти всецѣло почерпнуты новыя обработки біографіи Велланскаго, помѣщенныя въ Энциклопедическомъ словарѣ *Брокгауза* (подписана *Н. Егоровымъ*) [1]) и въ критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ *С. А. Венгерова* [2])—статья *В. К.*

Другимъ, тоже важнымъ источникомъ для біографіи Велланскаго является оффиціальная книга: Академическіе акты. Матеріалы для исторіи Императорской санктпетербургской медико-хирургической академіи, въ память пятидесятилѣтія ея собранные ординарнымъ профессоромъ Григоріемъ *Прозоровымъ*, СПБ. 1850.

Сгруппировать матеріалъ о Велланскомъ и различныя оффиціальныя даты о немъ, разбросанныя въ этой книгѣ (къ сожалѣнію, какъ и большинство русскихъ книгъ, она не имѣетъ указателя, что̀ дѣлаетъ пользованіе ею весьма неудобнымъ) первый попытался Розановъ въ своей статьѣ [3]). Просмотрѣвши всю книгу Прозорова страницу за страницей, мы убѣдились въ томъ, что Розановъ кое-чего не замѣтилъ и кое-что пропустилъ. Поэтому мы вознамѣрились еще разъ собрать во едино всѣ данныя о Велланскомъ, имѣющіяся у Прозорова съ указаніемъ страницъ (чего нѣтъ у Розанова).

„Изъ учащихся ко времени до 1808 года принадлежитъ..., Даніилъ *Велланскій*.... и другіе (стр. 32). Студентъ Велланскій въ 1799 году перевелъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ: 1) Начальныя основанія Всеобщей медицины, *Мецлера*; 2) въ 1801 г., будучи кандидатомъ медицины и хирургіи, перевелъ съ нѣмецкаго же практическую медицину *Селле*; 3) а въ 1805 году уже въ званіи лѣкаря сочинилъ на русскомъ языкѣ

---

[1]) X, стр. 851—852.

[2]) Томъ V, стр. 215—221.

[3]) Стр. 135—136.

„Пролюзію къ медицинѣ“ (стр. 83). Каѳедра патологіи и терапіи. Преподаватель адъюнктъ-профессоръ Иванъ *Смѣловскій*. Репетиторомъ при немъ по представленію Смѣловскаго утвержденъ 31-го октября 1801 года кандидатъ С.-Петербургскаго сухопутнаго госпиталя Даніилъ Велланскій, а потомъ 29 декабря 1801 года, студентъ 4-го класса Яковъ *Кайдановъ* (стр. 23). Скорая перемѣна въ репетиторахъ произошла отъ того, что... указомъ Государственной медицинской Коллегіи 28 Іюня 1801 года было назначено послать за границу трехъ лекарей или кандидатовъ въ чужіе края съ наставленіемъ отъ коллегіи; для чего конференція избрала бывшихъ репетиторовъ: Семена *Гаевскаго* [1]), Михаила *Крамарева* и Даніила Велланскаго (стр. 24, 25). Посланные за границу по окончаніи назначеннаго трехлѣтняго срока возвратились: въ 1805 году—Гаевскій и Велланскій Крамаревъ, возвращаясь въ Россію, умеръ въ Копенгагенѣ (стр. 67, и тамъ же примѣчаніе), а въ 1806 *Громовъ*, *Германъ*, *Домонтъ* и Ясонъ *Петровъ*, и по предписанію Министра они поступили помощниками профессоровъ (стр. 68). На степень доктора написано разсужденіе Даніила Велланскаго „О реформѣ медицинской и физической теоріи“ (стр. 84). 16 генваря 1806 года по представленію конференціи разрѣшено пріискать преподавателей для латинскаго и нѣмецкаго языковъ.... Преподаваніе.... нѣмецкаго поручено адъюнктъ-профессору Велланскому съ жалованьемъ по 400 руб. въ годъ (стр. 99).

По каѳедрѣ ботаники и фармакологіи профессоромъ былъ коллежскій совѣтникъ *Рудольфъ* (стр. 144). Адъюнктомъ опредѣленъ къ нему экстраординарный профессоръ Даніилъ Велланскій. По смерти Рудольфа на вакантную каѳедру подалъ прошеніе адъюнктъ-профессоръ анатоміи и физіологіи Ясонъ

---

[1]) Будущаго лейбъ-медика и директора медицинскаго департамента.

Петровъ, представляя о вредномъ вліяніи анатомическихъ работъ на его здоровье. Президентъ (*Вилліе*) предложилъ конференціи сдѣлать экзаменъ между послѣднимъ и Велланскимъ; но конференція, объясняя, что ей неизвѣстны оба кандидата опытами ихъ знаній въ наукахъ вакантной каѳедры, предложила объявить конкурсъ для всѣхъ желающихъ; чрезъ нѣсколько времени Президентъ далъ знать конференціи, что Министръ утвердилъ, по его представленію, Ясона Петрова преподавателемъ ботаники и фармакологіи, а Даніила Велланскаго, по его прошенію, адъюнктомъ анатоміи и физіологіи (стр. 145).

Каѳедра анатоміи и физіологіи; профессоромъ ея оставленъ коллежскій совѣтникъ *Загорскій*; адъюнктомъ его сначала былъ Ясонъ Петровъ, а черезъ годъ—Даніилъ Велланскій (стр. 145).

По анатомическому кабинету (стр. 167): прозекторъ *Яворскій* предложилъ президенту 4 восковыхъ препарата черепа и позвоночнаго столба, за которые по отзывамъ профессоровъ *Загорскаго*, *Буша* и *Велланскаго* Яворскій заслуживалъ поощреніе.

Въ 1809 году, іюня 3-го при участіи графа *Аракчеева* поступилъ инспекторомъ Академіи статскій совѣтникъ *Энгольмъ*, бывшій главнымъ докторомъ арміи и увольнившійся изъ службы съ пенсіономъ. Помощниками инспектора были: экстраординарные профессора Гаевскій и Велланскій и адъюнктъ-профессоръ Германъ (стр. 170). Велланскій значится имъ до 1823 г. (стр. 231). Въ періодъ съ 1810—1822 года Велланскій значится членомъ конференціи (стр. 190).

Въ 1812 году, по распоряженію конференціи было возложено на Велланскаго читать лекціи анатоміи воспитанникамъ упраздненнаго фармацевтическаго отдѣленія, перемѣщеннымъ въ отдѣленіе медицинское.

Экстраординарный профессоръ Велланскій перевелъ 1-ю

часть Россійской полевой фармакопеи, принятой въ руководство по опредѣленію конференціи и съ согласія президента (стр. 176). Каѳедра анатоміи и физіологіи: преподавателемъ былъ академикъ Петръ *Загорскій*; при немъ адъюнктъ, экстраординарный профессоръ Даніилъ Велланскій преподавалъ первыя части анатоміи и за выслугу лѣтъ произведенъ въ 1814 г. ординарнымъ профессоромъ (стр. 192).

Въ 1819 г. физіологія (соединявшаяся прежде съ анатоміею) вмѣстѣ съ патологіей составили особую каѳедру; профессоромъ ея назначенъ академикъ Даніилъ Велланскій, бывшій въ качествѣ адъюнкта по каѳедрѣ анатоміи и физіологіи. Въ преподаваніи предметовъ онъ слѣдовалъ по общей физіологіи *Окену*, выдавая записки свои, представлявшія въ сокращеніи Naturgeschichte, и по частной физіологіи — *Вальтеру*, также въ запискахъ; кромѣ того, по распоряженію конференціи, назначалась въ руководство физіологія *Прохаски*, переведенная Велланскимъ 1822 года [1]). Патологія преподавалась по собственнымъ запискамъ профессора (стр. 197).

Въ періодъ съ 1823—1839 г. значится, что Велланскій преподавалъ физіологію общую по собственнымъ запискамъ, а частную по физіологіи профессора *Прохаски*, имъ переведенной; патологію по сочиненію профессора *Гартмана*, также имъ переведенному (стр. 269).

Каѳедра физіологіи и патологіи за тотъ же періодъ: занималъ эту каѳедру съ начала ея образованія до 1837 г. заслуженный профессоръ Велланскій; по увольненіи его преподаваніе предметовъ поручено адъюнктъ-профессору Александру *Загорскому*, произведенному въ слѣдующемъ году ординарнымъ профессоромъ. Въ 1823 г. въ должности адъюнкта при про-

---

[1]) Среди почетныхъ членовъ медицинской Петербургской Академіи за періодъ отъ 1810—1822 г. значатся вѣнскіе профессора Георгій *Прохаска* и Филиппъ *Гартманъ* (Прозоровъ, стр. 185 и 187).

фессорѣ Велланскомъ состоялъ докторъ Германъ *Киліянъ*, который въ томъ же году увольнился. Въ 1825 г. посланъ заграницу для усовершенствованія въ наукахъ этой каѳедры кончившій въ академіи курсъ наукъ съ отличіемъ лѣкарь *Савченко*, который, возвратившись къ своему мѣсту, въ 1831 году умеръ. Въ 1834 году опредѣленъ адъюнктомъ Александръ Загорскій, который при новомъ распредѣленіи каѳедръ опредѣленъ къ каѳедрѣ Гинекопедіатріи, а по увольненіи Велланскаго изъ академіи переведенъ на мѣсто его исправляющимъ должность профессора (стр. 255).

Въ 1834 г. Велланскій былъ членомъ правленія академіи (стр. 289).

Въ 1818 г. на мѣсто Василія *Джунковскаго*, поступившаго въ Харьковскій Университетъ профессоромъ, поступилъ библіотекаремъ академикъ Велланскій (стр. 220). Съ 11-го генваря 1839 года академическая библіотека находилась въ завѣдываніи библіотекаря *Лобачевскаго* (стр. 393). Въ числѣ разныхъ лицъ, дарившихъ книги въ эту библіотеку значится и проф. Велланскій (стр. 223). Въ періодъ состоянія академіи въ вѣденіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Даніилъ Велланскій, заслуженный проф. „здѣшней академіи“, числится между почетными членами ея (стр. 244).

Литературныя указанія сообщаютъ объ изданіи Велланскимъ „Біологическаго изслѣдованія природы“ въ 1813 году, [1]) „Физіологіи“ *Прохаски* въ 1822 г. (стр. 238) и перевода *Кленке* о лѣченіи кожи по Присницу (стр. 435).

---

[1]) Ошибочно, вмѣсто 1812 г.

О томъ, какъ смотрѣлъ Велланскій на лѣченіе больныхъ своими коллегами, сохранился слѣдующій разсказъ.

Однажды представлялись Виллié по какому то случаю всѣ профессоры академіи, и онъ спросилъ Велланскаго: какимъ считаетъ онъ своего зятя, доктора Соколова? „Онъ *лѣчитъ*“, отвѣчалъ спрошенный, „*больныхъ*, а въ наукѣ нисколько не опередилъ другихъ: *знаетъ* столько же, сколько и каждый“. Виллié улыбнулся и сказалъ: „Вы неизмѣнны, Даніилъ Михайловичъ!“

О преподаваніи Велланскаго имѣются такія свидѣтельства. „Смотря на физіологію и общую патологію съ точки зрѣнія шеллинговой и океновой философіи, этотъ величайшій изъ русскихъ натурфилософовъ выработалъ изъ содержанія физіологіи абстрактъ и до того умѣлъ завлечь имъ молодые умы своихъ слушателей, что на его лекціи смотрѣли, какъ на какое то откровеніе и восхищались ими до самозабвенія. Курсъ его былъ, можно сказать, безпрерывнымъ экстазомъ, о которомъ бывшіе ученики его не могли вспомнить безъ восторга даже черезъ 20 лѣтъ по выходѣ изъ академіи. Замѣчательно при этомъ, что Велланскій не любилъ анатоміи и никогда не занимался ею практически, хотя и первоначально и считался адъюнктомъ при каѳедрѣ анатоміи. Можетъ быть, это отчужденіе отъ анатоміи и было причиною крайняго увлеченія его въ отвлеченныя сферы“ [2]).

---

[1]) Стр. 129 въ статьѣ Николая *Розанова*.

[2]) *А. Я. Чистовичъ*, И. Я. Буяльскій, Русская Старина за 1876 г., февраль (289—310) и мартъ (599—616),—см. стр. 295, 296.

„Студенты слушали его съ такимъ вниманіемъ, что, если бы профессоръ умолкъ, то въ тишинѣ стало бы, кажется, слышно движеніе паутины въ воздухѣ. Во время лекціи 400 глазъ слушателей не сводили съ него взгляда“ [1]).

Недурную характеристику Велланскаго мы находимъ у *А. М. Левина* [2]).

Нѣкоторыя изъ сочиненій Велланскаго были рѣдкостью еще при жизни автора [3]). Немудрено, что до сихъ поръ еще нѣтъ вполнѣ точнаго и надежнаго библіографическаго описанія всѣхъ трудовъ философа. Ниже читатель увидитъ, насколько разногласятъ въ своихъ показаніяхъ писавшіе о Велланскомъ, что̀ касается его сочиненій. Особенно неряшлива въ указаніяхъ статья *В. К.* въ словарѣ Венгерова: библіографическія данныя либо совсѣмъ невѣрны, либо такъ недостаточны и неточны, что заставляютъ терять понапрасну при отысканіи и трудъ, и время; такъ, напр., о статьѣ *Розанова*, изъ которой извлечена самая статья В. К., не сказано даже, *гдѣ* она помѣщена (стр. 215).

---

[1]) Розановъ, стр. 107.

[2]) «Д. М. Велланскій и шеллинизмъ въ русской медицинѣ начала XIX вѣка». «Врачъ» за 1895 годъ, томъ XVI, первое полугодіе, № 26, стр. 725—728 и второе полугодіе, № 27, стр. 763, 764 и № 28, стр. 788—791. У Венгерова (стр. 215) неправильно: №№ 28—30.

[3]) Розановъ, стр. 105.

Оригинальные труды.

(отдѣльныя изданія).

1) *Пролюзія* къ медицинѣ, какъ основательной наукѣ, отъ Данилы *Велланскаго*, СПБ, 1805, 8°. Предувѣдомленіе, текста 79 стр. и „опечатки". Рецензія (неблагопріятная) на этотъ трудъ: „*Лицей*", періодическое изданіе Ивана *Мартынова* на 1806 г. часть первая, книжка первая [1]), отдѣлъ V, Критика, стр. 65—73. Въ оглавленіи ошибка: вмѣсто „критика"—V. Политика—стр. 63, и VI. Исторія—тоже стр. 63.

2) *Dissertatio* physico-medica de reformatione theoriae medicae et physicae auspicio philosophiae naturalis ineunte, Petropoli, 1807.

3) *Біологическое изслѣдованіе природы* въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ, содержащее основныя начертанія [2]) всеобщей физіологіи. Сочиненіе Данила Велланскаго, СПБ, 1812, 8°. Титулъ, посвященіе Императору Александру I.—2 листка ненумерованы, „Предувѣдомленіе" XVI стр. и 446 стр. текста. Общее показаніе содержаній 447—464 (цифра 6—опечатка вмѣсто 5, всего страницъ не 464, а 454) и 2 ненум. страницы „опечатки".

---

[1]) У *Венгерова* только: «Лицей», 1806, № 1,

[2]) По указанію Розанова, 15 печатныхъ листовъ (стр. 136). У Венгерова—1806.

[3]) У Венгерова невѣрно: очертанія и стр. XVI+464.

4) *Физіологическая программа* о внѣшнихъ чувствахъ, внутреннихъ дѣйствіяхъ мозга [1]) и наружныхъ очертаніяхъ головы для руководства въ приватныхъ лекціяхъ изъ органической физики. СПБ., 1819. 8°, стр. 10.

5) *Конспектъ* главныхъ содержаній общей физики. СПБ., 1830, in 8°, стр. 16. „Конспектъ“ воспроизведенъ у *Колюпанова*, „Біографія Александра Ивановича *Кошелева*“ [2]) подъ заглавіемъ „Программа публичныхъ чтеній проф. Велланскаго въ С.-Петербургѣ въ 1830 г.“ Равнымъ образомъ „Конспектъ“ былъ весь воспроизведенъ въ свое время (безъ соблюденія орѳографіи автора) и съ указаніемъ на объявленіе № 2 „*Сѣверной Пчелы*“ въ журналѣ „*Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ*“, на 1831 г., т. XVII (Сына Отечества 139-й, а Сѣвернаго Архива 53-й), № I, отд. III, физика, стр. 37—49. Въ оглавленіи опечатка: 137 вмѣсто 37 [3]).

Рецензія на „Конспектъ“ имѣется въ журналѣ „Московскій Телеграфъ“ за 1831 годъ, часть 37-я, № 2, январь. Отдѣлъ: „Современная библіографія“,— „Русская литература“, стр. 259—262 [4]).

6) Опытная, наблюдательная и умозрительная *физика*, излагающая природу въ вещественныхъ видахъ, дѣятельныхъ силахъ и зиждущихъ началахъ неорганическаго міра—составляющая первую половину энциклопедіи физическихъ познаній. Сочиненіе Даніила Велланскаго. Съ четырьмя гравированными таблицами. СПБ. 1831. 8°. Титулъ и посвященіе (2 листка)

---

[1]) Мозга нѣтъ у В. К. въ слов. Венгерова (стр. 218—219).

[2]) Томъ I, книга II, стр. 434—438.

[3]) Венгерова Словарь указываетъ эту статью просто: Сынъ etc., за 1834 г., № 1 и ошибочно считаетъ ее *отзывомъ о* «Конспектѣ», тогда какъ тутъ только репродукція текста, и нѣтъ ни малѣйшаго отзыва.

[4]) У Венгерова просто: «Московскій Телеграфъ». 1831 г., № 2 (января или февраля?).

не нумерованы. „Предисловіе“ IV стр. „Оглавленіе содержанія“ 2 стран. ненум. Текстъ 900 стр., опечатки 2 ненум. „Имена господъ пренумерантовъ по времени ихъ подписки“ — 6 ненум. стр.

Одна глава изъ „Физики“ появилась въ журналѣ „Московскій Телеграфъ“ за 1831 г., часть 40-я, августъ, № 15, стр. 321—334. „Солнце“, отрывокъ изъ новаго сочиненія Д. М. Велланскаго. Редакція оговаривается въ примѣчаніи: „Замѣтимъ здѣсь, что по желанію автора въ предлагаемомъ читателямъ отрывкѣ мы въ точности соблюдаемъ его правописаніе“. Статья напечатана безъ подраздѣленій, а въ отдѣльномъ изданіи „Физики“ занимаетъ два §§ 136 и 137— на стр. 152—163 [1]).

О близкомъ выходѣ въ свѣтъ „Физики“ оповѣщали вкратцѣ „Московскій Телеграфъ“ за 1831 г. часть 38-я, мартъ, № 6, Смѣсь, стр. 290—291 и „Московскій Вѣстникъ“ за 1830 г., часть II, № VIII, Литературныя Новости, стр. 397. Послѣдній пишетъ: „Его (Велланскаго) сочиненіе обнимаетъ всю природу и, слѣдовательно, его физикѣ дано другое значеніе, а не то, въ которомъ она обыкновенно принимается. Говорятъ, что философъ-натуралистъ нашъ намѣренъ здѣсь начала принимаемой имъ теоріи приложить къ самымъ частнымъ явленіямъ и развить подробно. Любопытно увидѣть, какъ исполнитъ онъ сіе предпріятіе“.

„Физика“ вызвала „Разборъ физики г. Велланскаго и другихъ новѣйшихъ авторовъ“. Часть первая, СПБ. 1834, ненум. 8 [титулъ, оглавленіе (даже и второй части, *не вышедшей* въ свѣтъ) 4 стр., предисл. 2 стр.], текста 127 стр., на особомъ листкѣ опечатки, вкравшіяся въ *нѣкоторые* (?) экземпляры. Въ началѣ книги грав. таблица со стихами: Взглядъ

---

[1]) Венгерова Словарь приводитъ ее, какъ особую журнальную статью (стр. 224).

на величіе, устройство мірозданья Мысль смертныхъ цѣпенитъ, волнуетъ грудь—сердца. О! недостоинъ тотъ и наименованья, Кто въ немъ не познаетъ величія Творца.

7) Основное начертаніе общей и частной *физіологіи*, или физики органическаго міра. Для руководства къ преподаванію физіологическихъ лекцій. СПБ., 1836, 8°, стр. VI ненум. + X + 4 оглав. + 502. Посвящается Юнымъ Россіянамъ, занимающимся Физическими и Психическими науками, и желающимъ имѣть высшее, истинное познаніе органической Природы и существа человѣческаго"! Эпиграфъ изъ Henrich Steffens'a: Die Atomenlehre unserer Tage verliert sich, bey der Erklärung physischer Kräfte, in die wildesten Hypothesen, welche den zukünftigen Zeiten als merkwürdiges Denkmal der Verirrungen des menschlichen Verstandes erscheinen werden!

Оригинальныя журнальныя статьи.

1. „О солнцѣ, свѣтѣ и теплотѣ". Вѣстникъ Европы, издаваемый Владиміромъ *Измайловымъ*, 1814 г., часть 75-я, май, № 9, отд. II. Науки. Стр. 16—29. Датировано 1 марта 1814 г. [1]).

Статья написана по поводу статьи въ академическомъ мѣсяцословѣ. См. „Санктпетербургскій карманный мѣсяцословъ". Печатано при Императорской Академіи Наукъ на лѣто 1814, которое есть простое, содержащее въ себѣ 365 дней; XXIV стр. + 312.

„Разныя сочиненія" заключаютъ:

1) Продолженіе „Начертанія системы міра"—„*Солнце*" (Въ оглавленіи ошибка: не съ 1, а со **2**), стр. 1—128.

---

[1]) У Венгерова ошибочно: 1814, № 4.

Это „Краткое начертаніе системы міра“, написанное очень популярно и удобопонятно, притомъ вполнѣ литературнымъ и весьма хорошимъ языкомъ, тянется черезъ много лѣтъ мѣсяцослововъ. Такъ въ „Мѣсяцословѣ“ за 1812 г. находимъ: „Краткое начертаніе системы міра“, стр. 35—206, заключающее слѣдующія статьи: О суточномъ движеніи земли, стр. 37; Годовое движеніе земли, 54. Система міра, 81, Кеплеровы законы, 108, Физическая астрономія, 135, Законъ недѣйственности, 137, О средоклонной силѣ солнца, 141, Законъ средоклонной силы, 143, Притягательная сила есть общее свойство вещества, 148, Она то же, что̀ и тяжесть, 151, О всеобщемъ тяготѣніи, 156, О вѣсѣ небесныхъ тѣлъ, 164, Еллиптическое движеніе планетъ, 181, О возмущеніяхъ еллиптическаго движенія, 187, О колебаніи земли и луны, 190, О приливѣ и отливѣ, 193, О воздушныхъ камняхъ, 197, О погодѣ, 202.

Мѣсяцословъ на 1813 г. заключаетъ въ себѣ: I). Краткое начертаніе системы міра (продолженіе), стр. 25—134, а именно: Топографія неба, 37, Земля, 38, Луна, 50. Мѣсяцословъ на 1815 г. посвящаетъ той же статьѣ (продолженіе), стр. 1—100; Венера—стр. 13, Меркурій—71 и Марсъ—84. На 1816 годъ: стр. 1—115, а именно, Юпитеръ—1, Сатурнъ, 47, Ураній, 95, О четырехъ новѣйшихъ планетахъ, 102. На 1817 годъ—стр. 25—200: О кометахъ—25, Число кометъ, 32, О путяхъ кометъ, 59, О физическомъ состояніи кометъ, 126. Мѣсяцословъ на 1818 г. даетъ подъ тѣмъ же общимъ заголовкомъ статью: Планетная система, стр. 1—190. 1819 г. вмѣщаетъ „продолженіе“ той же статьи и трактуетъ „О неподвижныхъ звѣздахъ“, стр. 1—114.

Статья Велланскаго вызвала рѣзкую отповѣдь въ Мѣсяцословѣ за 1815 г.: Смѣсь. Ни мало не отвѣтъ на критику, стр. 185—216. Авторъ не называетъ В-аго по имени: (стр. 188) „критикъ нашъ (коего мы для избѣжанія всякой лич-

ности, означимъ ученою буквою Д.....)"...Докторъ?—6 точекъ послѣ Д?

3) Замѣчанія на статью литературнаго французскаго журнала Le Faret. „Литературная Газета" за 1830 г, № 16. [1]).

4) Что же касается статьи: „Краткое извлеченіе изъ физики", то она *не подписана*, но насчетъ авторства Велланскаго свидѣтельствуетъ его объявленіе въ № 133 „Сѣверной Пчелы" за 1832 г., воспроизведенное въ „Московскомъ Телеграфѣ" за 1832 г., № 6, мартъ, Смѣсь, „Вызовъ, сдѣланный Академикомъ Д. М. Велланскимъ (стр. 303—305) см. стр. 305: ...„*Авторъ* составилъ краткое извлеченіе" etc. Озаглавлена она такъ: „Краткое извлеченіе изъ физики академика Велланскаго, 1831 г., С.-Петербургъ". Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ за 1832 г., томъ 28-й (Сына Отечества ч. 150-я, Сѣвернаго Архива ч. 64-я), XXIV, отд. III. физика, стр. 212—243 (окончаніе впредь), XXV, II, физика,—продолженіе, стр. 268—295 (опять: окончаніе впредь), XXVI, II, физика,—окончаніе, стр. 349—358 [1]).

5) Статья „Солнце" была указана выше, при сочиненіи „Физика", коего отрывокъ она составляетъ.

---

[1]) У Венгерова, стр. 221.

[1]) У Венгерова просто: Сынъ Отеч., за 1832 г, 150.

Переводы Д. М. Велланскаго.

1) Начальныя основанія всеобщихъ частей врачебныя науки. Учебная книга сочиненная Д. Іоанномъ Даніломъ *Мецгеромъ*, [1]) надворнымъ совѣтникомъ и врачебнаго искусства ординарнымъ профессоромъ. Въ Кенигсбергѣ 1792 г. Перевелъ съ нѣмецкаго С.П. Медико-Хирургической Академіи студентъ *Данило Велланскн* [2]). Иждивеніемъ Государственной Медицинской Коллегіи. Въ Санктпетербургѣ, 1799 [3]) года. Его Превосходительству Господину Тайному Совѣтнику, Его Императорскаго Величества дѣйствительному каммергеру, Государственной Медицинской коллегій Президенту и Кавалеру *Василію Николаевичу Зиновьеву*, Милостивому Государю посвящается сей трудъ въ знакъ глубочайшаго почитанія, благодарности и преданности отъ переводчика.—Малая 8^0, стр. 222+2 [4]) ненум. „оглавленіе содержанія".

2) Практическая медицина или книга о познаніи и лѣченіи болѣзней человѣческихъ. Соч. Д. Христіана Готлиба

---

[1]) А не Мацгера, какъ невѣрно у Венгерова, V, 221.

[2]) По польскому образцу.

[3]) А не 1792, какъ у *Колюпанова*, Біографія Кошелева, I, 2, стр. 298.

[4]) А не 222+4, какъ у Венгерова.

Селле. Перевелъ съ нѣмецкаго, изъ седмаго изданія С.П. Медико-хирургической Академіи кандидатъ медицины и хирургіи *Данило Велланскій.* СПБ, 1802, 8°, 16[1])+792+12 стр. нен. „оглавленіе". Второе изданіе вышло въ 1806 г., in 8°.

3) Описаніе главныхъ цѣлительныхъ водъ въ Германіи, основанное на собственныхъ опытахъ. Соч. *Гуфеланда.* Пер. съ нѣм. СПБ, 1816 г., 8°.

4) Общая паѳологія Филиппа [2]) Карла *Гартмана*, доктора и профессора медицины въ Вѣнскомъ Университетѣ. Переведена съ нѣмецкаго академикомъ, статскимъ совѣтникомъ и Кавалеромъ Даниломъ Велланскимъ. СПБ, 1825 года, 8°. Титулъ, 3 нен. стр. „Предисловіе", 1 пустая стр., „оглавленіе содержаній" 6 нен., текста 650 стр., „погрѣшности"— 2 нен.

5) *І. Голуховскій.* Философія, относящаяся къ [3]) жизни цѣлыхъ народовъ и каждаго человѣка. Переводъ съ нѣм. СПБ, 1834, 8°.

6) Физіологія или наука о естествѣ человѣческомъ. Сочиненіе доктора и профессора Георгія [4]) *Прохаски*, переведено съ нѣмецкаго, изъ послѣдняго изданія 1820 года, академикомъ, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Даниломъ Велланскимъ. СПБ., 1822, 8°, Титулъ, „Оглавленіе содержаній"—2 нен.

---

[1]) У Венгерова ошибочно: 16+982+22 стр.

[2]) У Венгерова невѣрно: Ѳ. Гартмана. У Колюпанова: патологія.

[3]) У Розанова: *относительно* (стр. 137), Колубовскій въ переводѣ «Ист. нов. фил.», Ибервега-Гейпце (стр. 524 прим.) цитируетъ сочиненіе опять иначе: «Философія въ ея отношеніи *къ цѣли* народовъ и отдѣльныхъ людей»,—очевидно, невѣрно, потому что нѣмецкое заглавіе труда Голуховскаго: Die Philosophie in ihrem Verhältniss zum Leben ganzer Völker und einzelner Menschen; «цѣли» нѣтъ!

[4]) У Венгерова—только 634 стр. и Гр. Прохаски; у Колюпанова (стр. 298) *герра(?)* Прохаски!

стр., „Предисловіе“— 4 нен., текста—634 стр., „Опечатки“— 2 ненум.

В. К. положительно ошибается, увѣряя [1]), что Прозоровъ приписываетъ этотъ переводъ Я. В. Петрову. Наоборотъ, вотъ что говоритъ Прозоровъ:

I) По распоряженію конференціи назначалась въ руководство физіологія Прохаски, *переведенная Велланскимъ* 1822 года [2]).

II) Перевелъ *Велланскій* сочиненіе Прохаски, Физіологія или наука.... и т. д. въ 1822 г. [3])

III) Частную физіологію преподавалъ Велланскій по физіологіи проф. Прохаски, *имъ* переведенной [4]).

Такимъ образомъ Прозоровъ *трижды* приписываетъ этотъ переводъ Велланскому.

Наконецъ, въ титулѣ перевода 1822 года прямо сказано: „Пер. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія 1820 г. Д. Велланскимъ“. Нельзя предполагать тутъ подлога!

Что же касается книги: Наставленія естествословія человѣческаго для руководства при преподаваніи. Сочин. Г. Прохаски. Переводъ съ лат. 2 ч. СПБ. 1809. 8°. 290+241 стр., то ее нужно, повидимому, исключить изъ списковъ работъ Велланскаго, ибо Прозоровъ [5]) указываетъ: „Ясонъ Петровъ перевелъ съ *латинскаго* языка на русскій физіологію Прохаски въ 2-хъ частяхъ, за что получилъ 470 руб. награжденія“. Что здѣсь рѣчь идетъ объ нашей книгѣ, ясно потому, что это упоминаніе относится къ періоду „состоянія Академіи до присоединенія ея къ Министерству народнаго просвѣщенія, 22 мая 1810 года“ [6]), книга же вышла въ 1809

---

[1]) У Венгерова, стр. 221.
[2]) Академическіе акты, стр. 197.
[3]) Тамъ же, стр. 238.
[4]) Тамъ же, стр. 269.
[5]) Стр. 177.
[6]) Стр. 117—181.

году, а переведенная Велланскимъ въ 1822 году. Кромѣ того, говорится о *двухъ* частяхъ и о переводѣ съ латинскаго, тогда какъ вышедшій въ 1822 году переводъ—съ нѣмецкаго.

Прохаска [1]) издалъ свое руководство сначала по латыни подъ заглавіемъ Institutiones physiologiae humanae in usum praelectionum conscriptae въ 2 томахъ, Вѣна, 1805 и 1806. Нѣмецкій текстъ того же сочиненія вышелъ подъ заглавіемъ Lehrsätze aus der Physiologie des Menschen, 2 Bd. 1797, II-е и [illegible] изданія—1802 и 1810. Полная переработка руководства Физіологіи вышла въ 1820 г. на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ Physiologie oder Lehre von der Natur des Menschen, съ которой и былъ сдѣланъ переводъ Велланскимъ. То, что Прозоровъ, говоря о переводѣ Петрова, упоминаетъ о „*физіологіи*“, не должно смущать, ибо и латинская редакція, и нѣмецкая, обѣ въ подлинникахъ именуются „физіологіями“, только Петровъ не удержалъ этого термина, а перевелъ его словомъ „естествословіе“.

Въ предисловіи къ изд. 1822 г. Велланскій ни слова не упоминаетъ о переводѣ латинскаго изданія.

7) О свѣтѣ и теплотѣ, какъ извѣстныхъ состояніяхъ всемірнаго элемента. Соч. *Окена*. Перев. съ нѣм. СПБ. 1816, 8° [2]).

8) *Кленке* „Анатомическое строеніе и физіологическое дѣйствіе кожи, изслѣдованной посредствомъ микроскопа, и лѣченіе хроническихъ болѣзней одною водою по способу

---

[1]) Кстати, и Геннади (стр. 138, 139). и Розановъ (стр. 136, 137), и В. К. (стр. 221) ошибаются, ставя предъ именемъ Прохаски: Гр.—Прохаска былъ *Георгій*, а не Григорій.

[2]) У Венгерова показанъ 1811 г.

Присница". Переводъ съ нѣмецкаго профессора Велланскаго. „Военно-медицинскій журналъ" за 1843 годъ, часть 41, [1]) 2,3.

Словарь Венгерова цитируетъ этотъ переводъ сокращенно: Анатомія и физіологія кожи и леченіе ея по Присницу.

9) Какъ сказано выше (стр. 64, 65) Велланскій перевелъ первую часть полевой фармакопеи [2]).

Въ эту же рубрику трудовъ Велланскаго можно еще отнести:

10) Животный магнетизмъ, представленный въ историческомъ, практическомъ и теоретическомъ содержаніи. Первыя двѣ части переведены изъ нѣмецкаго сочиненія профессора *Клуге*, а третію сочинилъ Данило Велланскій. СПБ., 1818, 8°. VIII + 404 + 6 ненумерованныхъ—оглавленіе содержаній и опечатки. Часть третья „Теорія животнаго магнетизма", въ 4 отдѣленіяхъ—оригинальный трудъ Велланскаго занимаетъ 291—404 стр. [3]).

Рецензія на „Животный магнетизмъ": „Благонамѣренный", ежемѣсячный журналъ, издаваемый *А. Измайловымъ*, съ эпиграфомъ: On fait ce qu'on peut Et non ce qu'on veut, Часть IV, за 1818 г., октябрь, X, стр. 116—118, Извѣстія о новыхъ русскихъ книгахъ. Рецензія подписана: Дръ Яквъ Гврвъ [4]).

11) Обозрѣніе главныхъ содержаній философическаго [5]) естествознанія, начертанное изъ сочиненій *Окена* Д. Велланскимъ. СПБ., 1815, § 93, стр. 41.

---

[1]) *Прозоровъ* (стр. 435), повидимому, ошибочно цитируетъ часть 51.

[2]) Прозоровъ, стр. 176.

[3]) У Розанова (стр. 137) невѣрно: теоретическомъ, у Венгерова (стр. 221): теоритическомъ, и притомъ число страницъ указано всего лишь 291, т. е. только первыя двѣ переводныя части.

[4]) У Венгерова раскрыто: «Я. Говоровъ».

[5]) У Розанова: философскаго.

Что касается перевода фармакопеи, то мы не знаемъ, былъ ли напечатанъ, и гдѣ именно, переводъ Велланскаго. У Виллiе имени Велланскаго не упоминается. Первое изданiе вышло въ 1808 г. подъ заглавiемъ Pharmacopoeia castrensis Ruthenica auctore Jacobo Wylie, Petropoli и посвящено: Excellentissimo ac illustrissimo Domino Alexio Andreadi comiti de *Araktschejew* senatori etc... viro de patria ejusdem in primis militari re, meretissimo levidenses hasce pagellas d. d. d. auctor. Praefatio занимаетъ XIV стр., потомъ слѣдуютъ 12 ненум. стр. (мѣры вѣса, второй титулъ, опечатки съ русской просьбою объ исправленiи), текста 434+38 стр.—русское „Мнѣнiе Медицинскаго Совѣта“, подписанное: Деканъ докторъ Валерiанъ, членъ и ученый (sic) С. Уденъ. *Третье* изд. вышло въ 1818 г. auctore J. W. equite Baronetto editio tertia auctior jussu augusti imperatoris. Посвящено уже не Аракчееву, а Serenissimo et potentissimo Principi ac Domino Alexandro I.... ea, qua par est, devotione animique submissione subditissimus auctor. Четвертое изданiе 1840 г. посвящено уже Serenissimo et excellentissimo Principi ac Domino Nicolao I.... Recti justique cultori, scientiarum et artium fautori, caesari bellipotentissimo. Фармакопея Виллiе была замѣнена новою въ 1866 году.

Баронетъ Яковъ Васильевичъ *Виллiе* происходилъ изъ Шотландiи, родился въ 1765 г., изучалъ медицину въ Эдинбургѣ и Абердинѣ, прибылъ въ Россiю съ графомъ Строгановымъ около 1794 года [1]), служилъ сначала врачемъ при одномъ гусарскомъ полкѣ, былъ рекомендованъ Императору Павлу I и сталъ извѣстенъ Наслѣднику престола Александру Павловичу, въ царствованiе коего и сдѣлалъ блестящую карьеру, какую въ Россiи дѣлали многiе англiйскiе медики, начиная съ Роджерсона, лейбъ-медика Екатерины II (Крейтонъ, Лейтонъ, Род-

[1]) Розановъ, стр. 108, прим.;—по другимъ въ 1790 г.

жерсъ и т. д.). Въ 1799 г. Вилліе былъ уже лейбъ-хирургомъ, въ 1809 г. сталъ президентомъ Медико-хирургической Академіи въ Петербургѣ и пробылъ въ этомъ званіи до 1838 года. При Александрѣ I. Вилліе завѣдывалъ всею медицинской частью въ Россійскомъ Государствѣ. Онъ же почти безотлучно находился при Императорѣ и сопровождалъ его во всѣхъ путешествіяхъ, былъ на конгрессахъ и въ походахъ. Умеръ Вилліе главнымъ инспекторомъ медицинской части арміи. Свое громадное, милліонное состояніе онъ завѣщалъ на учебно-воспитательныя цѣли (по медицинской части). На его деньги построена при Военно-Медицинской Академіи большая клиника его имени, и тамъ же ему поставленъ памятникъ (передъ зданіемъ Академіи).

Вилліе сначала высоко цѣнилъ молодого Велланскаго по возвращеніи его изъ-за границы. Онъ такъ любилъ видѣть его подлѣ себя, что даже, когда самъ бывалъ въ гостямъ по приглашенію, то и тутъ при немъ находился его любимецъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ подобныя отношенія прекратились,— потому что Велланскій не согласился принимать участіе въ интригахъ Вилліе противъ его предшественника по президентству въ Академіи, [1]) Петра Франка, и не скрывалъ своего высокаго мнѣнія о послѣднемъ. Съ тѣхъ поръ отношенія между Вилліе и Велланскимъ приняли оффиціальный характеръ, и Велланскій являлся къ нему только вмѣстѣ съ другими профессорами, какъ подчиненный, въ мундирѣ—по праздникамъ для поздравленія. Вилліе, охладѣвши къ Велланскому, не щадилъ и его увлеченія натурфилософіею, открыто смѣялся надъ всею школой и надъ Велланскимъ, какъ ея послѣдователемъ. Но онъ все-таки не разъ говорилъ, что Медико-хирургическая Академія двинулась бы и еще впередъ, если бы въ ней былъ *не одинъ* Велланскій [2]).

---

[1]) Розановъ, стр. 110, прим.

[2]) Розановъ, стр. 108, 109.

Самъ Велланскій говорилъ о Виллiе, если не съ похвалой, какъ о человѣкѣ мало ученомъ, то умѣренно и снисходительно, считая Виллiе „паредворцемъ, который долженъ жить сообразно съ обстоятельствами, какъ всѣ служащiе при дворахъ“. Однажды только Велланскій замѣтилъ Розанову, что Виллiе поступаетъ противъ Божественнаго предписанія „Не угашайте духа!“ „Однако, что̀ тамъ себѣ ни говори“, прибавилъ Велланскій, „духа *моего* не угасить ему!“ [1]).

Письма.

1) Письмо г. профессора *Велланскаго* къ г. профессору *Павлову*. СПБургъ, мая 29-го 1834 г. „*Молва*“. Ученая корреспонденцiя, стр. 345—349, за 1834 годъ, № 23, при „Телескопѣ“, т. XXI (отъ 8 iюня 1834 года) [2]).

2) По смерти Велланскаго было опубликовано одно письмо его къ князю Владим. Ѳедоровичу *Одоевскому* въ Русскомъ Архивѣ за 1864 годъ, столбцы 804—806 въ статьѣ „Изъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго“. I. Д. М. Велланскаго. Письмо датировано 17 iюля 1824 года. Почти цѣликомъ (кромѣ об-

---

[1]) Розановъ, стр. 129.

[2]) У Венгерова просто: «Телескопъ», 1834, ч. 21., стр. 483 и **безъ** указанiя «Молвы». Совершенно неправильное указаніе страницы объясняется тѣмъ, что 482—послѣдняя страница соотвѣтствующаго № «Телескопа» (имѣющаго особенную пагинацію), а начальная страница «Молвы» не имѣетъ №. (на оборотѣ 346). Съ 483 стр. начинается слѣдующій № «Телескопъ», статья «О словенахъ и Руси» *М. Скуридина* (отъ 15 iюня 1834 г.).

ращенія и съ сокращеніемъ званія въ подписи) оно воспроизведено въ статьѣ Розанова [1]).

У Венгерова оно цитировано неправильно [2]): 25) Письма къ кн. В. Ѳ. О—му (какъ будто дѣло идетъ о цѣлой коллекціи писемъ).

3) Еще одно цѣлое письмо Велланскаго къ Николаю Розанову (не считая записки отъ 14 янв. 1832 г. къ нему же— стр. 130) отъ 15 декабря 1833 года приведено въ его статьѣ [3]).

Одинъ трудъ Велланскаго „Животный магнетизмъ или теллуризмъ“ остался неопубликованнымъ, потому что былъ запрещенъ цензурою. Исторія его разсказана у Розанова [4]). Н. Егоровъ [5]) и В. К. [6]) увѣряютъ, что рукопись этого труда хранится въ библіотекѣ Военно-Медицинской Академіи. Она тамъ не хранится [7]) Правленіе библіотеки Военно-Медицинской Академіи оффиціально увѣдомило меня, что тамъ не имѣется никакихъ рукописей Велланскаго.

Куда дѣвались прочіе труды Велланскаго (напр., онъ, будучи уже слѣпцомъ, по свидѣтельству Розанова [8]), диктовалъ женѣ переводъ „Логики“ Шеллинга), неизвѣстно. Дочь Велланскаго, бывшая замужемъ за докторомъ Андреемъ Филипповичемъ Соколовымъ, передала „многія изъ записокъ“ лѣкарю Никитину, библіотекарю Московской Медико-Хирургической Академіи [9]).

---

[1]) Стр. 105—106.
[2]) Стр. 221.
[3]) Стр. 123.
[4]) Стр. 114—117.
[5]) Стр. 852.
[6]) Стр. 220.
[7]) См. мой Краткій отчетъ о занятіяхъ во время ученой командировки лѣтомъ 1897 года, стр. 3.
[8]) Стр. 112.
[9]) Стр. 117.

Описаніе наружности Велланскаго находится у Розанова [1]). Портретъ его, подарённый имъ самимъ Розанову, былъ переданъ послѣднимъ вмѣстѣ съ подлинными письмами Велланскаго къ нему въ хирургическій музей при бывшей Московской медико-хирургической Академіи [2]). Портретъ его былъ изданъ въ Москвѣ (цензурное дозволеніе 26 іюля 1867 г.) литографіею Бахмана съ факсимиле: Академикъ, Статскій Совѣтникъ Даніилъ Михайловичъ Велланскій. Родился 11 декабря 1774 года въ Борзнѣ. Списанъ (М. Теребеневымъ) въ Санктъ-Петербургѣ 27-го марта 1830 года. Этотъ портретъ былъ воспроизведенъ въ „Иллюстрированной Газетѣ“ [3]).

Въ заключеніе приведемъ и разберемъ нѣкоторыя иностранныя (нѣмецкія) извѣстія о Велланскомъ.

1) *Каллисенъ* [4]) сообщаетъ слѣдующее:

1240. *Wellánsky* (Дан.) въ СПБ, мед. и хир. Dr. въ Petrop. 1806, дѣйствит. статскій сов., засл. проф. Медико-Хир. Академіи; библіотекарь при ней и Академикъ съ 1819 г., кавалеръ разныхъ орденовъ, изъ дворянской семьи [5]), нѣкоторое время посѣщалъ лекціи Кіевской дух. Акад., съ 1796 г. питомецъ Медико-хирург. Акад. въ СПБ., съ 1800 репетиторъ патологіи и терапіи, съ 1801 по экзамену кандид. медиц. и хир. и лек. пом. при сухопутн. военномъ госпит., въ 1802 г. врачъ, совершилъ загр. пут., въ 1805 г. адъюнктъ физіологіи,

---

[1]) Стр. 126.

[2]) Стр. 123, примѣчаніе I.

[3]) 1871 годъ, № 44, отъ 11 ноября, стр. 689.

[4]) Medicinisches Schriftsteller-Lexicon der jetzt lebenden Verfasser von Dr Adolph Carl Peter *Callisen*, томъ 33-й, Altona, 1845, Nachtrag (Th—Z) стр. 259 и 260.

[5]) Велланскій былъ родомъ простой казакъ.

патологіи и гигіены, въ 1806 г. колл. ассес., ордин. проф. и ординаторъ при сухопутн. госпит., въ 1807 г. былъ посланъ въ Псковъ на эпидемію, въ 1808 г. адъюнктъ ботаники и фармаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ до 1819 г. былъ помощникомъ инспектора при акад.; въ 1809 г. адъюнктъ анат. и физіол., и вскорѣ послѣ того орд. проф. этихъ предметовъ. Награждаемъ былъ за службу брилліантовымъ перстнемъ, большими денежными подарками и пряжкою за 35 лѣтъ безпорочной службы (Verdienstschnalle). Въ 1837 г. пораженъ былъ рожистымъ воспаленіемъ головы (Kopfrose), оставившимъ катаракты на обоихъ глазахъ; по выздоровленіи уволенъ съ пенсіею въ 8000 р.

Свѣдѣнія эти, не всегда точныя, заимствованы, повидимому, Каллисеномъ отъ кого-либо изъ русскихъ своихъ корреспондентовъ. Изъ сочинен. перечисляются (заглавія переведены): 1) Пролюзія (*Prognose* der Med., als einer *Real*wissenschaft), 2) диссертація (Reform der med. und physic. Theorie) 1806—вм. 1807. 3) Біологическое изслѣдованіе въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ (Untersuchung der schaffenden und *erschaffenden* Natur), 1811 вм. 1812. 4) Uebersicht der wichtigsten Gegenstände philos. Naturforschung, 1814 и 5) Uebersicht des allg. Inhalts der philos. Naturkunde. Nach Oken bearbeitet, 1815. Это, повидимому, два разные перевода заглавія: Обозрѣніе главныхъ содержаній филос. естествознанія, начерт. изъ соч. Окена; изъ этого соч. Каллисенъ сдѣлалъ два. 6) Животн. магнетизмъ; 1818, 7) Конспектъ главныхъ содер. *физіологіи*, 1830, 8) Grundriss der allg. und spec. Physiologie, od. Physik der organ. Welt, 1836. Рецен. Th. v. Stürmer zur Vermittelung der Extreme der Heilk., B. 3, 1843, S. 203—219 (Ausz.). „Физика“, главное произведдніе Велланскаго, пропущена. Переводы: 1) *Meier* (вмѣсто Metzger), 2) Hufeland, 3) Prochaska, учебн. физ. 1822,

4. Ph. Hartmann, общая пат., *verbessert und ergänzt.* 5) Selle, 6) *Oken*, 7) Goluchowsky.....

2) На „Животный магнитизмъ“ Велланскаго - Клуге появилась рецензія *Вейссе* [1]), въ которой была изложена теоретическая часть (принадлежащая Велланскому), а на стр. 130—131 приведены о немъ свѣдѣнія, добытыя авторомъ рецензіи отъ одного изъ учениковъ Велланскаго, дра *Спасскаго* (Spasski). На стр. 131 Вейссе замѣчаетъ: Достаточно удивительно (auffallend), что въ Россіи могутъ слѣдить (nachdenken der d. Ph.) за нѣмецкою философіею новѣйшаго времени, тогда какъ англичане и французы, даже сами нѣмцы ея не понимаютъ“ Но вѣдь не даромъ „*самъ* Шеллингъ обратилъ вниманіе на воспріимчивый умъ русскаго ученаго и поощрялъ его къ философскимъ занятіямъ“ [2]).

Какъ цѣнили Велланскаго Петербургскіе нѣмцы, ближе, чѣмъ заграничные, стоявшіе къ Россіи и лучше понимавшіе положеніе дѣла, свидѣтельствуютъ слова одного изъ самыхъ видныхъ врачей того времени М. Гейне, издателя „Русской медицинской газеты“ на нѣм. языкѣ.

3) Максиміліанъ Гейне (Heine) пишетъ въ некрологѣ Велланскаго [3]):

15 марта сего года наука потеряла въ Петербургѣ человѣка, который долго дѣйствовалъ и былъ полезнымъ въ

---

[1]) *I. G. Weisse.* Archiv für den thierischen Magnetismus, Halle, 1819, V Band, Drittes Stück., стр. 129—135.

[2]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1847 г., часть 54-я, отдѣлъ VII, Новости и смѣсь, стр. 13, некрологъ Д. М. Велланскаго.

[3]) Medicinische Zeitung Russlands, redigirt und herausgegeben von den Drr. *M. Heine, R. Krebel* und *H. Thielmann* in St. Petersburg, Vierter Jahrgang. 1847, April, № 15, p. 120.

качествѣ учителя и писателя.... Самое ретивое прилежаніе и наиглубочайшее изученіе посвятилъ онъ заграницею лекціямъ Шеллинга, сочиненія котораго до самой смерти были у него въ наибольшемъ почетѣ. *Самъ Шеллингъ далъ ему лестное свидѣтельство, что Велланскаго онъ считаетъ однимъ изъ своихъ наиболѣе знающихъ и совершеннѣйшихъ учениковъ.* Такимъ образомъ Велланскій сталъ для Россіи Шеллингомъ. Но онъ не былъ столь удачливъ, какъ пережившій его великій учитель: Велланскаго не оцѣнили у насъ по достоинству. Быть можетъ, слѣдующее поколѣніе будетъ справедливѣе; оно укажетъ Велланскому почетное мѣсто среди европейскихъ ученыхъ,—мѣсто, въ какомъ и великимъ ученымъ неблаговоленіе (Missgunst) и неразуміе (Unverstand) осмѣливаются на нѣкоторое время отказывать....

Какъ человѣкъ. Велланскій пользовался у своихъ современниковъ большимъ уваженіемъ за свою строгую честность (Redlichkeit) и благородныя добродѣтели....

Сочиненія его, богатыя эрудиціею и замѣчательныя по своему духу, гораздо краснорѣчивѣе говорятъ о заслугахъ Велланскаго, чѣмъ всѣ похвалы самаго справедливаго біографа. Его труды снова показываютъ, что какъ бы ни мало было у насъ число истыхъ жрецовъ науки,—въ Россіи не было недостатка въ великихъ талантахъ, которые жили на славу своему отечеству и для красы науки.

Перечисляя сочиненія Велланскаго, Гейне замѣчаетъ, что онъ создалъ въ Россіи натурфилософскій языкъ. Такъ какъ онъ много диктовалъ за годы своей слѣпоты, то, вѣроятно, остались многочисленныя рукописи. „Біологическія изслѣдованія“ стали де очень рѣдки на книжномъ рынкѣ. Особенно интересно сочиненіе о животномъ магнетизмѣ, которому Велланскій первый посвятилъ въ Россіи научное вниманіе.

V.

О сочиненіяхъ А. А. Козлова

(въ дополненіе къ статьѣ въ I выпускѣ).

Полной библіографіи сочиненій А. А. Козлова нигдѣ не имѣется. Неполнымъ будетъ и настоящее (наиболѣе полное изъ имѣющихся) сопоставленіе; да исчисленіе *всего* напечатаннаго этимъ философомъ, вообще, невозможно, ибо онъ самъ позабылъ многое изъ того, что было имъ писано (особенно, въ первый періодъ его литературной дѣятельности), а нѣкоторыя статьи были или не подписаны, или подписаны одними иниціалами, которые могли принадлежать и другимъ лицамъ.

Литературная дѣятельность А. А. Козлова въ общемъ распадается на два большіе періода: I-й составляютъ раннія статьи въ различныхъ журналахъ и газетахъ по вопросамъ общественнымъ и политико-экономическимъ (когда авторъ ихъ еще не занимался спеціально философіею); II-й періодъ представляютъ статьи и сочиненія философскія, которыя либо выходили отдѣльными изданіями, либо помѣщались въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“, потомъ въ „Вопросахъ философіи и психологіи“, или наконецъ въ собственныхъ журналахъ: „Философскій трехмѣсячникъ“ и „Свое слово“.

Въ автобіографическомъ очеркѣ [1]), относительно перваго періода сказано огульно, что въ 1858—62 гг. помѣщались статьи по различнымъ, особенно финансовымъ и политико-экономическимъ вопросамъ въ повременныхъ изданіяхъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ „Днѣ“, „Вѣстникѣ Промышленности“ и „Московскомъ Вѣстникѣ“ (о „кредитѣ и банкахъ“, о „городскомъ хозяйствѣ Москвы“, о „финансовомъ положеніи Россіи“).

Не довольствуясь этими глухими упоминаніями, я хотѣлъ разыскать, по возможности, самыя статьи. Для этого я прибѣгъ къ помощи самого автора. Я просилъ его, если онъ не помнитъ точно годовъ, изданій и №№, указывать мнѣ ихъ приблизительно, описывать какія-либо побочныя обстоятельства и примѣры въ нихъ, которые могли бы содѣйствовать отысканію его статей, а также пересказывать мнѣ содержаніе, или отдѣльныя мѣста изъ статей, поскольку и изъ тѣхъ, что онъ хоть сколько-нибудь помнитъ. Затѣмъ я бралъ указанныя изданія и перелистывалъ ихъ страница за страницею. Не всѣ свои раннія статьи помнилъ авторъ; многое, разумѣется, ускользало и отъ моего вниманія при перелистываніи, но я останавливался на подходящемъ и пересказывалъ найденное автору, который, будучи прикованъ къ одру болѣзни, не могъ лично разыскивать свои статьи въ библіотекахъ и не могъ получать старыя, рѣдкія газеты и журналы на домъ. Если авторъ подтверждалъ подлинность статьи, и если находились еще какія-либо объективныя данныя, то я заносилъ статью въ списокъ. Но и изъ числа указанныхъ мнѣ не удалось разыскать нѣкоторыя. Такъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ около 1861 года должна имѣться статья о „соціализмѣ“; около того же вре-

---

[1]) Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Унив. Св. Владиміра (1834—1884); составленъ и изданъ подъ редакціею орд. проф. *В. С. Иконникова*, Кіевъ, 1884, стр. 269, 270.

мени въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ полемика съ И. Арсеньевымъ и съ газетою „Наше Время“; затѣмъ въ одной изъ московскихъ газетъ, статья о „ломбардахъ“ (monts-de-piété). Быть можетъ, кто-либо изъ записныхъ библіографовъ заинтересуется и отыщетъ эти статьи, не разысканныя мною.

Вѣстникъ Промышленности. Редакторы *Ѳ. Чижовъ и И. Бабстъ.* Москва. Въ типографіи Бахметева на Малой Дмитровкѣ. Томъ III, за 1859 г., Мартъ, № 3, стр. 370 (на слѣд. страницѣ опечатка 171 вм. 371) — 393.„ Отечественное производство сырыхъ матеріаловъ и реальный (имущественный) кредитъ. I. Общія отношенія производства сырыхъ матеріаловъ въ нынѣшней Европѣ. („Продолженіе въ слѣд. книжкѣ“). Примѣчаніе гласитъ:„ переводъ брошюры извѣстнаго политико-экономa *Pay* Die ländliche Urproduction und der Realcredit“.

Если принимать это за первый печатный опытъ А. А. Козлова, то сорокалѣтній юбилей его дѣятельности былъ въ мартѣ сего года.

Вѣстникъ Промышленности, т. VIII за 1860 г., № 4, Апрѣль, отдѣлъ V, критика и библіографія. Стр. 1—16, рецензія *А. Козлова* на *В. Безобразова*: Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ съ приложеніемъ уставовъ ипотечныхъ кредитныхъ учрежденій въ Германіи, Царствѣ Польскомъ и Остзейскомъ краѣ.

Вѣстникъ Промышленности, томъ IX, за 1860 г., Сентябрь, № 9, отдѣлъ III, науки, *А. Козловъ.* Кредитъ и банки, стр. 183—206. Касательно начала въ сноскѣ указанъ № 3 за 1859 г.

Система народнаго хозяйства. Руководство для учащихся и для дѣловыхъ людей. *Вильгельма Рошера.* Томъ I. Начала народнаго хозяйства. Переводъ *И. Бабста.* Томъ первый, отдѣленіе первое. Москва, типографія В. Грачева и К°, 1860, стр. XVI

+346. Цѣна 1 р. 50 к. Въ предисловіи переводчика (подписанномъ: И. Бабстъ): Считаю своимъ долгомъ принести мою глубочайшую признательность кандидатамъ нашего университета *А. А. Козлову и В. И. Покровскому*, принимавшимъ самое дѣятельное участіе въ переводѣ... (стр. XII) Москва, 17 октября. Отдѣленіе второе вышло въ Москвѣ, въ той же типографіи, въ 1862 г. и заключаетъ въ себѣ 8 нен. стр. +340. Цѣна 1 р. 50 к.

По воспоминанію самого А. А. Козлова, первое отдѣленіе было *цѣликомъ* переведено имъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ нынѣ петербургскимъ статистикомъ В. И. Покровскимъ.

Принималъ участіе А. А. Козловъ и въ переводѣ Всеобщей исторіи *Шлоссера*, но какихъ именно томовъ, не помнитъ.

Также принималъ участіе въ редактированіи „Московскаго Вѣстника“ за 1859 годъ. Но статьи, подписанныя *А. К.* (напр. въ № 12, отъ 24 и 25 апрѣля 1859 г.—„О денежныхъ рынкахъ“, могутъ принадлежать, по мнѣнію Козлова, не ему, а *А. Корсаку*.

Некрологъ Хомякова, „Московскій Вѣстникъ“ за 1860 г. № 41, стр. 659—660.

Московскія Вѣдомости за 1861 годъ, № 132, 17 іюня, суббота. Литературный отдѣлъ. *А. Козловъ*.

I. Замѣтки о текущей экономической жизни въ Россіи. Стр. (трехстолбцовая) 1064—$^1/_2$ столбца и 1065—$2^1/_2$ столбца.

№ 165, суббота, 29 іюля 1861 г.

II. Замѣтки etc. Стр. 1328 ($^1/_2$+2 столбца) и 1329—(2 столбца). Любопытна въ заключеніи статьи горячая филиппика противъ собакъ. „Другое дѣло—собаки: это окончательно предметъ роскоши. Собаки въ Москвѣ составляютъ сущій бичъ Божій. Подъ вечеръ на улицахъ собаки бѣгаютъ цѣлыми стаями и представляютъ для прохожихъ гораздо болѣе опас-

ности, чѣмъ мошенники, отъ которыхъ якобы онѣ предохраняютъ васъ. Тѣ же стаи не даютъ вамъ возможности войти во всякое время дня въ ворота любого дома. На квартирахъ та же бѣда: комнатныя собаки и сченки угрожаютъ искусать васъ или, по крайней мѣрѣ, изорвать ваше платье. Мы охотно подаемъ голосъ за большой налогъ на собакъ комнатныхъ и уличныхъ".

„Московскія Вѣдомости", газета политическая и литературная, годъ 107-й. 10 іюля 1862 г., вторникъ, № 150. Литературный отдѣлъ. Библіографическія замѣтки. Стр. 1201 ($2^1/_2$ столбца) и 1202 ($1^1/_2$ столбца). I. Исторія цивилизаціи въ Англіи, соч. *Бокля*, томъ I-й, выпускъ первый, переводъ *Буйницкаго* и *Ненарокомова*. СПБ. 1862. Рецензія подписана: А. Козловъ.

11 сентября 1862 года, № 198, вторникъ. Литературн. отдѣлъ. *Бокль*. Исторія etc., т. I, выпускъ второй, переводъ etc, СПБ, 1862. Стр. 1584 ($^3/_4$ столбца), 1585 и 1586.

„День",—20-го января 1862 г., № 15, Смѣсь. „Письмо". О подпискѣ, состоявшейся на университетскомъ обѣдѣ. Подписано: бывшій студентъ Московскаго Университета Алексѣй *Козловъ*; стр. 11, $^1/_2 + 1$ столбецъ (изъ трехъ). На обѣдѣ воспитанниковъ Московскаго Университета была собрана подписка на предметъ отсылки студентами по своему выбору одного изъ своихъ товарищей заграницу для занятій наукою. Основная мысль письма; „Выборъ профессоровъ иногда могъ и не совпадать съ оцѣнкою, которую дѣлали студенты своимъ товарищамъ. Иначе и быть не можетъ: никогда высшіе и старшіе не могутъ такъ вѣрно опредѣлить заслуги и способности человѣка, какъ его равные. Если они со временемъ и увидятъ свою ошибку, то трудно будетъ отступиться отъ своего избранника, который съ грѣхомъ пополамъ дѣлается наставникомъ и руководителемъ юношества". О томъ же обѣдѣ см. „День" за 1 янв. 1862 г., № 12, стр. 20.

„День“, 16-го февраля 1862 г., № 19. „Замѣчанія на статью № 14 Дня“. О финансовомъ положеніи Россіи. *А. К.* стр. 7 ($^1/_4$ столбца), 8 и 9 ($2^1/_2$ стр). Примѣч. ред.: Мы очень благодарны г. К. за то, что онъ отозвался на наше приглашеніе—доставить намъ замѣчанія и возраженія на нашу статью въ 14-мъ №. Его замѣчанія способствуютъ къ уясненію и къ правильной постановкѣ самаго вопроса объ экономическомъ положеніи Россіи, и со многими изъ нихъ мы не можемъ не согласиться.

„Еще о Московскомъ Университетѣ“ за 1862 годъ, отъ 1 апрѣля, № 127 и отъ 8 апрѣля, № 128.

На занятія Козлова политическою экономіею имѣли вліяніе прежде всего полученныя имъ отъ проф. *Грановскаго* сочиненія французской писательницы *Gatti de Gamonde* (Zoé de G.) [1]), родившейся въ Брюсселѣ 2 февр. 1812 г. и умершей около 1854; служила она inspectrice des salles d'asile (надзирательницею при пріютѣ для бѣдныхъ дѣтей). Она издала сочиненія (списокъ сочиненій составленъ нами).

1) Abrégé de l'histoire sainte, in 18°. Vanderborght, 1846, Bruxelles.

2) Fièvres de l'âme, in 8°, avec 21 lith. 1844. Delahaye, 10 fr.

3) Grammaire élémentaire de la langue française, destinée à l'enseignement des classes laborieuses. Ouvrage posthume, in 16°. 1854. Tournai, Castermann, 60 cent.

4) Lectures historiques belges, in 12°, ib., 1860, 1 fr. 80 c.

---

[1]) *Lorenz*, т. II., стр. 403.

5) Manuel des salles d'asile, suivi du Questionnaire pour les écoles primaires, d'après la méthode de Pestalozzi, contenant les notions les plus élémentaires des sciences naturelles. Nouvelle édition, revue par le dr. *Th. Olivier*, in 12°. 1864. 2 fr.

6) Le monde invisible, in 18°, 1864, Bruxelles, Perichon.

7) Notices pratiques des sciences naturelles appliquées aux usages de la vie, in 12°, 1854, Tournai, Castermann, 1 fr. 50 c.

8) Les oeuvres de miséricorde, ou Histoire de Louis et de Louise, in 12°, 1856, ib., 1 fr. 20 c.

9) Paupérisme et association, in 18°, 1847, Lecoffre, 1 fr. 50 c.

10) Réalisation d'une commune sociétaire d'après la theorie de Ch. Fourier, in 8°, 1840, Rue de la Harpe, 81, 5 fr.

11) De l'éducation sociale des femmes au XIX siècle, de leur éducation politique et privée, Bruxelles, 1833, in 8°.

12) Esquisses sur les femmes, Brux., 1836, 2 vol.

13) Des devoirs de la femme et des moyens les plus propres d'assurer son bonheur, Brux., 1838, in 8°.

14) Fourier et son système. Paris, 1838, in 8°.

15) Le roi des paysans. Paris, 1838, 2 vol. in 8°, въ сотрудничествѣ съ Czynsk'имъ.

Ея дочь Изабелла (род. въ 1849 г.) была директрисой въ École normale d'institutrices de la ville de Bruxelles. Она сочинила книгу:

Cours d'éducation pour les jeunes filles, Paris, 1879, 2 vol. in 8° [1]).

---

[1]) La grande encyclopédie, т. XVIII, стр. 599.

Второй (философскій) періодъ литературной дѣятельности.

Чисто философскія занятія Козлова приводятъ къ изданію книги:

Э: Гартманъ, Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. По нѣмецкому изданію полное изложеніе системы *А. А. Козлова*, 2 т.; М., 1873—75 г.

Рецензіи въ „Знаніи“.

Разборъ „Историческихъ писемъ“ *Миртова* (П. Л. Лаврова) за 1871 г., III, 169—197.

Вл. Соловьевъ, какъ философъ (по поводу его магистерской диссертаціи)—за 1875 г., I, стр. 1—18 и II, стр. 1—29.

Философскіе этюды. Ч. I, СПБ. 1876. Диссертація pro venia legendi.

Философскіе этюды. Ч. II. Методъ и направленіе философіи Платона (и Аристотеля—въ „Извѣстіяхъ“), Кіевъ, 1880. Печаталось въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ за 1878 г., XI, 580—592, за 1879, I, 20—32, III, 137—154, VI, 317—335, VIII, 379—396, IX, 415—441, X, 469—495, XII, 511—525, за 1880 г., I, 20—44, III, 135—[1]) 170. Магистерская диссертація.

Два основныя положенія философіи Шопенгауера (Пробная лекція), „Кіев. Унив. Изв.“ за 1877 г., I, 83—93.

Философія, какъ наука, Кіевъ, 1877—или Кіев. Унив. Изв. за 1877 г., IV, 266—282, V, 333—364, VII, 509—536, VIII, 597—636. (Отвѣты П. Аландскому, Н. Гроту и П. Никитину на рецензіи I-го тома „Фил. Этюдовъ“).

---

[2]) Въ оглавленіи опечатка: 113 вмѣсто 135.

Философія дѣйствительности. Изложеніе и критика системы *Евг. Дюринга*, Кіевъ, 1878. Въ Кіевск. Унив. Изв. за 1877 г., II, 117—134, III, 187—204, IV, 229—242, VI, 419—435, VII, 437—447, IX, 694—701, XI, 787—823, и за 1878 г., II, 83—101, III, 179—198, V, 404—432.

Генезисъ теоріи пространства и времени Канта, Кіевъ, 1884. Въ „Изв." за 1882 г., VIII, 111—143, IX, 197—209; за 1883 г., IV, 205—222, VI, 309—322, VIII, 383—404, IX, 480—499, XI, 567—585; за 1884 г., I, 62—87, [1]) II, 101—128, III, 129—152, IV, 179—233+VIII (послѣсловіе). Докторская диссертація.

Джордано Бруно. Двѣ публичныя лекціи профессоровъ Унив. Св. Владиміра: И. Б. Лучицкаго 21 апрѣля и А. А. Козлова 28 апрѣля 1885 г. (вырученныя деньги пойдутъ на памятникъ Д. Бруно). Цѣна 50 коп. Кіевъ, 1885, стр. 35, изъ нихъ: лекція А. А. Козлова съ 21—35 стр.; она же въ Кіев. Унив. Изв., за 1885 г., VI, 103—118.

Рѣчь, произнесенная профессоромъ Университета Св. Владиміра А. А. Козловымъ по случаю кончины профессора того же университета П. А. Аландскаго. 6 стр. in 16°. Цензурное разрѣшеніе 5 ноября 1883 г. Кіевъ, типографія И. Н. Кушнерева и К°.

Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная, Кіевъ, 1887 г. или Кіев. Унив. Изв. за 1885 г. VI, 1—24, VII, 25—48, VIII, 49—64, и за 1887 г. VII, 64—88.

Мэонизмъ г. Минскаго. „Кіевское слово", за 1890 г., № 900 и 901, 1 и 2 марта, четвергъ и пятница.

---

[1]) Въ оглавленіи опечатка: 61—88.

О журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“, „Кіевское Слово“, за 1889 г., № 828, 28 ноября, вторникъ.

Критическій этюдъ о „Психологіи чувствованій“ Н. Я. Грота, Кіевъ, 1881, или Кіев. Унив. Изв., за 1881 г., VIII, 282—301, IX, 341—356, X, 389—404, XI, 447—454.

Гротъ отвѣчалъ въ брошюрѣ: „Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій“, Кіевъ, 1881 или „Изв. истор.-филол. инст. кн. Безбородко“, за 1881 г., стр. 1—38.

„Къ вопросу о реформѣ логики“ Николая *Грота* СПБ, 1885, или „Русское Богатство“, за 1885 г., мартъ, 536—578 и апрѣль 171—177 (научный отдѣлъ). Въ мартѣ же и Грота „Отвѣтъ на критику А. А. Козлова“, стр. 578—598.

Замѣчанія на статью Н. Я. Грота. „Заря“, за 1883 г., № 52 и 53, 8 и 9 марта. Отвѣтъ на рѣчь Грота передъ докторскимъ диспутомъ „Объ отношеніи философіи къ наукѣ и искусству“ (въ „Зарѣ“ же № 27, 28 или отдѣльно, Кіевъ, 1883).

Замѣчанія, высказанныя на докторскомъ диспутѣ *Н. Я. Грота*, „Заря“, 1883, за 14 марта (?).

Эта статья вызвала:

Отвѣтъ А. А. Козлову. „Заря“, за 1883 г., № 60, 17 марта, четвергъ:

Глухой отголосокъ этой полемики см. въ статьѣ *Н. Грота* „Изъ міра науки. Загадки знанія“. Отвѣтъ г. Александру Свентоховскому. „Заря“, за 1883 г., № 108, 10 мая, пятница, фельетонъ.

Литографированный курсъ *Логики* (имѣется въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ).

Литографированный курсъ *Исторіи Философіи*.

А. А. Козловъ редактировалъ переводъ:

Исторія Европейской философіи Альфреда *Вебера* (со II франц. изд.) *И. Линниченко и Вл. Подвысоцкаго*, Кіевъ, 1882 г. Титулъ +IX+409 стр. Предисловіе редактора I—IV; подписано: 3 сентября 1881 г.

Вмѣстѣ съ Юліаномъ *Кулаковскимъ* редактировалъ посмертное изданіе труда *П. И. Аландскаго*, Исторія Греціи; Кіевъ, 1885. Титулъ+предисловіе III стр.,+271+оглавленіе. Предисловіе подписано: Юліанъ Кулаковскій, Алексѣй Козловъ. Издано по распоряженію историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра. Въ К. У. Изв. за 1884 г., IX, 1—48, X, 49—80, XI, 81—112, XII, 113—168 и за 1885 г., I, 168—208, II, 209—264, IV, 265—271 и I—III (послѣсловіе).

Современныя направленія въ философіи (по Erdmann'y Zur Characteristik der Philosophie der Gegenwart in Deutschland въ Deutsche Rundschau). „Заграничный Вѣстникъ" за 1881 г., т. I, октябрь, СПБ. Учено-литературный журналъ, издаваемый В. Коршемъ, I, стр. 226—232 (двухстолбцовыя in 4°). II статья въ ноябрѣ, 449—458—кантіанизмъ (Cohen, Lange). Окончаніе въ декабрѣ, т. I за 1881 г., стр. 660—699. Дальнѣйшія статьи: III (послѣдователи Фихте, Шеллинга и Гегеля, старо- и новогегельянцы, Фортляге, Бергманъ, IV (Идеальный реализмъ-Ульрици), V (гербартіанизмъ), VI (школа Шопенгауера, Гартманъ, Банзенъ), VII (матеріализмъ), VIII (системы Фехнера и Лотце), тамъ же за 1882 г., мартъ, 730—736 и іюнь, 581—594.

О послѣднемъ сочиненіи проф. *М. Троицкаго* „Наука о духѣ", „Русская Мысль", за 1883 г, IV, 1—27.

Рецензіи въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ".

1) Dialogues et fragments philosophiques par Ernest *Renan*. Paris, 1876—за 1877 г., III, 31—60.

2) *Лесевичъ*. Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. СПБ. 1877 г.,—за 1877 г., XI, 367—371.

3) Raum und Stoff. Ideen zu einer Kritik der Sinne. Von Wilhelm *Goering*. Berlin, 1876,—за 1877 г., VIII, 279—297.

4) Объ основныхъ противорѣчіяхъ въ нашихъ знаніяхъ о вселенной. Публичная лекція Юліана *Охоровича*, читанная въ Варшавѣ въ 1873 г. Перевелъ съ польскаго Александръ *Ельскій*. Минскъ, 1877—тамъ же, XI, 371—372 [1]).

5) Atomistik und Kriticismus. Von Kurd *Lasswitz*, Braunschweig, 1878 г., III, 73—81.

6) Der Ursprung der Vernunft. Eine kritische Studie über Lazarus *Geiger's* Theorie von Julius *Keller*, 1884—за 1884 г., IX, стр. 205—210.

7) Die Psychologie des Verbrechens. Von *D. A. Krauss*, 1884 (Психологія преступленія) за 1885, VII, 263—280.

Отзывъ о сочиненіи на тему „О сенсуализмѣ Кондильяка" (студ. III к. и.-ф. фак. Кирилла Царевскаго—сер. мед.)—за 1885 г., IV, 1—2 (оффиц. отд.).

Объявленіе объ имѣющемъ выходить въ Кіевѣ съ разрѣшенія предварительной цензуры спеціальномъ философскомъ журналѣ „Философскій Трехмѣсячникъ" подъ ред. проф. *А. А. Козлова*, К. У. Изв. за 1885 г., VI, прибавленіе, I—III; подписано: 1885 г. 20 іюня.

Въ „Педагогической Библіотекѣ" редакція на „Логику" *Струве* и „Философскую пропедевтику" *Румпеля* за 1878 г.

[1]) Въ оглавленіи книжки, равно и въ годичномъ указателѣ эта статья Козлова пропущена.

Статьи въ журналѣ: „Вопросы философіи и психологіи".

Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествовѣдѣнія I, стр. 51—82.

Очеркъ жизни и философіи Лейбница по сочиненію Мерца, III, 36—64. (спец. отд.)

Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого. „О жизни", V, 1—33, VI, 68—96, VII, 69—102, VIII, 77—109.

Новѣйшее изслѣдованіе о Платонѣ, XI, 46—59.

Позитивизмъ Конта, XV, 53—70, XVI, 41—70.

Некрологъ П. Е. Астафьева XVIII, 122—126.

Французскій позитивизмъ (Тэнъ, Рибо, Поланъ), XIX, 55—93.

Французскій позитивизмъ. Полупозитивисты. I) Альфредъ Фуллье, XXI, 8—35, II) Гюйо и Тардъ. XXII, 121—140.

Густавъ Тейхмюллеръ, XXIV, 523—536, XXV, 661—681 (спеціальн.)

Теорія искусства съ точки зрѣнія Тейхмюллера (Е. Бобровъ. О понятіи искусства. Умозрительно-психологическое изслѣдованіе. Юрьевъ 1894), XXVII, 178—189.

Анализъ послѣдняго произведенія гр. Л. Н. Толстого. „Хозяинъ и работникъ", XXVIII, 313—330.

Сознаніе Бога и знаніе о Богѣ. Воспоминаніе объ онтологическомъ доказательствѣ бытія Божія. XXIX, 445—460, XXX, 558—567.

Рецензіи:

Archiv für Geschichte der Philosophie, I Band, 1888. I, 45—60.

K. Uphues, Ueber die Erinnerung. Untersuchungen zur empirischen Psychologie, Lpz. 1889, IV. 109—118.

Замѣчанія на статью г. *Иванцова*„ Отношеніе между философіей и наукой, V, 124—136.
Письмо въ редакцію, VI, 59.

И. С. Андреевскій, Генезисъ науки, ея принципы и методы, Ч. I. М. 1890, VII, 56—62.

М. Гюйо, Происхожденіе идеи времени. Пер. съ франц. А. И. Е—ва. Смоленскъ, 1891. IX, 88—93.

В. Серебренниковъ, Ученіе Локка о природныхъ началахъ знанія и дѣятельности. СПБ. 1892. XIII, 49—59.

W. Lutosławski. Sur une nouvelle méthode pour déterminer la chronologie des dialogues de Platon. Paris, 1896, кн. XXXIV (за 1896 г.), стр. 472—474.

Съ 1885—1887 г. А. А. Козловъ издавалъ свой журналъ „*Философскій Трехмѣсячникъ*“ въ 4 выпускахъ. Главныя статьи изъ этого журнала вышли отдѣльно:

1) Религія графа Л. Н. Толстого, 1887. Вторымъ изданіемъ вышла въ Петербургѣ, 1888. Затѣмъ она же вошла въ книгу: Религія графа Л. Н. Толстого, его ученіе о жизни и любви. Второе изданіе, исправленное и дополненное, въ 2-хъ частяхъ, СПБ., 1895, куда включены и (вышедшія въ 1891 г.) “Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни“ изъ „Вопросовъ философіи и психологіи“ за 1890 и 91 г.

2) Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики, Кіевъ, 1887, стр. 42.

3) Тардъ и его теорія общества, Кіевъ, 1887.

Въ томъ же журналѣ нужно обратить вниманіе на статьи „О множественности состояній сознанія“; рецензію „Философіи мистики“ *Дюпреля* и хронику философскихъ статей въ русскихъ журналахъ.

„Мнѣніе объ источникахъ самообразованія по предмету философіи“ въ отдѣлѣ „Вопросы самообразованія“ въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ за 1896 г., II, 209—217.

„*Свое Слово.*“ Философско-литературный сборникъ, издаваемый (вмѣсто „Философскаго Трехмѣсячника“) профессоромъ *А. А. Козловымъ*. № 1, Кіевъ, 1888. Титулъ, оглавленіе, 144 стр. Предисловіе -1, Бесѣды съ Петербургскимъ Сократомъ: 3—81 (бесѣда I—3, II—24, III—47), замѣтка о книгѣ г. Штейна (Артуръ Шопенгауеръ), 82, Нѣчто о „научной философіи“ и научномъ философѣ (Лесевичѣ)—89, Отвѣтъ на рецензію г. Мокіевскаго,—125, Отвѣтъ г. рецензенту „Русской Мысли“ —136.

„*Свое Слово*“, № 2, Кіевъ. 1889. Титулъ, оглавленіе, 158 стр, опечатки. Предисловіе—1, Бесѣды съ Пет. Сократомъ 5—109 (бесѣда IV—5, V—37, VI—58), Библіографическія замѣтки 110—133 (I Leçons de philosophie par Élie Rabier, 111, Опытъ построенія теоріи матеріи А. Введенскаго—129), Опять нѣчто о „научной философіи“ и таковомъ же философѣ —134, Объясненіе съ П. Е. Астафьевымъ—139, Опять нѣсколько словъ о г. рецензентѣ „Русской Мысли“—154.

„*Свое Слово*“, № 3. Кіевъ, 1890. Титулъ, оглавленіе, 156 стр. Предисловіе -1, Бесѣды съ Петербургскимъ Сократомъ, 5—115 (VII-я,—7, VIII—22, IX—57, X—87), Объявленіе по поводу статьи Мокіевскаго—115, Два слова по поводу статьи П. Е. Астафьева —150, О „научной философіи“ и таковомъ же философѣ —153, Научный ли рефератъ? иль почтовый рожокъ—155.

„Свое Слово“, № 4. СПБ, 1892. 8 нен. стр. (Тит., опечатки, оглавленіе, предисловіе —всѣ съ пустыми оборотами) + стр. 167. Предисловіе I, Бесѣды: 1—122 (XI—1, XII—22, XIII—47, XIV—69), Прибавленіе къ XIII бесѣдѣ —123, Понятія бытія и времени (по поводу книги Л. Лопатина „Положительныя задачи философіи“) —131.

„Свое Слово“, № 5. СПБ, 1898. 8 нен. стр. (2 титула предисловіе, опечатки—съ пустыми оборотами). + 165 стр. +

оглавленіе. Бесѣды съ Петербургскимъ Сократомъ: 1—73 (XV—1, XVI—19, XVII—33, XVIII—55), Мысли о нѣкоторыхъ философскихъ направленіяхъ, преобладающихъ въ современной русской литературѣ и объ одномъ возможномъ въ будущемъ: 73—160, Глава I. Матеріализмъ экономическій—76, глава II, Матеріализмъ научный и традиціонный—82, глава III, Дуализмъ и позитивизмъ —89, глава IV, Идеализмъ—100, глава V, Панпсихизмъ; его преимущества передъ вышеразсмотрѣнными направленіями —121, глава VI, Настоящее положеніе панпсихизма, истиннаго преемника идеализма въ развитіи философскаго знанія—154. Объясненіе съ моими критиками: I. Объясненіе съ Вл. С. Соловьевымъ—161, II. Объясненіе съ Е. И. Челпановымъ —164.

„Бесѣды съ Петербургскимъ Сократомъ“, изложеніе философской системы самого А. А. Козлова, трактуютъ о слѣдующихъ предметахъ: I, II и III содержатъ предварительное развитіе основныхъ понятій, IV, V и VI — о понятіи бытія, VII и VIII — о понятіи времени, IX— понятіе религіи, бытія и причинности, X—понятіе времени, XI и XII—понятіе пространства, XIII—вопросъ о пространствѣ кривомъ и болѣе, чѣмъ трехъ измѣреній, XIV—понятія, находящіяся въ тѣсной связи съ идеей пространства: созерцаніе, представленіе, понятіе, априорность, вещь сама въ себѣ и проч., XV, XVI—понятіе движенія, XVII—понятіе матеріи, XVIII—понятіе матеріи и причинности.

О Козловѣ писали довольно много. Спеціальные очерки были посвящаемы ему авторомъ этихъ строкъ—1) въ I выпускѣ предлежащаго сочиненія „Философія въ Россіи“, стр. 1—24 [1]), и 2) въ книгѣ „О понятіи бытія. Ученіе Г. Тейхмюллера и *А. А. Козлова*“, гдѣ послѣднему посвящены стр. 47—72. Автобіографія А. А. Козлова помѣщена у *Иконникова*, Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Универ-

[1]) Спѣшимъ исправить недосмотръ въ I вып., стр. 2: Вѣстн. Промышленности вм. Финансовый Вѣстн.

ситета св. Владимира (1834—1884), стр. 269—270. Имѣются еще статьи *Колубовскаго*, біографическая въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Брокгауза, стр. 605, т. 30-го, и въ приложеніи къ русскому переводу „Исторіи новой философіи“ Ибервега-Гейнце, стр. 577. Изложеніе мыслей Козлова въ послѣдней замѣткѣ сплошь невѣрно. На одну грубую ошибку было мною уже указано на стр. 59 (прим.) книги „О понятіи бытія“.

Кромѣ того, можно указать еще на нѣкоторыя (далеко не всѣ имѣющіяся) рецензіи о соч. А. А. Козлова:

Аландскій, Философія и наука, Кіевскія Унив. Изв., 1877, I, 94—115 и II, 135—159.

Н. Гротъ, О I части „Фил. этюдовъ“ Кіевъ, 1877 или Извѣстія Ист.-филол. Инст. Кн. Безбородко, за 1877 г., стр. 3—68.

Ѳ. Ѳ. Гусевъ. Къ вопросу о философіи (по поводу диспута pro venia legendi А. А. Козлова), Прав. обозрѣніе, за 1876 г., XII, стр. 767—798.

Д. Философскія ожиданія. Вѣстникъ Европы, за 1876 г., VII, 415—427.

П. Никитинъ, О пользѣ философіи. „Дѣло“, за 1877 г., V, 66—95.

Н. Гротъ, Русскій философскій журналъ (о „Фил. Трехмѣс.“), „Одесскій Вѣстникъ“, за 1886 г., № 3, 4 января, суббота.

В. Лесевичъ, О чемъ поетъ кукушка? Сѣв. Вѣстникъ за 1886 г., февр., отд. II, VII, стр. 216—223 (по поводу выхода первой кн. спец. фил. журн.) Перепечатано въ „Этюдахъ и очеркахъ“, СПБ, 1886, стр. 355—364.

Библіографическія Новости, за 1886 г. 6 (18) янв. 1886 г. вторникъ, № 3541 „Новое Время“. (о I вып. „Трехм.“)

„*Заря*“, за 1887 г., № 165, 24 августа, воскресенье (о III вып. „Трехм.“)

„*Кіевлянинъ*“ за 1887 г, 22 августа, № 182, стр. 3 (о брошюрѣ „Тардъ“).

„*Кіевское Слово*“, за 1889 г., 21 декабря, № 847, четвергъ. „Философскія бесѣды. Случай и Разумъ.“ (О „Размышленіяхъ“ въ I книгѣ „Вопросовъ философіи и психологіи“).

С. Сычевскій, „Одесскій Листокъ“, за 1889 г., 11 ноября, Суббота, № 301, рецен. на I книгу „Вопросовъ“ (о томъ же— непозволительно рѣзкая статья противъ Козлова).

В. Буренинъ, „Новое Время“, Пятница, 29 марта 1891 г., № 5417, изд. первое (о томъ же,—о Козловѣ одобрительно).

Ю. Николаевъ, „Новый философскій журналъ (о I книгѣ „Вопросовъ“) „Московскія Вѣдомости“, № 323 и 324, за 1889 годъ, 22 и 23 Ноября, среда и четвергъ. О Козловѣ одобрительный отзывъ въ III отдѣлѣ въ № 323, въ добавочномъ листкѣ.

П. Е. Астафьевъ, Рецензія на „Свое Слово“, „Русское Обозрѣніе“, за 1890 г., I, стр. 449—463.

Е. А. Бобровъ, Рецензія на книгу А. А. Козлова: Религія графа Л. Н. Толстого, II изданіе, въ „Вопросахъ“, за 1895 годъ, кн. XXIX, стр. 503—508.

VI.

Натурфилософія М. Г. Павлова.

Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: «Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?»

(А. И. Герценъ, Сочиненія, т. VII, стр. 119).

Образованіе есть главнѣйшая польза ученья, и это, какъ при воспитаніи вообще, такъ и при преподаваніи каждой науки, должно поставлять главною цѣлію; свѣденія забываются, образованіе остается навсегда.

(М. Г. Павловъ. Основанія физики, часть I, (второго изд.), стр. 43).

Одинъ изъ виднѣйшихъ русскихъ шеллинговцевъ, Павловъ, любимый учитель многихъ питомцевъ Московской alma mater, до сихъ поръ не дождался подробной біографіи. Главнымъ источникомъ для ознакомленія съ его жизнью и дѣятельностью все еще продолжаетъ служить „Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета“, Москва, 1855, часть II, гдѣ біографическій очеркъ М. Г. Павлова находится на стр. 183—199. Эта статья составлена тремя авторами: *Щуровскимъ*, *Рулье и Калиновъ-*

скимъ [1]). Быть можетъ, именно по этой причинѣ статья страдаетъ нѣкоторою безсвязностью и отсутствіемъ плана. Притомъ, изъ 16 стр.—цѣлыя 9 стр. заняты „Конспектами полнаго курса“ „минералогіи“ (191—195) и „сельскаго хозяйства“ (195—199).

Оставляя въ сторонѣ перечень чиновъ и регалій, мы узнаемъ, что Павловъ происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1793 [2]) г., и первоначальное образованіе получилъ въ Воронежской семинаріи, въ которой окончилъ полный курсъ [3]).

Уволившись изъ званія, онъ 30 августа 1813 г. поступилъ студентомъ въ Харьковскій Университетъ, а черезъ годъ перешелъ въ Медико-Хирургическую Академію (Московское отдѣленіе). Не увлекаясь медицинскою практикою, и не собираясь быть врачомъ, Павловъ переходитъ въ Московскій Университетъ, гдѣ штудируетъ сразу по двумъ факультетамъ: медицинскому и магематическому и съ особеннымъ усердіемъ занимается естественными науками. Смѣлость, энергія и огромныя способности сдѣлали Павлову возможнымъ въ 1815 г. блистательно окончить курсъ университета по обоимъ отдѣленіямъ, и въ добавокъ получить еще за свои диссертаціи по медали; отъ математическаго выдана ему золотая, отъ медицинскаго—серебряная медаль. Такіе успѣхи обратили на него вниманіе Университетскаго начальства. Павловъ пристроился при Университетѣ, получивъ мѣсто при Кабинетѣ Натуральной ис-

---

[1]) См. часть I, стр. XI. Щуровскій занималъ каѳедру минералогіи и геогнозіи, Рулье—зоологіи, а Калиновскій—сельскаго хозяйства (тамъ же, стр. XVII). Замѣтимъ, что біографическій очеркъ М. Г. Павлова въ книгѣ «*Русскіе люди*. Жизнеописанія соотечественниковъ, прославившихся своими дѣяніями на поприщѣ науки, добра и общественной пользы» въ 2 ч. Изд. *М. О. Вольфа*, СПБ. и М. 1866, въ II т., стр. 207—214, представляетъ дословную перепечатку изъ статьи «Біогр. словаря» стр. 183—190. Ксен. *Полевой* въ своихъ «Запискахъ»упоминаетъ о Павловѣ на стр. 85—86, 89, 152.

[2]) *Колюпановъ*, Біографія Кошелева, I, 1, стр. 472, неправильно ставитъ годами жизни Павлова (?—1849).

[3]) Стр. 183.

торіи. Въ 1818 г. онъ получилъ степень доктора медицины по защитѣ диссертаціи:

Dissertatio inauguralis physiologica-obstetrica de nutritione foetus hominis. Mosquae, 1818; въ большую 8-^{0}.

Въ томъ же году при содѣйствіи своего всегдашняго покровителя, тогдашняго Московскаго генералъ-губернатора, князя *Д. В. Голицина*, основавшаго Общество Сельскаго Хозяйства, Павловъ былъ отправленъ заграницу для усовершенствованія въ естествовѣденіи и особенно въ Сельскомъ Домоводствѣ. Павловъ слушалъ лекціи знаменитыхъ ученыхъ; особенно онъ привязался къ славному тогда *Тэру* [1]). Въ Москву М. Г. возвратился въ 1820 г. и сталъ читать лекціи минералогіи и сельскаго домоводства съ 26 декабря 1820 г. въ званіи экстраординарнаго, а съ 3 августа 1824 г.—ординарнаго профессора. Въ послѣдствіи былъ избранъ въ Члены училищнаго Комитета, Комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ, въ члены Коммиссіи для охраненія Университета и его учрежденій отъ холеры. Кромѣ указанныхъ предметовъ. Павловъ преподавалъ еще поперемѣнно физику, технологію, лѣсоводство и сельское хозяйство. Онъ дослужился до статскаго совѣтника, былъ членомъ-корреспондентомъ ученаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ [2]). По Высочайше утвержденному проекту предположено было устроить при Московскомъ Университетѣ Агрономическій Институтъ на 14 человѣкъ студентовъ, которые по окончаніи курса могли бы преподавать агрономію въ учебныхъ заведеніяхъ или (лучшіе) отправиться заграницу для продолженія образованія. Въ руководители институтскихъ занятій предназначался Павловъ. Но въ ночь подъ 3-е апрѣля 1840 г. М. Г. почувствовалъ сильный приступъ крови къверхней части груди и черезъ часъ померъ, на 47-омъ году отъ

---

[1]) Стр. 185.
[2]) Стр. 183.

роду, оставивъ большую семью. Его утрату близко приняли къ сердцу Университетъ и Общество сельскаго хозяйства. Князь Д. В. Голицынъ выразился о памяти Павлова: „Въ лицѣ основателя теоріи земледѣлія въ Россіи, въ лицѣ покойнаго Павлова мы понесли великую потерю. Оставляя портретъ его въ залахъ засѣданія (Московскаго Общ. с. хозяйства), мы отдадимъ [1]) торжественную дань признательности памяти покойнаго профессора, такъ много трудившагося для нашего Общества, для науки, для отечества".

И практическая дѣятельность Павлова, и его литературно-научная дѣятельность весьма разнообразны и показываютъ богатую разносторонность и кипучесть его натуры. Его лекціи привлекали множество слушателей, и въ его аудиторіи часто трудно было отыскать мѣстечко. Нѣсколько лѣтъ сряду онъ читалъ публичные курсы [2]) сельскаго хозяйства, которыя усердно были посѣщаемы любителями и даже лицами высшаго свѣта. Императорское Общество сельскаго хозяйства пригласило его на постъ директора состоявшей при Обществѣ земледѣльческой школы и поручило ему учебный опытный хуторъ. На хуторѣ онъ распространилъ травосѣяніе и разведеніе корнеплодовъ, сѣвообороты и даже изобрѣлъ особый плужокъ (приспособленный къ мѣстнымъ потребностямъ), который носилъ его имя. Отказавшись отъ завѣдыванія хуторомъ (за нѣсколько лѣтъ до смерти), онъ на свой счетъ завелъ земледѣльческое училище для крѣпостныхъ мальчиковъ, которыхъ обучалъ современному хозяйству, сообразно русскому быту и потребностямъ [3]).

Ко всему этому надобно прибавить еще, что Павловъ содержалъ пансіонъ, въ которомъ подготовляли къ поступленію въ Университетъ.

Любопытно, что въ пансіонѣ Павлова воспитывался

---

[1]) Стр. 191.

[2]) Нѣсколько этихъ лекцій было напечатано въ «Моск. Вѣд.» (Б. Слов., II, стр. 188).

[3]) Стр. 189.

будущій профессоръ философіи и шеллинговецъ (стяжавшій извѣстность, впрочемъ, на другомъ поприщѣ)—Михаилъ Никифоровичъ *Катковъ*. „На философское развитіе личности Каткова оказалъ, можетъ быть, еще бо́льшее вліяніе, чѣмъ Надеждинъ, профессоръ М. Г. Павловъ [1])". Пансіонъ Павлова отличался какъ общимъ устройствомъ, такъ и учебною частью [2]).

Кромѣ Каткова, изъ пансіона Павлова вышелъ еще человѣкъ, съигравшій очень большую роль въ московскихъ кружкахъ: это былъ Станкевичъ, котораго Герценъ [3]) называетъ продолжателемъ дѣла Павлова, завершившимъ то, чего не могъ докончить его учитель и воспитатель.

Въ октябрѣ 1831 г. листокъ „Москвы" (№ 40, 1831 г.) извѣщалъ объ открытіи пансіона М. Г. Павлова на основаніяхъ строго обдуманной системы воспитанія. Обладавшій многостороннимъ знаніемъ, профессоръ уже былъ опытенъ въ этомъ дѣлѣ; онъ нѣсколько лѣтъ сряду имѣлъ подъ надзоромъ своимъ „Благородный пансіонъ", учрежденный при Московскомъ университетѣ. Объ экзаменахъ въ его новомъ и скоро прославившемся учебномъ заведеніи, С. Т. Аксаковъ присылалъ нѣсколько разъ въ редакцію „Москвы" самые лестные отзывы.

Въ 1830 г. Станкевичъ переѣхалъ въ Москву, въ домъ и семейство извѣстнаго профессора М. Г. Павлова, откуда и держалъ экзаменъ на поступленіе въ университетъ. М. Г. Павловъ, который тогда еще не содержалъ пансіона, столь

---

[1]) *С. Невѣдомскій*, Катковъ и его время, СПБ., 1888, стр. 6—7. Отрывокъ изъ этой книги появился въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1888 г. т. 196-й, іюнь, стр. 16—54. «Катковъ и Бѣлинскій», подписано С. См. тамъ стр. 21.

[2]) Тамъ же, стр. 2

[3]) См. соч., т. VII, стр. 119.

извѣстнаго потомъ всей Москвѣ, и къ которому Станкевичъ былъ рекомендованъ бывшимъ своимъ наставникомъ П. К. *Ѳедоровымъ*, имѣлъ большую долю вліянія на направленіе и развитіе Станкевича. Выдержавъ экзаменъ и поступивъ въ словесное (какъ тогда называлось) отдѣленіе университета, Станкевичъ продолжалъ жить у профессора, пользуясь небольшой комнатой въ его домѣ и общимъ столомъ съ его семействомъ.... Станкевичъ продолжалъ почти до конца курса жить въ домѣ Павлова и состоять подъ его нравственнымъ вліяніемъ.... Станкевичъ жилъ въ квартирѣ Павлова, часто раздѣляя съ нимъ скромную трапезу; онъ нерѣдко имѣлъ случай бесѣдовать у него и съ Надеждинымъ; но сколько послѣдній былъ сообщителенъ и готовъ на отвѣтъ при всякомъ запросѣ, столько первый не любилъ дѣлиться своею мыслію и сообщалъ ее только въ ученой формѣ лекціи, хотя оба сходились по разнымъ путямъ къ одному воззрѣнію. Павловъ неохотно отвѣчалъ на пытливые разспросы Станкевича и старался скорѣе уклониться отъ нихъ, чѣмъ дать имъ посильное удовлетвореніе; Станкевичъ, какъ и всѣ другіе, долженъ былъ ограничиться его преподаваніемъ и объясненіемъ прочитаннаго [1]).

Кромѣ этихъ дѣятелей въ области мысли и политики, Павловъ образовалъ въ Университетѣ плеяду спеціалистовъ, докончивавшихъ свой курсъ въ Петербургѣ и за границею, както: *Н. И. Желѣзнова*, *Ильенкова*, *Ходецкаго и Кочетова.*

Павловъ горячо работалъ для распространенія шеллинговой философіи, какъ въ университетѣ и пансіонѣ, такъ и вообще среди читателей.

Такъ онъ впродолженіи 1828—30 гг. издавалъ журналъ „Атеней“. Журналъ имѣлъ по преимуществу литературно-

---

[1]) *Анненковъ*, Н. В. Станкевичъ, Біографія, стр. 23, 24, 37.

научное направленіе. Программу его составляли: 1) науки и словесность, 2) стихотворенія, 3) критика и библіографія и 4) смѣсь. Съ 1829 г. къ журналу присоединилось особое приложеніе при каждой книжкѣ подъ заглавіемъ „Записки для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ". Главными сотрудниками были профессора и другія лица, *Ив. Снегиревъ*, братья *Перевощиковы*, *В. Оболенскій*, *Надеждинъ*, *Кубаревъ*, *Дубенскій*, *Андросовъ* [1]), *М. Топильскій*, *А. Зиновьевъ* и проч. [2]). Здѣсь же имѣется переводъ съ французскаго „О землетрясеніяхъ", подписанный *Ал. Герценъ* (1830, XI, 289—307).

Павловъ не ограничивался пропагандою печатною; охотно прибѣгалъ онъ для распространенія философіи среди общества и къ устному слову въ видѣ публичныхъ лекцій. Онъ заботливо поддерживалъ сношенія со старѣйшимъ и виднѣйшимъ представителемъ шеллинговой натурфилософіи въ Россіи, съ Д. М. Велланскимъ, о чемъ мы имѣемъ личныя свидѣтельства послѣдняго. Предъ Велланскимъ Павловъ, повидимому, смирялъ свое большое самолюбіе. Вотъ слова Велланскаго:

„Въ Москвѣ прожилъ я также четыре дня, отъ 12 до 16 авг. (1833 г.) Московскіе профессора оказали мнѣ самый лестный и дружественный пріемъ. Павловъ дѣлалъ для меня великолѣпный обѣдъ, гдѣ я познакомился со многими университетскими профессорами, особливо съ Давыдовымъ, Надеждинымъ, Іовскимъ и Альфонскимъ. Послѣ обѣда, въ физическомъ кабинетѣ Павлова я бесѣдовалъ съ ними *часовъ восемь*. Московскіе ученые чувствуютъ всю важность философскаго есте-

[1]) Ксен. *Полевой*, Записки, стр. 89, свидѣтельствуетъ объ В. А. Андросовѣ: «Отъ сообщества съ Павловымъ онъ вскорѣ сдѣлался отчаяннымъ шеллингистомъ, и встрѣтившись у Попова съ Николаемъ Алексѣевичемъ (Полевымъ), чрезвычайно заинтересовалъ его новыми тогда у насъ идеями нѣмецкой философіи». Ср. стр. 86. «Андросовъ первый познакомилъ Н. А-ча съ нѣм. философіей».

[2]) *Колюпановъ*, Біографія А. И. Кошелева, I, 1, стр. 476—480.

ствознанія, хотя *ни одинъ* изъ нихъ *не понялъ* моей „Физики“. Они приглашали меня дать имъ нѣсколько лекцій изъ натуральной философіи, но я не могъ оставаться у нихъ и на пять дней“ [1]).

Велланскій, уже слѣпой, вспоминая о Москвѣ и о профессорахъ, съ которыми провелъ время у Павлова, не разъ говорилъ Розанову, что Давыдовъ болѣе Павлова способенъ къ философскимъ воззрѣніямъ, и что онъ съ большими свѣденіями по части философіи [2]).

Впрочемъ, въ личномъ обращеніи къ Павлову Велланскій много любезнѣе.

Въ своемъ письмѣ къ Павлову [3]) Велланскій (348) „покорно проситъ его увѣдомить: каковымъ показался ему курсъ физіологическихъ лекцій“, посланный Павлову черезъ г. С***. „Намѣреваясь издать въ свѣтъ мою Физіологію, я хотѣлъ показать оную предварительно такимъ лицамъ ученой Россійской публики, которыя могутъ понимать и цѣнить сочиненія сего рода“ (345). Такъ какъ Павловъ хлопоталъ о томъ, чтобы устроить Велланскому публичныя лекціи въ Москвѣ, то Велланскій сообщаетъ; „и ежели въ Москвѣ сыщутся охотники къ слушанію моихъ лекцій, то я будущую зиму могу пріѣхать къ вамъ на цѣлую зиму“ (348). „Любовь Ваша“, обращается онъ къ Павлову, „къ истинному познанію и благородное усиліе къ распространенію физическихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ для меня восхитительны“. Въ заключеніе (349) Велланскій свидѣтельствуетъ „истинное почтеніе *и нелицемѣрную* любовь“.

Кромѣ спеціально философскихъ статей, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, Павловъ издалъ „Основанія физики“ въ двухъ

---

[1]) Розановъ, Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ, стр. 123. Русскій Вѣстникъ, 1867 г., т. 72. Изъ письма Д. М. Велланскаго къ Н. Розанову отъ 15 декабря 1833 г.

[2]) Тамъ же, стр. 125.

[3]) «Молва» за 1834 г., № 23, стр. 345—349 при «Телескопѣ» за 1834 г. ч. XXI. Письмо датировано 29 мая 1834 г. въ СПБ.

томахъ [4]), „Земледѣльческую химію“, въ 2 томахъ, М., 1833, „Курсъ сельскаго хозяйства“, 2 тома; кромѣ того, нѣсколько лѣтъ онъ издавалъ уже упомянутые журналы „Атеней“, „Русскій земледѣлецъ“, а при „Атенеѣ“—„Записки для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ“. „Земледѣльческую химію“ онъ назвалъ „Приготовительною частью науки сельскаго хозяйства“. „Курсъ сельскаго хозяйства“ остался не оконченнымъ [2]).

Самостоятельный въ мнѣніяхъ и поступкахъ и раздражительный отъ природы, Павловъ не уклонялся отъ полемики и „немилосердно разилъ своихъ противниковъ“ [3]). Его сочиненія носили печать самобытности и несомнѣннаго дарованія; это не были „рабскіе переводы или безотчетныя подражанія“. Возвратившись изъ-заграницы, онъ сразу блестяще зарекомендовалъ себя лекціею „О главныхъ системахъ сельскаго хозяйства съ приноровленіемъ къ Россіи“ (1821) и рѣчью „О побудительныхъ причинахъ совершенствовать сельское хозяйство въ Россіи преимущественно предъ другими вѣтвями народной промышленности и о мѣрахъ, существенно къ тому относящихся“ [4]) (1823).

Онъ являлся горячимъ приверженцемъ плодопеременной системы, считалъ естествовѣдѣніе основою раціональнаго хозяйства и требовалъ примѣненія его къ мѣстнымъ потребностямъ.

Въ его сочиненіяхъ видно стремленіе подчинить отдѣльныя данныя науки одному общему, здраво обсужденному началу, видна тѣсная связь между частями ея *и необыкновенная*

---

[1]) I томъ, 1833, второе изданіе I-го и II. томъ въ 1836 г. Въ «Словарѣ профессоровъ» (стр. 187, прим. 2-е) ошибочно: **1825** годъ (оба тома).

[2]) Стр. 187.

[3]) Стр. 185.

[4]) Стр. 186.

логическая послѣдовательность, ясное и легкое изложеніе предмета.

Лучшая характеристика значенія Павлова для Московскаго Университета и московскаго общества сдѣлана его слушателемъ *А. И. Герценомъ* [1]); къ ней нечего прибавлять.

„Учились ли мы при всемъ этомъ чему нибудь, могли ли научиться? Полагаю, что „да". Преподаваніе было скуднѣе, объемъ его меньше, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ. Университетъ, впрочемъ, не долженъ оканчивать научное воспитаніе; его дѣло —поставить человѣка à même продолжать на своихъ ногахъ; его дѣло—возбудить вопросы, научить спрашивать. Именно, это то и дѣлали такіе профессора, какъ М. Г. Павловъ [1]).

Германская [1]) философія была привита Московскому Университету М. Г. Павловымъ. Каѳедра философіи была закрыта съ 1826 г. Павловъ преподавалъ введеніе къ философіи вмѣсто физики и сельскаго хозяйства. Физикѣ было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: „Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?".

Это чрезвычайно важно: наша молодежь, вступающая въ Университетъ, совершенно лишена философскаго приготовленія; одни семинаристы имѣютъ понятіе о философіи, но за то совершенно превратное.

Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ излагалъ ученіе Шеллинга и Окена съ *такою пластическою ясностью*, которую никогда не имѣлъ ни одинъ натурфилософъ. Если онъ не во всемъ достигнулъ прозрачности, то это не его вина, а вина

---

[1]) Сочиненія, т. VI, стр. 145, «Былое и думы», глава VI, т. I, ч. I.

[2]) Герценъ. Соч. VII, «Былое и думы», т. I, ч. IV, глава XXV, стр. 119—120.

мутности Шеллингова ученія. Скорѣе Павлова можно обвинить за то, что онъ остановился на этой Магабаратѣ философіи и не прошелъ суровымъ искусомъ Гегелевой логики. Но онъ даже и въ своей наукѣ дальше введенія и общаго понятія не шелъ, или по крайней мѣрѣ, не велъ другихъ. Эта остановка при началѣ, это незавершеніе своего дѣла, эти дома безъ крыши, фундаменты безъ домовъ и пышныя стѣны, ведущія въ скромное жилье, совершенно въ русскомъ народномъ духѣ. Не оттого ли мы довольствуемся сѣнями, что исторія наша еще стучится въ ворота?

Чего не сдѣлалъ Павловъ, сдѣлалъ одинъ изъ его учениковъ—Станкевичъ".

„Главное достоинство Павлова состояло въ необычайной ясности изложенія, ясности, нисколько не терявшей всей глубины нѣмецкаго мышленія" [1]).

Дополненіемъ въ характеристикѣ А. И. Герцена могутъ служить воспоминанія другихъ учениковъ Павлова.

Студитскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Павловѣ говорятъ: „Слушателей заинтересовывала *необыкновенная послѣдовательность мысли и чрезвычайная сжатость изложенія. Павловъ не любилъ распространяться, былъ скупъ на слова.* Каждое выраженіе его зато отливалось такъ хорошо, было такъ полно, такъ очевидно вязалось съ другими, что тогда уже мы, первокурсные студенты, удивлялись его логикѣ и не могли надивиться. Этой логикѣ мысли соотвѣтствовалъ внѣшній даръ изложенія. Огонь въ глазахъ, движеніе въ каждой чертѣ лица, непрерывная смѣна неудовольствія и торжества, волненіе рѣчи, иногда спокойной и льющейся, чаще обрывистой, восторженной, патетической,—все это показывало страстную любовь къ предмету, а можетъ быть, и къ своимъ слушателямъ. Отъ первой лекціи до послѣдней—не было ни одной

[1]) Стр. 122.

холодной, ни одной сухой или скучной. Одушевленіе не оставляло профессора ни на минуту. И это одушевленіе переходило всегда въ его слушателей. Мысли Павлова, *мало принесшія намъ пользы въ самой наукѣ*, послужили однако же для насъ путеводною нитью: въ другихъ, развили или, по крайней мѣрѣ, послужили къ развитію какого то особеннаго критическаго взгляда на науку вообще, на ея начала и основанія, на ея развитіе и выполненіе.

Тоже говоритъ другой ученикъ Павлова, проф. *Линовскій*: „Строгая логическая послѣдовательность мыслей, отчетливое ихъ отложеніе, динамическій взглядъ на природу, философскій характеръ его ученія и, наконецъ, умѣнье возбудить въ слушателяхъ, какого бы званія и образованія они ни были, охоту и рвеніе къ мышленію—вотъ его неотъемлемыя заслуги, вотъ чѣмъ снискалъ онъ справедливую признательность и уваженіе всѣхъ своихъ слушателей [1])“.

„Случалось, что значительная часть аудиторіи словеснаго отдѣленія спускалась однимъ этажемъ ниже въ скромную залу физико-математическаго и наполняла ее биткомъ. Это было при лекціяхъ М. Г. Павлова, читавшаго сперва физику, потомъ теорію сельскаго хозяйства, и въ обоихъ случаяхъ распространявшаго границы своихъ предметовъ до включенія въ нихъ цѣлаго философскаго созерцанія..... Мы имѣемъ свидѣтельство о сущности его преподаванія, благодаря книгѣ, изданной профессоромъ въ 1833 г., „Основаніе физики“: хотя учебная книга, въ обязанность которой вмѣняется сжатость и строгая система,

---

[1]) *Комлпановъ*, Біографія А. И. Кошелева, I, 1, стр. 475—476. Ярославъ Альбертовичъ Линовскій былъ испр. д. экстраордин. проф. сельскаго хозяйства съ 1844—1846 г. въ Московскомъ университетѣ. О немъ см. «Біографическій словарь Импер. Московскаго унив.», т. I, стр. 458—462 и у Ѳ. И. Буслаева, I, «Эпизоды изъ исторіи Московскаго унив.» въ «Починѣ» на 1896 г., стр. 2—5. Линовскій 28-ти лѣтъ былъ убитъ своимъ крѣпостнымъ слугою (своднымъ братомъ).

разумѣется, не можетъ передать всѣхъ развитій и поясненій, къ какимъ способно вообще живое слово человѣка“ [1]).

Впрочемъ, была и другая сторона модели. Николай Розановъ, ученикъ и горячій поклонникъ шеллинговца Велланскаго, замѣчаетъ о лекціяхъ Павлова:

„Идеи натуральной школы не столько просвѣщали мало подготовленныхъ молодыхъ людей, сколько сбивали ихъ съ толку. Идеализируя предметы наукъ безъ подготовки въ естествознаніи, молодежь самодовольствовалась мечтами воображенія, думая, что достигла вершины знаній..... не имѣя понятія объ естественныхъ наукахъ, бредили нѣмецкою философіей, ко всему прилагая ея положенія и фразерствуя [2])“.....

Въ запискѣ [3]) о профессорахъ Московскаго Университета, которую составилъ помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа графъ Александръ *Н. Панинъ* въ Апрѣлѣ 1831 г. на предметъ представленія ея министру черезъ попечителя, князя *С. М. Голицина*, хотѣвшаго „почистить“ Московскій Университетъ, чтобы избавить его отъ новаго *позора*, о Павловѣ значится (стр. 217):

Павловъ. Уменъ и ученъ, но не у мѣста: ему бы слѣдовало возвратить каѳедру сельскаго хозяйства, а физику отдать по прежнему *Веселовскому* [4]), который и теперь ее преподаетъ въ медико-хирургической Академіи.

---

[1]) Анненковъ, Н. В Станкевичъ. Біографія, стр. 35, 36.

[2]) Розановъ, Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ, стр. 125.

[3]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, за 1870 г. октябрь—декабрь, книга четвертая. V, смѣсь, стр. 214—219. «Памятная записка о проф.» etc. (издана О. Бодянскимъ); «Записка»—217—219.

[4]) Иванъ Семеновичъ *Веселовскій* род. въ 1795 г., учился въ Московскомъ университетѣ съ 1813—1816 г., будучи кандидатомъ физико-математическихъ наукъ, сталъ изучать медицину и въ 1823 г. сталъ докторомъ медиц.-Служилъ и въ Университетѣ, и въ Академіи, преподавая медикамъ математику

Детальное изученіе сочиненій Павлова вполнѣ подтверждаетъ приведенные отзывы. О содержаніи его лекцій даютъ возможность судить не только напечатанныя сочиненія и статьи, но и вышеупомянутые конспекты курсовъ по сельскому домоводству и минералогіи.

Пособіями по курсу сельскаго хозяйства Павловъ называетъ: 1) *A. Thaër*, Grundzüge der rationellen Landwirthschaft., Berlin, 1809. 8) *L. Trautmann*, Landwirthschaftslehre, Wien, 1816. 3) Le comte *Chaptal*, Chimie, appliquée à l'agriculture, Paris, 1823. 4) *Arthur Young*, Le cultivateur Anglois, traduit de l'Anglois, Paris и 5) *Земледѣльческая* химія, собственное сочиненіе [1]).

Пособіями по минералогіи указаны: 1) *Северинъ*, Первыя основанія минералогіи, СПБ. 1798. 2) *Г. Фишеръ*, Орикгнозія; Москва, 1818. 2) *Hauy*, Traité de Mineralogie, Paris, 1801. 4) *D' Aubuisson de Voisens*, Géognosie, Paris, 1819. 3) *A. de Humboldt*, Essai géognostique sur le gisement des roches dans les deux hémisphères, Paris, 1823 [2]).

Сельскимъ домоводствомъ именуется искусство размножать полезныя въ общежитіи растенія и животныя. Такъ какъ они по законамъ Предвѣчнаго производятся естественными силами, то размножать не значитъ производить, а только содѣйствовать производящей природѣ, понимая подъ природою дѣйствіе естественныхъ силъ, ведущихъ начало отъ творческаго всемогущества [3]). Содѣйствіе это всего будетъ удачнѣе, когда мы будемъ знать законы природы, по какимъ свершается произ-

---

и физику. Съ 1829 г. служилъ въ одной Академіи, а въ 1835 г., продолжая служить въ Академіи, поступилъ въ Университетъ ординарнымъ проф. физики и служилъ до 1839 года (Біограф. словарь, I, стр. 163—165).

[1]) Стр. 199.

[2]) Стр. 195.

[3]) Стр. 195, 196.

водство (до познанія ихъ доводитъ естествознаніе); заниматься сельскими работами, (т. е. содѣйствовать размноженію полезныхъ намъ растеній и животныхъ) съ вѣрнѣйшимъ успѣхомъ можно только, озаряя ихъ свѣтомъ естественныхъ наукъ и направляя ихъ по научнымъ указаніямъ. Такъ мы обратили въ науку искусство сельскаго домоводства. Но не количество размножаемыхъ произведеній, а чистый выигрышъ есть главная цѣль сельскаго домоводства. Верхъ знанія есть устроить, сообразно этой цѣли весь механизмъ работъ; способность къ тому пріобрѣтается познаніемъ началъ и производства.

Изложенію сельскаго хозяйства должно предшествовать изложеніе началъ, заимствуемыхъ изъ естественныхъ наукъ. Науку Сельскаго Домоводства раздѣляю на *три* части: въ *первой* излагаются начала, во *второй* описываются производства, въ *третьей* говорится объ устройствѣ или организаціи хозяйства. Въ первой части слушатель представляется свидѣтелемъ того, что̀ и какъ производитъ природа, во второй—какъ свѣденія, при разсматриваніи природы пріобрѣтаемыя, приспособляются къ сельскимъ занятіямъ; въ третьей раскрываются способы, какъ въ образованіи цѣлости хозяйственныхъ распоряженій можно руководствоваться свѣденіями, предложенными въ первыхъ двухъ частяхъ [1]).

I Часть [2]), *Начала*, распадается по числу предметовъ, на *три отдѣленія*: 1) *почвы* земли, 2) *растенія* и 3) *животныя*. II Часть [3]), *производства*, тоже по числу изучаемыхъ предметовъ раздѣляется на *три* отдѣленія: 1) *Земледѣліе*, т. е. приведеніе земли въ такое состояніе, чтобы на ней размножать растенія, 2) *Размноженіе растеній*, 3) *размноженіе животныхъ*.

Часть III. *Устройство* [4]). Здѣсь три вопроса: что̀ устраи-

---

[1]) Стр. 196, 197.
[2]) Стр. 197.
[3]) Стр. 198.
[4]) Стр. 199.

вать? какими способами? какъ устроенное вести къ своей цѣли? Сообразно этому, и здѣсь *три* отдѣленія: 1) *Обзаведеніе* (земля, работа и строенія), 2) *Способы или системы и* 3) *Управленіе* (книги, распоряженія, исторія хозяйства).

Столь же логично построенъ и конспектъ лекцій по минералогіи. Оба предмета (и минералогія, и сельское хозяйство) должны были бы читаться въ одинаковомъ объемѣ, но „сообразаясь съ тогдашними требованіями и по своимъ исключительнымъ занятіямъ заграницею“, Павловъ на минералогію посвящалъ времени менѣе, ограничиваясь общимъ взглядомъ. И сюда онъ умѣлъ внести чрезвычайно много любопытнаго и оригинальнаго. Съ нимъ иногда можно было не согласиться, но „нельзя было не увлекаться его логическимъ и изящнымъ изложеніемъ“ [1]).

Минералы бываютъ простые и сложные. Послѣдніе состоятъ изъ первыхъ, а тѣ и другіе вмѣстѣ составляютъ материкъ. Поэтому минералогію „раздѣляю“ на *три* части: въ *первой* разсматриваются минералы простые, во *второй*—минералы сложные (горныя породы), въ *третьей*—материкъ (простые и сложные минералы въ совокупности).

I Часть [2]) подраздѣляется на *три* отдѣленія: въ *первомъ* предлагаются *признаки простыхъ минераловъ*, во *второмъ*—о началахъ, на которыхъ основывается приведеніе ихъ въ систему по указанію признаковъ, т. е. излагается *система простыхъ минераловъ*; *третье* заключаетъ *частное описаніе простыхъ минераловъ*, порознь по принятому порядку (камни, соли, горючія вещества, руды). Часть II [3]), *Минералы сложные или горныя породы*, подобно первой, раздѣляется на три отдѣленія: 1) *признаки горныхъ породъ*, 2) *система горныхъ породъ*,

---

[1]) Стр. 191.

[2]) Стр. 192.

[3]) Стр. 193.

3) *частное описаніе* горныхъ породъ (кристальнаго образованія, слоистаго, призматическаго, слитковаго). Часть III. *Материкъ*, или простые и сложные минералы въ совокупности [1]). Материкъ можетъ быть разсматриваемъ или самъ по себѣ отдѣльно (притомъ либо 1) въ состояніи бытія, либо 2) въ состояніи дѣйствія), или въ отношеніи къ воздуху и водѣ, вмѣстѣ съ коими онъ образуетъ планету. Поэтому и третья часть минералогіи раздѣляется тоже на три отдѣленія: 1) *Материкъ въ состояніи бытія* (разсматривамый въ цѣлости, относительно поверхности, относительно строенія), 2) *Материкъ въ состояніи дѣйствія* (вулканы, землетрясенія, земной магнетизмъ или дѣятельность материка), 3) *Материкъ въ отношеніи къ водѣ и воздуху* (разрушительныя на материкъ вліянія, производительность материка или произрожденіе минераловъ, значеніе материка въ составѣ планеты.

Геогенія же или наука о происхожденіи земли относится не къ Естественной исторіи, а къ *Космогеніи*, а потому не входитъ въ курсъ минералогіи: изъ онаго все метафизическое исключается [2]).

Интересующихся этими конспектами подробнѣе я позволю себѣ отослать къ самому тексту ихъ. Ознакомленіе съ ними, особенно, съ минералогическимъ, окажется намъ полезнымъ при усвоеніи послѣднихъ частей „Физики“.

Библіографія сочиненій Павлова еще не составлена. *Колюпановъ* [3]) говоритъ: Вотъ перечень журнальныхъ статей Павлова (списокъ—неполный и неточный): Вѣстникъ Европы 1825 г., № 20. „Возможность и польза науки сельскаго хозяйства“.

Мнемозина, ч. IV, стр. 1—34. „О способахъ изслѣдованія природы“—*безъ подписи* [4]).

---

[1]) Стр. 194.

[2]) Стр. 195.

[3]) Біографія А. И. Кошелева, I, 2, стр. 299, 300, прим. 71.

[4]) Ошибочное указаніе, какъ и въ Біографическомъ Словарѣ», стр. 186, прим.—въ I томѣ «Мнемозины». Статья подписана п. п.

Въ „Атенеѣ“ за 1828 г.

„О взаимномъ отношеніи свѣденій опытныхъ и умозрительныхъ“, разговоръ первый, I, 2—15. второй, II, 1—19,

„О различіи между изящными искусствами и науками“, V, 2—11,

„О предметѣ физики“, VI, 129—141.

„Содержаніе и расположеніе физики“, VII, 253—263.

За 1830 г.

„Статьи изъ словаря наукъ: философія трансцендентальная и натуральная“, IV, 386—392.

„Планъ (форма) наукъ“, VIII, 104—110.

„Системы физики атомическая и динамическая“, IX, 185—192.

„Минералогическая система“. X, 248—255.

„Теорія общихъ свойствъ тѣлъ, основанная на динамическомъ понятіи о веществѣ“, отрывки изъ физики, № XIX, 1—50.

„Московское заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, XIII, 98—101 (за 1828 г.).

„Отвѣтъ на недоумѣніе касательно сходства искусственныхъ минеральныхъ водъ г. *Струве* съ натуральными“. V, 274.

„Отвѣтъ на возраженія „Московскаго телеграфа“ (въ № VI 1828 г.), XI, 333—356 въ „Атенеѣ“ за 1828 г. за подписью *в.л—въ*.

„Общій чертежъ наукъ“ въ „Отечественныхъ запискахъ“ за 1839 г., № 7.

Къ этому нужно присоединить его вышеупомянутую диссертацію De nutritione foetus hominis, 1818 и другія статьи, упоминаемыя „Біографическимъ Словаремъ“ и указанныя нами выше на своемъ мѣстѣ.

О средствахъ къ усовершенствованію сельскаго хозяйства (лекція проф. Павлова) въ „Телескопѣ“ за 1836 г., ч. XXXIV, стр. 501—518, отъ 30 сент. Дат. статья: М. 16 сент. 1836 г.

Вѣроятно, ему же принадлежитъ статья „Толки о сочиненіи Тэера“ въ „Атенеѣ“ за 1828 г., VI, № 21, стр. 102—103, смѣсь.

Межовъ въ каталогѣ книгъ *Базунова* (1869)—за время съ 1825—69 г. вовсе не упоминаетъ о „Земледѣльческой химіи“; на стр. 262 подъ № 4231: Курсъ сельскаго хозяйства, 2 т., М., 1837. Цѣна 3 р. Рецензіи:

1) Библіотека для чтенія за 1838 г., т. 26, отд. VI, стр. 26—32.

2) Современникъ, за 1838 г., т. IX, стр. 96.

3) Сѣверная пчела за 1838 г., № 30.

4) Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду за 1838 г., № 10.

На стр. 522 подъ № 7504; Основанія физики *II.* [1]) ошибка—вмѣсто М.) Павлова, 2 т. *СПБ.* (ошибка—вмѣсто М.), 1833—36. Цѣна 3 руб. Не указано, что первый томъ былъ перепечатанъ вторымъ изданіемъ въ 1836 г. Рецензіи:

1) Сѣверная пчела, за 1833 г., №№ 192 и 207 (Максимовича).

2) Сынъ отечества, за 1834 г. т. 164 (т. 42), отд. III, стр. 577—589.

3) Московскій наблюдатель, за 1837 г., ч. IX, 340—358.

4) Телескопъ, за 1833 г., т. XV, 103—114.

5) Телескопъ, за 1836 г., т. XXXIII, 554—580 (Надеждина).

Портретъ Павлова можно видѣть, напр., въ „Альбомѣ выставки *Бѣлинскаго*“, М. 1898, стр. 30.

Перейдемъ теперь къ изложенію натурфилософскихъ доктринъ М. Г. Павлова. Въ изложеніи мы будемъ держаться своего всегдашняго принципа—употреблять по возможности слова самого автора, такъ чтобы нашъ рефератъ представлялъ

[1]) Та же ошибка и въ указателѣ (стр. 961).

собой маленькую, но совершенно точную модель цѣлаго. Индивидуальность автора всегда интересна, и рефератъ не имѣетъ права стирать ее; тѣмъ болѣе было бы жалко утрачивать особенность стиля Павлова. Смѣло можно сказать, что за исключеніемъ немногихъ устарѣлыхъ словъ и оборотовъ сочиненія Павлова до сихъ поръ по мѣткости, краткости и выразительности языка—могутъ считаться образцомъ философскаго стиля; мы затруднились бы назвать другого русскаго писателя, который такъ писалъ бы по русски о философіи. Похвала Герцена, который самъ былъ однимъ изъ величайшихъ мастеровъ русскаго слова, сохраняетъ свою полную силу по отношенію къ Павлову до нашихъ дней.

Характеристика Павлова основана у насъ на изложеніи, главнымъ образомъ, его „Физики“ (теоретическихъ главъ), которому предпосылаются статьи „Общій чертежъ наукъ“ (изъ „Отечественныхъ записокъ“ за 1839 г., т. VI, отдѣлъ II, науки, стр. 97—101) и „О способахъ изслѣдованія природы“ [1]) (изъ „Мнемозины“, кн. IV, стр. 1—34); эти статьи представляютъ общіе взгляды Павлова. Къ нимъ я присоединилъ еще обозрѣніе теоретической статьи изъ „Атенея“ за 1828 г. ч. II, № 5. Науки, стр. 3 [2])—11 „Различіе между изящными искусствами и науками“.

Ученія Павлова никто не излагалъ. Краткое изложеніе пытался дать Анненковъ въ біографіи Станкевича, на стр. 36. Этимъ краткимъ изложеніемъ захотѣлъ воспользоваться *Невѣдѣнскій* въ своей книгѣ о Катковѣ. Но, очевидно, не будучи особенно знакомъ съ философіею вообще, и съ системою Шеллинга въ частности, и желая быть краткимъ, онъ еще болѣе сократилъ слова Анненкова,—и получилась слѣдующая пародія или каррикатура на ученіе шеллинговца Павлова [3]):

[1]) *Милюковъ*, Главныя теченія русской исторической мысли, т. изд. II, стр. 313, прим. неправильно приписываетъ эту статью кн. *Одоевскому*.

[2]) Въ оглавленіи опечатка: 1, надо 3.

[3]) Неточно передается содержаніе «Физики» Павлова у П. Милюкова, главныя теченія etc., стр. 314—315.

„Сущность міровоззрѣнія Павлова, какъ можно судить по „Основанію Физики“, заключалась въ космогонической теоріи, вытекающей изъ философскаго положенія о сходствѣ или тождествѣ безграничной свободы съ хаосомъ. Отвлеченное понятіе изображено, какъ настоящій источникъ міра, силлогизмъ и посылки его образуются изъ силъ и стихій природы, вещество объясняется, какъ взаимнодѣйствіе свѣта и тяжести и т. д“. [1]).

Точно такъ же произвольно утвержденіе Колюпанова, будто бы Павловъ „за точку отправленія своей философіи *принималъ систему Канта*“.... [2]).

Въ заключеніе не считаемъ лишнимъ указать (если зашла уже рѣчь о пародіяхъ), что манеру Павлова съ замѣчательнымъ искусствомъ перенялъ и чрезвычайно ловко и мѣтко передразнилъ *Лебедевъ*. Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ (1812—1876), студентъ Московскаго университета, былъ потомъ преподавателемъ въ Александровскомъ институтѣ, нач. отд. въ министерст. юстиц., оберъ-прокур., и умеръ въ санѣ сенатора; писалъ спец. юридическія статьи. Будучи еще студентомъ, онъ выпустилъ ѣдкую брошюру: „Подарокъ ученымъ на 1834 годъ. *О царѣ Горохѣ*; когда царствовалъ государь царь Горохъ, гдѣ онъ царствовалъ, и какъ царь Горохъ перешелъ, въ преданіяхъ народовъ, до отдаленнаго потомства“. Москва. Въ Университетской типографіи. 1834, стр. 35. Теперь эта брошюра большая библіографическая рѣдкость. Отрывки ея воспроизведены были въ „Библіографическихъ Запискахъ“ за 1858 г., стр. 17—22 и 187 (нѣсколько отрывковъ). Въ полномъ видѣ она перепечатана въ „Русской Старинѣ“ за 1878 г., т. XXII, стр. 347 – 368 [3]). Эпиграфъ изъ Погодина: „Ergo, мотай себѣ на усъ. Стр 364“. Цензурное разрѣ-

[1]) Невѣдѣнскій, стр. 7.

[2]) Біогр. Кошелева, I; 1. 475.

[3]) А не за 1876 г., какъ ошибочно указываетъ «Энц Слов.» *Брокгауза*, 33, стр. 416.

шеніе дано было 22 декабря 1833 г. цензоромъ, профессоромъ Иваномъ *Снегиревымъ*, который и самъ былъ не прочь выпутить своихъ коллегъ. Брошюра кончается словами Горація: credite posteri.

Въ своей сатирѣ Лебедевъ (прошутившій ученую карьеру и благоволеніе профессоровъ) зло насмѣялся надъ десятью самыми популярными лицами изъ тогдашнихъ профессоровъ и журналистовъ. Крайности теоретическаго увлеченія однихъ, искусственныя и чуждыя духу русскаго языка выраженія другихъ, педантисмъ и напыщенное реторическое краснорѣчіе третьихъ, все это не ушло отъ насмѣшливой наблюдательности автора. Съ замѣчательною переимчивостью онъ усвоилъ манеру каждаго и излагаетъ рѣчи, искусно переплетая подлинныя слова высмѣиваемаго (заимствованныя изъ его сочиненій или лекцій) со своими собственными интерполяціями. Изображены (фамиліи скрыты подъ буквами греческаго алфавита): *Α.—М. Т. Каченовскій*, *Β.—Н. И. Надеждинъ*, *Γ.—И. И. Давыдовъ*, *Δ,—Н. А. Полевой*, *Ε.—М. Г. Павловъ*, *Ζ.—О. И. Сенковскій*, *Η.—М. П. Погодинъ*, *Θ.—Θ. В. Булгаринъ*, *Ι.—Кн. П. А. Вяземскій*, *Κ.—Ушаковъ*.

Означенныя лица будто бы произносятъ рѣчи на „чрезвычайномъ засѣданіи философовъ, историковъ, и „*естетиковъ*“. Павловъ говоритъ пятымъ.

Ε [1]). Милостивые Государи! изъ всѣхъ наукъ, наука природы должна занимать первое мѣсто. Человѣкъ есть природа, и наоборотъ. Съ сихъ яснѣйшихъ и простѣйшихъ началъ, я приступаю къ дальнѣйшему изложенію.

Природа есть соединеніе двухъ противуположныхъ силъ: сжимательной и расширительной, естественно предполагающихъ по закону тройственности, третью силу, ограничивающую и уравнивающую двѣ первыя. Сія система совершенно соот-

[1]) Стр. 361—362.

вѣтствуетъ всѣмъ выводамъ, всѣмъ явленіямъ, всѣмъ причинамъ явленій, совершенно оправдываетъ всеобщее изреченіе: *Наука проста въ своихъ началахъ.*

Три вышеупомянутыя силы дѣйствительны и въ Философіи и въ Поезіи.

Доселѣ господствуетъ совершенное разнородство во всѣхъ областяхъ ума; вездѣ Атомистическая и Динамическая системы сбиваютъ юныя познанія, какъ басня сбила философа.

Наше дѣло говоритъ о царѣ Горохѣ; горохъ есть растеніе—предметъ естественныхъ наукъ описательныхъ; горохъ пущенный изъ ружья есть сила—предметъ Механики.... Положимъ, что горохъ, или Царь Горохъ, есть явленіе—и здѣсь не моя область, и здѣсь нѣтъ предмета Физики. Гдѣже мы найдемъ его?— Но ето не имѣетъ отношенія съ настоящимъ изслѣдованіемъ. Моя мысль есть слѣдующая: Царь Горохъ есть описка и замѣщеніе (substitutio) другого факта. И вотъ какими путями, вѣрный тремъ силамъ, дохожу я до сего изъясненія.

Атомистики предполагаютъ всю вселенную въ видѣ шариковъ: совершенно ложно! Сіи шарики есть *горохъ* въ объективности или въ осуществленіи. И такъ царь Горохъ есть понятіе Атомистическое. Изложимъ по нашей системѣ.

Предположимъ, допустимъ пустоту: вотъ демаркаціонная линія Динамической системы. Сила расширительная дѣйствуетъ—пустота расширяется, сила сжимательная дѣйствуетъ—пустота сжимается, изъ средостремленія и средобѣжанія сихъ силъ образуется третья, ограничивающая и ту и другую; и такъ произойдетъ: пустота расширяясь и сжимаясь *продолжается.* Теперь не трудно приложить сей способъ къ гороху: онъ сжимается и разширяется, т. е. продолжается, и естественно, что тогда изъ гороха произойдетъ или бобъ или стручекъ, слѣдовательно: Атомистическій царь—Горохъ, по Динамической си-

стемѣ совершенно не возможенъ и долженъ преобразоваться въ Царь-Бобъ, или Царь-Стручекъ.

Такъ просты совершенныя начала, такъ легки ясныя положенія науки!

Прежде чѣмъ излагать содержаніе науки физики, надобно выяснить себѣ вопросы о способахъ изслѣдованія, о соотношеніи наукъ между собою, о различіи, наконецъ, наукъ отъ другихъ дѣятельностей человѣческаго духа, какъ напр., отъ искусствъ [1]). На этотъ послѣдній вопросъ отвѣчаетъ статья Павлова:

Различіе между изящными искусствами и науками.

Изящныя искусства и науки составляютъ два различные рода произведеній человѣческаго ума. Это различіе считается извѣстнымъ, но и кажется неопредѣленнымъ. Не довольно знать, что науки не суть искусства, и наоборотъ: нужно еще найти основаніе этого различія.

Каждая наука по своему составу есть система понятій о какомъ-либо предметѣ. Для возможности всякой науки необходимы три условія:

1) Предметъ, или понимаемое (objectum),

2) Разумѣніе, или понимающее (subjectum),

3) Содержаніе, или понятія (conceptus) [2]).

---

[1]) Ср. въ моемъ сочиненіи «О понятіи искусства», главу II.

[2]) Стр. 4.

Именемъ *предмета* означается все дѣйствительное (reale), подлежащее нашему изслѣдованію, какъ физическое, такъ и умственное, все, что̀ дѣйствительно есть, и что можетъ быть понимаемо (тѣла, явленія физ. и нравственныя, произведенія искусствъ, самое разумѣніе, какъ предметъ изслѣдованія).

Разумѣніемъ называется способность познавать; синонимы его: мыслящій духъ, умъ, разумъ.

Человѣкъ, сіе олицетворенное разумѣніе, стремится къ познанію предметовъ; замѣчая въ предметахъ существенныя принадлежности, опредѣляющія ихъ особность (individualitas), видъ, родъ, онъ оставляетъ въ забвеніи частныя изображенія предметовъ и удерживаетъ въ умѣ только общее, отвлеченное отъ каждаго ряда подобныхъ предметовъ; это общее есть *понятіе*; за понятіями слѣдуютъ мысли (cogitata). Предметы не привносятся въ разумѣніе дѣйствительно, но изображаются понятіями отвлеченно; предметы измѣняются, исчезаютъ, и возраждаются,— ихъ изображенія, понятія—неизмѣнны.

Познавая предметы, человѣкъ образуетъ новый міръ, гдѣ предметы превращаются въ мысли, понимаемое дѣлается понятіемъ, дѣйствительное является умственнымъ. Этотъ міръ понятій, отраженіе предметовъ въ умѣ, есть область наукъ [1]). Науки суть умственныя картины предметовъ нашего познанія. Такъ астрономія въ окончательномъ видѣ составляла бы вѣрный умственный списокъ небеснаго механизма, въ коемъ движеніе міровъ было бы представлено въ понятіяхъ такъ точно, какъ оно есть въ дѣйствительности. Геогнозія давала бы картину материка, или самый материкъ, изображенный въ понятіяхъ такъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности. Разумѣніе, какъ особое бытіе, какъ предметъ познанія, при изслѣдованіи тоже превращается въ понятія. Логика, какъ наука о разумѣніи, доведенная до высшей степени совершенства, не другое бы что была,

---

[1]) Стр. 5.

какъ самое разумѣніе, вѣрно изображенное въ понятіяхъ [1]). Всѣ науки безъ исключенія суть не другое что, какъ списки своихъ предметовъ, составляемые изъ понятій и мыслей.

Перейдемъ къ изящнымъ искусствамъ. Всякое произведеніе искусствъ (особенно, образовательныхъ) выражаетъ собою какое-либо понятіе или мысль (подъ мыслію разумѣется и понятіе, а часто и наоборотъ). Картина или статья занимаетъ знатока не веществомъ, изъ коего составлена, но *мыслію*, которая даетъ себя знать посредствомъ вещества или опредѣленнаго образа: отвердѣвъ въ мраморѣ статуи или въ краскахъ картины, мысль получила особое (individualis) существованіе, какъ самостоятельный предметъ. То же и въ другихъ искусствахъ. И ораторія Гайдна, и Иліада Гомера и т. п. суть мысли, отпавшія отъ своего творца, отдѣлившіяся отъ ума, своего начала, и посредствомъ звуковъ или слова обращенныя въ предметы,—суть мысли, принявшія особое существованіе [2]).

Если каждое произведеніе искусствъ изображаетъ собою мысль, то произведенія, взятыя вмѣстѣ, подведенныя умственно подъ одну точку зрѣнія, составятъ особый міръ понятій и мыслей, обращенныхъ въ предметы. Этотъ міръ отличенъ отъ цѣлой вселенной, принадлежащей къ одной эпохѣ творенія. Это—новая природа, позднѣйшее созданіе; ея зиждитель—человѣкъ, отраженіе Зиждителя вселенной, вѣнецъ и краса природы Творческой.

Впрочемъ, мысли человѣка не осуществляются по одному его мановенію; какъ же онѣ обращаются въ предметы?

Мы удивляемся человѣку, когда мысленно слѣдуемъ за нимъ на поприще его умственной дѣятельности: занимая только одну точку въ неизмѣримомъ царствѣ творенія, онъ познающимъ духомъ объемлетъ эту неизмѣримость. Успѣхами чело-

---

[1]) Стр. 8.
[2]) Стр. 9.

вѣка въ мірѣ физическомъ изумлена, кажется, самая природа. Какъ могущественъ человѣкъ съ этой точки зрѣнія, и какъ слабъ онъ въ отношеніи къ самимъ производящимъ силамъ и веществу! Сей повелитель стихій не въ состояніи произвести вновь ни одного атома вещества, ни одной силы. Для осуществленія своихъ понятій и мыслей, для превращенія ихъ въ предметы и созданія своей природы—изящныхъ искусствъ, онъ долженъ заимствовать нужные элементы изъ природы Творческой [1]).

Цѣль искусствъ достигается тѣмъ лучше, чѣмъ приличнѣе выборъ средствъ, чѣмъ естественнѣе съ помощію ихъ обнаруживается мысль творца-художника. Въ силу этой необходимости выбора приличныхъ средствъ и назвали, кажется, искусство—подражаніемъ природѣ. Художникъ дѣйствительно подражаетъ природѣ (не въ изобрѣтеніи идеаловъ, а) въ употребленіи средствъ, изъ нея заимствуемыхъ, для превращенія мыслей въ предметы, для осуществленія ихъ.

Основаніе изящныхъ искусствъ—мысль; цѣль—обращеніе мысли въ предметъ; главныя средства—звуки, образы и слово. Въ отношеніи къ основанію и цѣли—искусства составляютъ одно (родъ); по отношенію къ средствамъ—три вида, какбы три царства природы: музыку, искуства образовательныя, словесность. Природа, созидаемая человѣкомъ въ этихъ трехъ видахъ, подобно природѣ Творческой, дѣлается въ свою очередь также предметомъ изслѣдованія, какъ міръ дѣйствительный. Списки этой природы суть словесныя науки и теорія изящныхъ искусствъ вообще. Эти науки настолько же отличны отъ самыхъ искусствъ, насколько прочія науки и ихъ предметы различны [2]).

Итакъ разница между науками и изящными искусствами заключается въ слѣдующемъ. Въ наукахъ предметы обраща-

---

[1]) Стр. 10.
[2]) Стр. 11.

ются въ мысли, въ искусствахъ—мысли дѣлаются предметами. Въ наукахъ дѣйствительное дѣлается идеальнымъ (изъемлясь изъ пространства и времени); искусства—идеальное вводятъ въ среду дѣйствительнаго. Умъ производитъ науки изъ предметовъ, а искусства предметы порождаютъ изъ себя. Тамъ все многоразличіе сосредоточивается въ умѣ, здѣсь умъ обращается въ многоразличіе. Тамъ предметы отражаются въ умѣ, здѣсь умъ отражается въ предметахъ. Въ наукахъ природа дѣйствительная представляется мысленною. Въ искусствахъ—мысли являются природою.

Выяснивъ различіе наукъ отъ искусствъ, мы можемъ перейти къ вопросу о взаимномъ отношеніи наукъ другъ къ другу; этотъ вопросъ рѣшается въ статьѣ:

Общій чертежъ наукъ.

Распредѣлить науки на свои порядки есть потребность, которой пытались удовлетворить многія дѣленія наукъ—съ Аристотеля до нашего времени (дѣленіе по факультетамъ). Но ни одна изъ этихъ классификацій не удовлетворительна; это проистекаетъ, впрочемъ, не отъ трудности задачи, а отъ неудачнаго выбора начала рѣшенія.

Науки различны; слѣдовательно, должно быть основаніе ихъ различія. Это основаніе должно быть и началомъ дѣленія наукъ. Прежде всего, значитъ, надобно опредѣлить, что̀ служитъ основаніемъ различія наукъ [1]).

Всякая наука, какъ познаніе, должна имѣть свой предметъ познанія, т. е. не можетъ быть безъ познаваемаго. По-

[1]) Стр. 97.

знать значитъ представить въ разумѣніи познаваемое—такъ, какъ оно есть, или какъ кажется, и какъ быть могло.

Представленіе есть списокъ или изображеніе предмета. Наука, какъ познаніе своего предмета, есть списокъ его. Различіе списковъ возможно лишь при различіи подлинниковъ и средствъ списывать или познавать. Различіе наукъ возможно лишь при различіи предметовъ и способовъ познанія; основаніе различія наукъ есть различіе предметовъ и способовъ познанія. Вопросъ „какъ раздѣлить науки“ обращается въ другой: „какъ раздѣляются предметы и способы нашего познанія?“ [1]).

Первый шагъ въ познаніи есть сомнѣніе познающаго въ единствѣ его съ познаваемымъ, вслѣдствіе чего познающее „я“ отдѣляется отъ познаваемаго и ставитъ себя въ противоположность съ нимъ. Что все это, что̀ не—„я“? и что такое—„я“—среди всего изумляющаго меня многоразличія: вотъ второй шагъ. Этимъ опредѣляются два отдѣльные предметы нашего познанія: 1) Разумѣніе или познающее (subjectum) и 2) Природа или познаваемое (objectum).

Человѣкъ, воплощенный мыслящій духъ, не могъ не усумниться съ самаго начала, что видимая имъ природа есть онъ самъ, и сомнѣнія его не могли быть продолжительны. Различіе такъ разительно! Отдѣленный силою мысли отъ массы предметовъ, онъ не могъ потерять ихъ изъ виду: напротивъ, бытіе ихъ стало для него еще ощутительнѣе, чѣмъ прежде. Пораженный величіемъ зрѣлища, человѣкъ былъ увлеченъ природою, вліяніе коей такъ сильно чувствуется; а жажда такъ велика, силы разумѣнія свѣжи! Но проходя отъ одного предмета къ другому, а число ихъ „не смѣти“, человѣкъ не могъ не повторить вопроса и о себѣ: что̀ въ немъ мыслитъ, и какою силою онъ постигаетъ неизмѣримость, самъ будучи точкою. Съ теченіемъ времени понятія его о природѣ

---

[1]) Стр. 98.

и о самомъ себѣ развивались болѣе и болѣе; между тѣмъ пріобрѣтались и положительныя свѣдѣнія. Эти понятія составили два разряда наукъ:

1) Физическія, которыхъ предметъ—природа,

2) Психическія, которыхъ предметъ—самъ познающій духъ, или человѣкъ, какъ существо мыслящее, одаренное разумомъ и волею [1]).

Углубляясь въ изслѣдованіе природы, мы замѣчаемъ, что все въ ней условно, все стоитъ во взаимной зависимости. И мыслящій въ человѣкѣ духъ долженъ отнести себя въ ту же сферу условнаго и зависимаго, которое не можетъ быть самому себѣ началомъ: человѣкъ и природа предполагаютъ Творца, высшее начало, которымъ все обусловлено и все поддерживается. Если такъ величественна природа, и столь дивенъ человѣкъ, то что же Творецъ и природы, и человѣка! разумъ сознаётъ свое безсиліе и, порываясь его познать, падаетъ изъ одной бездны заблужденій въ другую, пока не загорится заря вѣры. Предъ человѣкомъ неожиданно развивается цѣлый міръ отраднѣйшихъ вѣрованій, которыя, будучи приведены въ систему, образуютъ *богословскія науки*.

Итакъ Богъ, природа, человѣкъ—вотъ первые предметы нашего познанія; науки богословскія, физическія и психическія —вотъ ихъ списки или изображенія. Но въ числѣ наукъ вообще есть многія, которыя не принадлежатъ ни къ одному изъ названныхъ трехъ разрядовъ; слѣдовательно, есть еще предметы познанія, которые въ поименованныхъ не содержатся и, слѣдовательно, должны быть еще другіе разряды наукъ. Какіе же именно?

Дѣятельность мыслящаго духа имѣетъ два противоположныя направленія: или 1) усиливается все познаваемое сосредо-

---

[1]) Стр. 99.

точить въ себѣ, сводя предметы познанія на понятія, или 2) самъ стремится къ проявленію, обращая свои понятія въ предметы, что̀ знаменуется изящными искусствами [1]). Произведенія искусствъ образуютъ особый міръ понятій и мыслей, обращенныхъ въ предметы, который въ свою очередь тоже дѣлается предметомъ изученія, познаётся: оттуда особый родъ наукъ, называемый вообще *словесными науками.*

Есть еще предметъ изученія, не менѣе обширный и любопытный: это міръ политическій. Изученіе его обусловливаетъ также особый разрядъ наукъ: это-*науки политическія.*

Симъ заключается весь рядъ предметовъ познанія, стоящихъ на одной ступени логической соподчиненности.

Спросятъ: гдѣ жъ предметы для Философіи и Математики?

Кромѣ изсчисленныхъ, нѣтъ другихъ предметовъ познанія. Но одни и тѣ же предметы могутъ быть познаваемы различно. Всѣхъ способовъ познанія три: откровеніе (revelatio), опытность (experientia) и умозрѣніе (speculatio). Откровеніе господствуетъ въ наукахъ богословскихъ; опытность въ четырехъ остальныхъ разрядахъ; умозрѣніе въ философіи, куда относится и математика. Объяснимся.

Мы познаёмъ предметы двоякимъ образомъ: или 1) въ дѣйствительности, или 2) въ возможности. Познавая предметы въ дѣйствительности, мы представляемъ ихъ такъ, какъ они являются въ пространствѣ и времени; это—область наукъ положительныхъ. Познавая предметы въ возможности, мы усиливаемся постигнуть, какъ они могли явиться въ пространствѣ и времени именно въ томъ видѣ, какъ дѣйствительно являются: эта область философіи, науки умозрительной. Да, умозрительная наука—одна, философія. Постиженіе дѣйствитель-

---

[1]) Объ изящныхъ искусствахъ см. выше, стр. 131. Павловъ здѣсь дословно повторяетъ (стр. 99—100) сказанное въ первой статьѣ на стр. 8—9.

наго въ возможности подраздѣляется: одно имѣетъ предметомъ начало явленія, идею, другое—форму. Наука идей—идеологія, наука формъ—математика; та и другая составляютъ одно цѣлое—философію, науку чисто-умозрительную. Предметъ философіи—всѣ предметы нашего познанія, являющіеся въ пространствѣ и времени; но они разсматриваются въ ней со стороны возможности. Въ идеологіи представляется начало ихъ явленія, идея; въ математикѣ формы ихъ явленія въ пространствѣ и времени, мѣра и число. Итакъ всѣ науки по различію предметовъ и способовъ познанія раздѣляются на шесть разрядовъ:

1) Науки богословскія.
2) „ физическія.
3) „ психическія.
4) „ словесныя.
5) „ политическія.
6) „ философскія.

Каждый разрядъ имѣетъ свои подраздѣленія, но мы предположили ограничиться чертежемъ общимъ [1]).

Выяснивъ взаимоотношеніе наукъ (по Павлову), перейдемъ къ характеристикѣ спеціальныхъ наукъ—естествознанія. Для этой цѣли послужитъ намъ статья „О способахъ изслѣдованія природы“, помѣщенная въ „Мнемозинѣ“, кн. 4, стр. 1—34, и подписанная двумя греческими π. π.

---

[1]) Стр. 101.

О способахъ изслѣдованія природы.

То, что̀ называется природою [1]), есть либо 1) познаваемое только (исключительно *природа*), либо 2) познаваемое и познающее вмѣстѣ (*разумѣніе*, intelligentia); второе относится къ познающему въ человѣкѣ духу. Человѣкъ же, съ самаго начала своего появленія среди природы пораженный ея величіемъ и вмѣстѣ изумленный самимъ собою, невольно долженъ спросить себя: что все это, что̀ внѣ меня? (ср. стр. 134) И что такое я самъ на семъ великомъ зрѣлищѣ? Остановимся на первомъ вопросѣ.

Постигаемые предѣлы вселенныя можно ли принять за дѣйствительные? Природу, какъ вмѣстилище всего сотвореннаго, легче вообразить сферою, которой центръ всюду, а окружность—нигдѣ. Природа, въ семъ значеніи взятая, не есть предметъ изслѣдованія, но составляетъ только предметъ благоговѣйнаго удивленія величію Творца ея.

Неизмѣримое пространство вселенныя неминуемо предполагаетъ и многоразличіе существующаго въ ономъ чрезвычайное, какъ въ этомъ можно убѣдиться, разсматривая безчисленные роды растеній и животныхъ на поверхности нашей планеты и въ глуби океана. Если стараться постигнуть совокупность всего видимаго и сдѣлать счетъ тѣламъ, составляющимъ природу, то она представляется храмомъ безпредѣльной обширности: въ немъ безчисленные предметы, уже произведенные—producta; съ этой стороны о природѣ можно сказать: она *есть* (amplexus eorum, quae sunt), и кажется находящеюся въ покоѣ, какъ нѣчто содержимое [2]).

Но при болѣе внимательномъ и глубокомъ проникновеніи—вдали кажущееся покойнымъ находится въ движеніи.

---

[1]) Стр. 1.
[2]) Стр. 4.

Природа не кажется болѣе произведенною только, но непрерывно измѣняющеюся; и притомъ она остается неизмѣнною: все умираетъ и разрушается, но природа не пустѣетъ. Одно умираетъ, другое родится. Природа постоянно измѣняется (*производимость* ея) и постоянно остается тѣмъ же, чѣмъ по манію Всемогущаго вышла изъ ничтожества (*пребываемость* природы). Словомъ: въ природѣ мы находимъ всегдашнюю пребываемость при непрерывной производимости. Что это значитъ? Разсматривая, напр., животное тѣло, мы находимъ, что оно *живетъ*. Главнѣйшій признакъ, существеннѣйшее различіе жизни есть пребываемость въ производительности. Такъ и природа: непрерывно разрушается и непрерывно возникаетъ, производится и пребываетъ—она живетъ. Произведеніе всесовершенной Жизни мертво быть не можетъ [1]).

Тѣло наше живетъ, поколику всѣ органы, имѣя собственную жизнь и дѣйствуя отдѣльно, содѣйствуютъ общей жизни и поддерживаютъ цѣлость организма. Такъ цѣлая природа живетъ въ своихъ частяхъ, а части поддерживаются жизнію цѣлаго; такъ живетъ наша планета, основа коей (partes solidae)—земля, кровь (humores) — воды, дыханіе—воздухъ, воспроизводительные органы—растенія и животныя, органъ мышленія—человѣкъ.

При всемъ несмѣтномъ многоразличіи существующаго и безчисленности дѣйствій и явленій, мы замѣчаемъ въ ходѣ природы постоянный, непремѣняемый порядокъ и находимъ во множествѣ единство, такъ что природа кажется намъ самою гармоніею.

Открыть главную причину всѣхъ несмѣтныхъ движеній въ сей гармонической машинѣ, образовать общую теорію и при ея свѣтѣ благоговѣйною мыслію погружаться въ дѣла Всесотворшаго—вотъ цѣль нашихъ изслѣдованій. Къ сему то-

---

[1]) Стр. 6.

знанію стремится духъ человѣка во всѣхъ вѣкахъ. Стремясь къ своему высокому назначенію, духъ человѣка перелетитъ всѣ пропасти, какими отдѣляетъ его отъ искомаго свѣта могучее чудовище невѣжества и прорвется чрезъ всѣ мраки, бездны и хаосъ [1])!

Стремленіе сіе направляется съ двухъ противоположныхъ точекъ (*опытъ* и *умозрѣніе*). Природа изслѣдывается двумя способами: аналитическимъ-емпирическимъ (отъ явленій восходятъ къ началамъ, и на опытѣ зиждется все знаніе) и синтетическимъ-умозрительнымъ (отъ началъ къ явленіямъ). Какой способъ превосходнѣе? Большинство на сторонѣ емпиріи; но большинство не доказательство справедливости; собственное разсужденіе и изслѣдованіе никогда не вредятъ истинѣ.

Въ изслѣдованіи природы познающій духъ силится свести на понятія то, что̀ въ пространствѣ и времени, свести явленія на дѣйствія, силы и законы, силится списать природу. Чтобы оцѣнить естественныя науки, этотъ списокъ природы, надобно изслѣдовать, имѣетъ ли онъ сходство съ своимъ подлинникомъ [2]).

Сходство понятій съ познаваемымъ предметомъ называется истиною, это же есть и знаніе, ибо въ (противномъ) случаѣ несходства понятій съ предметомъ мы предмета не знаемъ. Увѣриться же въ истинѣ теоріи можно лишь, убѣдившись въ сходствѣ понятій нашихъ съ внутреннимъ ходомъ явленій, изображеніе коихъ есть теорія.

Истина одна, и это сходство понятій съ предметомъ можетъ быть только одно. Изъ царства истины исключается все съ нею разнородное; гдѣ различныя представленія одного и того же, тамъ ложь.

Естественныя науки имѣютъ одинъ предметъ—природу;

---

[1]) Стр. 8.
[2]) Стр. 9.

и теорія природы должна быть одна. Многихъ сходствъ быть не можетъ. Всѣ естественныя науки должны образоваться подъ вліяніемъ одной теоріи.

Таковы ли естественныя науки, обработываемыя *емпирически?* Въ этомъ спискѣ природы замѣтна ли гармонія подлинника? Физика объемлетъ всю природу и должна бы представлять общую теорію; но въ ней самой мы не находимъ единства началъ, а иногда даже на одинъ предметъ имѣются многія теоріи.

Естественная исторія (Естествоописаніе), какъ одно цѣлое, должна была бы быть картиною трехъ царствъ природы, въ прелестнѣйшей связи между собою состоящихъ; но она оказывается картиною безсвязности, ибо раздѣленіе минераловъ, растеній и животныхъ основывается на различныхъ началахъ.

Физіологіи въ медицинѣ принадлежитъ роль физики въ естествознаніи. Но и физіологія, и патологія, и фармакологія, и терапія имѣютъ не одну, а многія теоріи. Такова вывѣска несовершенства въ той наукѣ, которой поборники истощаются въ доказательствахъ, что опытъ есть единственное, прочнѣйшее основаніе знанія.

Отъ чегожъ зависитъ такое несовершенство емпирическихъ наукъ? [1]) Неужели ихъ представители обманываются касательно значенія опыта? Природа, какъ явленіе въ пространствѣ и времени, находится въ непрерывной производимости, состоящей въ превращеніи одного и того же вещества въ многоразличныя формы. А по (совершенно неправильной) атомистической теоріи, природа только кажется производящею, сопоставляя начала, коихъ различное содержаніе причиною различія тѣлъ. Въ органической же природѣ часто, какъ мы убѣждаемся изъ химическихъ опытовъ, совершается образованіе тѣлъ съ такими составными частями, какихъ совсѣмъ не

[1]) Стр. 12.

было въ средѣ ихъ образованія. Таковы между многими опыты Шрадера съ растеніями, посаженными въ чистѣйшемъ сѣрномъ порошкѣ, причемъ образовывались различныя минеральныя вещества.

Развитіе формъ въ органической природѣ чрезвычайно, вещество для ихъ образованія одно—слизь. Изъ слизи образуются начально и жидкія части, и клѣтчатая плева, основа плотныхъ частей въ органическихъ тѣлахъ.

Очевидно, что многоразличіе формъ вещественныхъ зависитъ не отъ самаго вещества: оно одно, непроницаемое въ пространствѣ, и служитъ лишь массою, основою явленія. То, отъ чего зависитъ образованіе той или другой формы, есть нѣчто отъ вещества отличное и ему противоположное. Условное названіе этому нѣчто—*идеальное*. Законъ, по которому идеальное дѣйствуетъ,—*идея* вообще, въ тѣлахъ живыхъ—*идея жизни* [1]). Вещество принимаетъ ту или другую форму, смотря по тому, какого идеальнаго вліянію подвергается. Въ сѣмени каждаго растенія содержится форма всѣхъ послѣдующихъ племенъ его рода, но невещественно, а идеально, въ возможности (in potentia). По этой внутренней модели (идеѣ) матеріалъ питанія растеній превращается въ растительное тѣло, какъ строительный матеріалъ превращается въ зданіе по фигурѣ, родившейся въ головѣ архитектора. И въ тѣлахъ животныхъ, красиваго павлина, огромнаго кита или слона, начало одно—слизь, а различіе формъ, въ которыя слизь превращается, зависитъ отъ идеальнаго.

Формы вещества, случайно подвергающагося дѣйствію то того, то другого идеальнаго, временны. Существованіе вещественнаго, какъ опредѣленнаго вида, есть только *случайное, мнимое*, ибо служитъ лишь отпечаткомъ существованія идеальнаго. Дѣйствительно существуетъ только идеальное, а ве-

---

[1]) Стр. 16.

щественное случайно:в. Если въ чувственномъ видѣ представить себѣ природу подъ образомъ обширнаго моря, на которомъ сильный вѣтеръ вздымаетъ нѣкоторыя волны, то волны—преходящія формы, явленія, вода въ разныхъ формахъ—вещественное, вѣтры—идеальное; все вмѣстѣ взятое—производимость природы, а начальная причина—Богъ. Видимое для насъ есть только мнимое существованіе (phoenomenon—sic) а сущность (noumenon) скрывается въ идеальномъ. Все видимое движется въ слѣдствіе дѣятельности идеальнаго.

Возвратимся къ способамъ изслѣдованія природы [1]).

Аналитическое или емпирическое изслѣдованіе утверждается на опытности и можетъ имѣть предметомъ только внѣшнее въ каждомъ видѣ существованія, подлежащее чувствамъ; а сіе есть несущественное въ природѣ. Путемъ опытности можно дойти лишь до понятія о случайномъ, коимъ управляетъ нѣчто постоянное, т. е. идеальное. Идеальное же не подлежитъ опытамъ: его нельзя заключить ни подъ воздушный колоколъ, ни въ папиновъ горшокъ. Поэтому то въ емпирическихъ наукахъ доселѣ нѣтъ ничего положительнаго; взоръ емпириковъ ничего не видитъ въ морѣ природы, кромѣ пѣнистыхъ колебаній.

Итакъ, природа имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю и внутреннюю. Наружность поражаетъ прежде. Душа, сообщаясь съ міромъ посредствомъ наружныхъ чувствъ, прежде обращается къ внѣшней сторонѣ природы, и находя все многоразличіе условнымъ, стремится привести его къ единству, къ безусловному. Единство и безусловное—вотъ цѣль, къ которой во всѣ столѣтія стремится мыслящій въ человѣкѣ духъ.

Тотъ моментъ дѣйствія души, когда она чрезъ наружныя

---

[1]) Стр. 19.

чувства обращаясь къ внѣшней сторонѣ природы, силится свести видимое на безусловное, называемъ *разумомъ*: противоположный—*умомъ*. Вникнемъ: далеко ли простираются дѣйствія разума? Душа поражается многоразличіемъ; это есть *воззрѣніе*. Разумъ размѣщаетъ вещи сходныя въ особые ряды, приводитъ ихъ къ единству (collocatio similium rerum), а потомъ разбираетъ, что̀ онѣ имѣютъ между собою общаго, и это послѣднее отвлекаетъ (abstractio). *Общее*, отвлеченное отъ подобныхъ частныхъ (изображенія коихъ оставляется въ забвеніи), есть *понятіе*. Первый порывъ души въ сведеніи многоразличія къ единству есть составленіе понятій, причемъ замѣчаются три момента: 1) совмѣщеніе подобныхъ (collocatio), 2) разборъ сходства (comparatio, analysis), 3) отвлеченіе того, что̀ составляетъ сходство (abstractio) [1]).

Но и сіи высшія сферы понятій кажутся душѣ еще частными, представляются многоразличіемъ, а ея цѣль—*единство*. Потому и сіи сферы она силится подвести подъ общее единство, точно такъ же поступая, какъ и при составленіи каждаго понятія порознь, снося вмѣстѣ, разбирая сходство и отвлекая общее. Такимъ образомъ отъ понятій *видовъ* душа поступаетъ къ понятію *рода*, порядка и т. д.; самое высшее понятіе есть *бытіе*, отвлеченное отъ всего, о чемъ можно сказать: *есть*. Бытіе есть самое простѣйшее, самое общее, отъ него уже нечего болѣе отвлекать, оно не имѣетъ сказуемаго и само есть подлежащее безъ сказуемаго, все есть его видъ.

Составленіе понятій есть процессъ восхожденія, въ которомъ каждая ступень къ низшему содержится, какъ общее, а къ высшему, какъ частное. Чѣмъ выше восходитъ разумъ, тѣмъ болѣе рѣдѣетъ или утончевается съ увеличеніемъ объемлемости сфера понятія: ближайшія къ предметамъ полнѣе, болѣе имѣ-

---

[1]) Стр. 21.

ютъ сказуемыхъ. *Предметы* (особыя, individua) и *бытіе* [1]) составляютъ крайности сего восхожденія. Первыя ступени— ближайшія къ дѣйствительности (realitas), но и здѣсь, еще въ первой сферѣ отвлеченія предметы (екземпляры) уже изчезаютъ, а остается лишь общее между ними. Восходить далѣе значитъ удаляться отъ предметовъ. Каждая сфера понятій представляется пустою, гдѣ потеряна дѣйствительность: и чѣмъ выше сфера понятія, тѣмъ она пустѣе. Самая высшая сфера есть самая большая пустота, гдѣ все многоразличное не къ единству приведено, а обращено въ пустоту.

Разумъ (не одного человѣка, а всѣхъ людей вообще и во всѣхъ вѣкахъ), замѣтивъ такой недостатокъ въ понятіи (здѣсь разумъ какбы олицетворяется; но вѣдь разумъ есть душа, обращенная къ внѣшней сторонѣ природы, а душа есть дѣйствительно нѣчто самостоятельное, живое, дѣйствующее по усмотрѣнію), дѣлаетъ новое усиліе, чтобы пополнить оный. Это есть *сужденіе*, второе дѣйствіе разума, когда онъ общее старается поставить на видъ въ частномъ; общее, какъ нѣчто пустое, онъ спасаетъ на частномъ, какъ существеннѣйшемъ, чтобы общее, изчезнувшее внѣ дѣйствительнаго, соединить черезъ частное съ дѣйствительнымъ.

Во второмъ дѣйствіи разума также три момента: частное (подлежащее), общее (сказуемое) и моментъ ихъ соединенія, связь (copula). Разумъ во второмъ дѣйствіи, частное подчиняя общему, силится случайное сообщить съ постояннымъ. Онъ силится все многоразличіе свести къ единству и не хочетъ удаляться отъ существенности. Въ первомъ дѣйствіи онъ замѣчаетъ ея удаленіе, во второмъ онъ хочетъ къ ней возвратиться, но не достигаетъ своей цѣли: подчиняя частное общему, онъ еще не нисходитъ до самыхъ предметовъ: въ част-

[1]) Стр. 23.

номъ не видны особыя (individua disparent). И поэтому разумъ дѣлаетъ еще новое усиліе и старается соединить особое съ общимъ посредствомъ частнаго, и это есть *заключеніе*, третье дѣйствіе разума, коего моменты: *общее, частное, особое.*

Разборъ трехъ дѣйствій души, обращенной къ внѣшней сторонѣ природы, есть теорія разума, что̀ обыкновенно называютъ *логикою* [1]).

Начиная съ видимаго, съ того, что̀ поражаетъ чувства, мы познаёмъ емпирически, и это естественно. Но не естественно этимъ кончить. Симъ путемъ мы не можемъ дойти до цѣли естествопознанія, до единства, изъ котораго бы можно объяснить видимое.

Единство, до коего доходитъ разумъ, есть *пустота*, въ которой все дѣйствительное (reale) изчезаетъ и, откуда нельзя вывести многоразличное. А важнѣйшая задача есть: найти единство, какъ внутреннее начало каждаго явленія, единство, изъ котораго можно объяснить внутреннюю сторону природы. Такое единство, котораго внѣшняя сторона служитъ только тѣнію, есть *идея*, а понятіе о ней условно назовемъ *мыслію*: это есть уже понятіе ума, а не разума. Понятіе разума говоритъ о формѣ вещи, а понятіе ума о самой сущности. *Мысль* совершенно противополагается *понятію*. Понятіе есть *формальное* единство, а мысль—*существенное*. Мысль извѣщаетъ о внутренности явленія, а понятіе только о поверхности онаго. Понятіе составляется, мысль раждается и развивается. Понятіе—предметъ *логики*, мысль—*философіи*.

Душа, обращенная къ внѣшней сторонѣ природы, можетъ обогатиться только понятіями. Разумъ не простирается далѣе понятій, и потому ограниченъ: онъ имѣетъ удѣломъ скользить лишь по поверхностямъ явленій, не проникая во внутренность ихъ.

---

[1]) Стр. 27.

Внѣшняя сторона природы есть область емпиріи, слѣдовательно, поприще разума; внутренняя есть область умозрѣнія и поприще ума. Идущіе по первому находятъ только отраженіе, отпечатки идеальнаго. Идущіе по второму силятся созерцать *идею*, самое отражающее [1]).

Начало емпиріи—явленія, начало умозрѣнія—самопознаніе; ходъ емпиріи—наведеніе (inductio), ходъ умозрѣнія—выводъ (deductio, constructio). Емпирія отъ окружности устремляется къ центру—на удачу, а умозрѣніе отъ центра поступаетъ къ окружности навѣрное. Емпирикъ силится привести хаосъ явленій въ порядокъ на основаніи признаковъ, не заботясь о томъ, какое понятіе родитъ его система о природѣ: потому емпирическія системы такъ сухи, незанимательны. Для емпирика природа—груда матеріи, которую онъ силится разложить и описать. Для умозрителя признаки тѣлъ суть буквы, коими идеальное, проявляясь въ вещественномъ, даетъ себя разумѣть: его система тѣлъ естественныхъ есть картина развитія царствъ природы [2]).

Впрочемъ, умозрѣніе при всѣхъ своихъ преимуществахъ недостаточно безъ емпиріи. Каждое явленіе (и природа—ихъ совокупность) есть соединеніе противоположностей (synthesis oppositorum),—совмѣстность идеальнаго съ вещественнымъ. Посему и умозрительное познаніе, и емпирическое, какъ одностороннее, каждое по отдѣльности—неполно. Умозрители убѣждены въ необходимости обоюднаго познанія (что̀ непонятно емпирикамъ) и нимало не чуждаются емпиріи, но для нихъ опыты и наблюденія—повѣрка началъ, выведенныхъ изъ самопознанія, а не самыя начала. Вѣдь умозрители пользуются и чужими опытами, и сами ихъ дѣлаютъ.

---

[1]) Стр. 29.

[2]) Стр. 30.

Мнѣніе, будто наука въ наше время идетъ къ совершенству исполинскими шагами,—мечта! Число то открытій увеличивается, а природа остается по прежнему нерѣшенною задачею. Електричество, разложеніе щелочей, газы, вліяніе гальванизма на магнитную стрѣлку, эти открытія—блистательныя эпохи въ развитіи наукъ; но объяснилась ли съ симъ хотя нѣсколько сама природа? объяснилось ли електричество, гальванизмъ и т. п.?

Емпирическія открытія умножаютъ число явленій природы и вопросовъ для рѣшенія. Разумъ обогащается; но оставаясь по прежнему въ границахъ случайнаго, онъ въ познаніи природы не поступаетъ далѣе.

Опытъ можетъ довести до открытій, но до знанія оныхъ никогда. Емпирическія свѣдѣнія не выше обыкновеннаго разсказа, они только матеріалы знанія, разбросанные въ безпорядкѣ [1]).

Емпирики выдумываютъ теоріи для устраненія этого хаоса, но смѣна ихъ теорій есть замѣна одной лжи другою. Новое открытіе ведетъ къ новой теоріи; то, что̀ принимали за истину, выдается за ложь. Узнавать теоріи емпириковъ значитъ переходить отъ старой лжи къ новой. Теорія есть представленіе внутренняго хода явленія (доступное лишь для ума, а не для разума), и слѣдовательно, не дѣло емпиріи.

Посему, если для облегченія успѣха въ Естественныхъ наукахъ общая теорія должна быть цѣлью, и если теоріи вообще необходимы, то умозрительный способъ изслѣдованія природы заслуживаетъ бо̀льшаго вниманія ученыхъ, чѣмъ сколько обыкновенно удостаивается.

---

[1]) Стр. 33.

Переходимъ къ сочиненію Павлова, которое доставило ему наибольшую извѣстность, именно, къ его „Основаніямъ физики“. I часть вышла въ Москвѣ, въ 1833 г. Титулъ, V стр. оглавленія, 1 пустая стран., второй титулъ, текста 3—302 стр.+3 таблицы чертежей. Въ книгѣ 99 § и въ таблицахъ—39 чертежей. II-я часть вышла въ 1836 г. въ Москвѣ же, заключаетъ: Титулъ, нен. 2 стр. „предисловіе“, второй титулъ, текста 3—368 стр.+„оглавленіе“ VII стр.+3 таблицы. Въ книгѣ § 100—§ 249 и въ таблицахъ 46 чертежей [1]). Третья часть, долженствовавшая излагать органическую физику, совсѣмъ не появилась. Въ 1835 г. вышло „изданіе второе“ I части, заключающее: Титулъ, V стр.—„оглавленіе“, 1 пустая, второй титулъ и текста 3—311 стр.; чертежей и §§ столько же, какъ въ первомъ изданіи, но текста болѣе на 9 стр. Въ текстъ помѣщены поправки и исправленіе ошибокъ, указанныхъ критиками. Главными критиками были *Ленцъ* въ Dorpater Jahrbücher, которому Павловъ написалъ отвѣтъ (объ этой весьма любопытной и важной полемикѣ будетъ рѣчь ниже) и „Ярославскій ученый“, помѣстившій рецензію въ „Московскомъ Наблюдателѣ“

---

[1]) Экземпляръ Юрьевской унив. библ., которымъ я пользовался, имѣетъ на II т. автографъ автора (размашистымъ почеркомъ): Михайлу Петровичу Розбергу отъ автора, 31 августа 1836 Москва. Розбергъ былъ въ Дерптѣ проф. русской словесности. Воспитываясь въ Московскомъ университетѣ, онъ увлекался философіею и былъ отчаяннымъ шеллинговцемъ, о чемъ см. у Ксен. *Полевого*, Зап., стр. 152—154.

за 1837 г., на которую Павловъ отвѣчалъ въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“: „О несомнѣнности математики въ физикѣ“. „Біогр. Словарь“ указываетъ на эти отвѣты Павлова, какъ на примѣръ „немилосерднаго пораженія противниковъ“ [1]).

„Физика“ Павлова производитъ замѣчательно благопріятное впечатлѣніе изяществомъ плана. Сначала вездѣ изложены наблюденія, опыты и описаніе явленій, а потомъ уже предлагается пояснительная, натурфилософская теорія. Въ виду того, что въ своемъ изложеніи „Физики“ мы ограничимся только разсмотрѣніемъ важнѣйшихъ, теоретическихъ главъ и §§, не будетъ излишнимъ привести общій перечень содержанія ея, дабы дать читателю возможность видѣть и экспериментальный составъ физической системы Павлова.

Къ этому нужно еще добавить, что нѣкоторыя главы изъ „Физики“, имѣющія общій интересъ, помѣщались предварительно въ журналѣ „Атеней“. Такъ, напр., въ „Атенеѣ“ за 1828 г., во 2-ой части, были помѣщены: въ № 6, науки, стр. 129—141 „О предметѣ физики“, статья, составляющая I отдѣлъ Введенія въ I-ю часть, а въ № 7, стр. 253—263—„Содержаніе и расположеніе физики“, составляющая VII и VIII отдѣлы того же Введенія.

---

[1]) Стр. 185, прим. 3. Неправильно указаніе на отвѣтъ Павлова Ленцу, будто бы въ «Телеграфѣ» за 1825 г. (т. е. еще до выхода окритикованной «Физики»).

Общій обзоръ содержанія „Физики“ Павлова.

Введеніе: I. Предметъ физики. II. Опредѣленіе физики. III. Средства физики, или способы изслѣдованія. IV. Свѣденія положительныя и теорія. V. Физика положительная и теоретическая. VI. Физика опытная и умозрительная. VII. Содержаніе физики. VIII. Планъ физики.

Физики общей отдѣленіе первое. Свѣтъ.

Глава I. *Свѣтъ въ явленіи.*

А. Свѣтъ,какъ причина видимости: Раздѣленіе тѣлъ въ отношеніи къ свѣту. Источники свѣта. Распространеніе свѣта. Расходимость лучей свѣта. Яркость свѣта, или степень освѣщенія. Скорость свѣта. Отраженіе, разсѣяніе и поглощеніе свѣта. Законы отраженія свѣта. Отраженіе отъ зеркалъ плоскихъ, сферическихъ, вогнутыхъ, выпуклыхъ. Преломленіе свѣта. Законы преломленія. Преломленіе свѣта въ стеклахъ разной формы, въ стеклахъ плоскихъ, сферическихъ. Двойное преломленіе. Оптическая ось. Направленіе преломленныхъ лучей въ кристаллахъ съ одною и съ двумя оптическими осями. Поляризація свѣта посредствомъ двойнаго преломленія, отраженія, простаго преломленія. Свойства поляризованныхъ лучей. Поляризующія тѣла.

B. Свѣтъ, какъ причина цвѣтности: Случаи оцвѣченія свѣта, a. Преломленіе. a) Преломленіе въ призмѣ. Свойства призматическихъ лучей: 1. Преломляемость. 2. Отражаемость. 3. Неразлагаемость. 4. Соединимость въ бѣлый. 5. Температура. 6. Химическія дѣйствія. 7. Черты въ цвѣтномъ изображеніи. b) Преломленіе въ тонкихъ пластинкахъ; b. Раздробленіе. Цвѣта тѣлъ. Ахроматизмъ.

C. Свѣтъ, кака причина тепла. Термометры: Фаренгейтовъ, Реомюровъ, Делилевъ, Цельсіусовъ, Амонтоновъ, Рутерфордовъ à maxima, Брегетовъ. Термоскопы: Лесліевъ и Румфордовъ. Пирометры: Веджвудовъ. Состоянія теплоты. 1. Теплота свободная. Теплоемкость. Удѣльная теплота. Калориметръ. Напряженность и проводники свободной теплоты. 2. Скрытая теплота. Количество скрытой теплоты въ жидкостяхъ, въ веществахъ воздухообразныхъ. 3. Лучистая теплота. Свойства лучистой теплоты: 1. Распространеніе въ средахъ прозрачныхъ, 2. Нагрѣваніе проходимой среды, 3. Отраженіе, 4 Поляризація. Тожество лучистой теплоты и свѣта. Источники теплоты.

Глава II. *Свѣтъ самъ въ себѣ.*

Теорія свѣта Древнихъ, Декарта, Ньютона. Паденіе теоріи Ньютона. Опроверженіе теоріи Декарта. Теорія свѣта Ломоносова, Окена. Опроверженіе теоріи Окена.

Физики общей отдѣленіе второе. Тяжесть.

Глава 1. *Тяжесть въ явленіи.*

Направленіе тяжести. Поверхность земли, уровень моря. Равномѣрность дѣйствія тяжести на тѣла. Законъ тяжести.

Напряженность тяжести. Вѣсъ тѣлъ усобный и удѣльный. Опредѣленіе удѣльнаго вѣса тѣлъ воздухообразныхъ, текучихъ, твердыхъ. Тѣла легкія и тяжелыя.

Глава II. *Тяжесть сама въ себѣ.*

Физики общей отдѣленіе третіе. Вещество.

Глава I. *Вещество въ явленіи.*

Общія свойства тѣлъ. 1. Зависящія отъ силы разширительной. A. Протяжимость: a) Линейная—очертательность, b) Поверхностная—объятность, c) Кубичная—непроницаемость. B. Дѣлимость: a) Линейная—тягучесть, b) Поверхностная—растяжимость, c) Кубичная—разширяемость, 2. Зависящія отъ силы сжимательной. A. Притяжимость: a) Линейная—цѣпкость, b) Поверхностная—липкость, c) Кубичная—связь. B. Соединимость: a) Линейная—сокращаемость, b) Поверхностная—стяжимость, c) Кубичная—сжимаемость. Частныя свойства тѣлъ, отличающія ихъ состоянія.

Глава II. *Вещество само въ себѣ.*

Теорія вещества Древнихъ, Лейбница, Новѣйшихъ атомическая, Канта динамическая, Окена, Автора вмѣстѣ съ теоріею свѣта и тяжести.

Основанія физики.

Часть II.

Предисловіе. Введеніе.

Физики частной отдѣленіе первое. Силы планетныя невещественныя.

Глава I. *Силы планетныя невещественныя въ явленіи.*

А. Электричество. Раздѣленіе тѣлъ въ отношеніи къ электричеству. Тѣла разобщающія и разобщенныя. Разнородность электричества. Равновѣсіе разнородныхъ электричествъ. Свободное электричество. Электроскопы. Электрометръ. Явленіе электричества на поверхности тѣлъ. Удержаніе электричества на поверхностяхъ. Раздѣленіе электричества по поверхностямъ. Потеря электричества: отъ разобщителей, отъ воздуха. Разстояніе удара и сфера электрическаго дѣйствія. Способы возбуждать электричество: 1. Треніе. Электрическая машина. 2. Вліяніе. Электрофоръ. 3. Сообщеніе: черезъ соприкосновеніе, на разстояніи. 4. Сжатіе. Электрическая стрѣлка Гаю. 5. Нагрѣваніе. 6. Химическій процессъ. 7. Жизнь. Скрытое электричество. Конденсаторъ. Лейденская банка. Мѣсто скрытаго электричества. Электрическая батарея. Всеобщій разрядникъ. Электрическая цѣпь. Распространеніе электричества. Скорость электричества. Дѣйствія электричества: 1. Физическія. a) Притяженія и отторженія. Электрическій звонъ. Электрическій, или франклиновъ паукъ. Электрическій танецъ. Электрическая буря. Вольтовъ градъ. Законъ электрическихъ притяжаній и отторженій. b) Разширеніе. Электрическая мортира. Киннерслеевъ термометръ. Дѣйствія разширенія. c) Освѣщеніе. Различіе свѣта электр. положительнаго и отрицательнаго. Лихтенберговы фигуры. Электрическій свѣтъ въ воздухѣ. Электрическій свѣтъ въ пустотѣ. Цвѣтность электри-

ческаго свѣта. d) Нагрѣваніе. e) Окисленіе. f) Воспламененіе. Вольтовъ пистолетъ. Электрическій домикъ. 2. Химическія. 3. Физіологическія. Воздушное электричество. Исторія открытія. Тожество электрической искры и молніи. Постоянное присутствіе электричества въ атмосферѣ. Періодичность воздушнаго электричества. Гроза. Молнія. Громъ. Ударъ грома прямой. Ударъ грома возвратный. Громовыя стрѣлы. Громоотводъ. Градоотводы. Происхожденіе воздушнаго электричества.

B. Магнитизмъ. Опредѣленіе. Сфера магнитнаго дѣйствія. Магнитные полюсы и средняя линія. Послѣдовательныя точки. Способы отыскивать магнитные полюсы. Магнитная полярность. Разнородность магнитной силы. Неутрализація разнородныхъ силъ магнитныхъ. Магнитизмъ положительный и отрицательный. Намагничиваніе. Вещества магнитическія и магнитныя. Сила ограничительная. Способы намагничиванія: 1. Прикосновеніе. 2. Натираніе. Точка насыщенія. Исскуственные магниты. Оправа магнитовъ. Магнитныя фигуры. Мѣсто магнитной силы. Дѣйствіе магнитовъ на всѣ тѣла. Земной магнитизмъ. Направленіе магнитной силы земли. Отклоненіе. Перемѣны отклоненія, годовыя, суточныя. Линіи безъ отклоненія и линіи наибольшаго отклоненія. Наклоненіе. Перемѣны въ наклоненіи, годовыя, суточныя. Магнитный экваторъ земнаго шара. Магнитные полюсы земли. Напряженность земнаго магнитизма. Изодинамическія линіи. Зависимость магнитной напряженности земли отъ температуры странъ. Перемѣны въ напряженности земного магнитизма годовыя и суточныя. Дѣйствіе земнаго магнитизма при удаленіи отъ земной поверхности. Вліяніе всѣхъ тѣлъ на магнитизмъ. Вліяніе тѣлъ на магнитизмъ въ состояніи ихъ покоя. Вліяніе тѣлъ на магнитизмъ во время ихъ движенія. Вліяніе теплоты на магнитизмъ. Вліяніе метеоровъ на магнитизмъ. Дѣйствія магнитизма физическія, химическія, физіологическія.

C. Галванизмъ. Возбужденіе галванизма. Галваническая цѣпь и ея сила. Галваническая цѣпь 1-го рода, 2-го рода и 3-го рода. Дѣйствія галванической цѣпи. Дѣйствія цѣпи 1-го рода физическія. Произведеніе свѣта и теплоты. Электромагнитизмъ. Галваническіе токи. Движенія, производимыя токами. Движенія токовъ отъ магнитовъ и земли. Гальванометръ. Термо-электрицизмъ. Дѣйствія цѣпи 1-го рода химическія, физіологическія. Дѣйствія цѣпи 2-го рода. Дѣйствія цѣпи 3-го рода.

Глава II. *Теорія силъ планетныхъ невещественныхъ.*

Физики частной отдѣленіе второе.

Силы планетныя вещественныя.

Глава I. *Силы вещественныя въ явленіи.*

Точка зрѣнія. A. Воздухъ. 1. Свойства: a) Саморазширимость. Воздушный насосъ. b) Производимость. 2. Отношеніе къ другимъ дѣятелямъ: a) къ свѣту, b) тяжести, c) веществу, d) электричеству, e) магнитизму, f) галванизму. 3. Дѣйствія. Давленіе. Измѣреніе атмосфернаго давленія. Барометръ. Средняя высота барометра. Случайныя перемѣны. Періодическія перемѣны. Зависимость барометра отъ мѣстностей. Отношеніе барометра къ воздушному электричеству. Разныя мнѣнія объ атмосферномъ давленіи. B. Земля. 1. Свойства: a) Самосжимаемость. b) Производимость. 2. Отношеніе къ другимъ дѣятелямъ: a) къ свѣту, b) тяжести, c) веществу, d) электричеству, e) магнитизму, f) галванизму. 3. Дѣйствія. Всасываніе. C. Вода 1. Свойства. a) Капельность. b) Производимость. 2. Отношеніе къ другимъ дѣятелямъ: a) къ свѣту, b) тяжести,

c) веществу, d) электричеству, e) магнитизму, f) галванизму.
3. Дѣйствія. Разствореніе.

Глава II. *Теорія силъ планетныхъ вещественныхъ.*

Физики частной отдѣленіе третье.

Планетный процессъ.

Глава I. *Планетный процессъ въ явленіи.*

Глава II. *Теорія планетнаго процесса.*

Изложеніе „Физики“ Павлова.

I. Предметъ физики.

Физика [1]) значитъ наука о природѣ. Въ древности этимъ именемъ означали всѣ свѣдѣнія о природѣ, хаосъ естественныхъ наукъ, который впослѣдствіи раздѣлился на многоразличныя сферы, разныя науки. Изъ нихъ только одна удержала за собою общее имя, но это имя въ наше время имѣетъ другое значеніе [2]).

У всѣхъ естественныхъ наукъ предметъ одинъ—природа. Если же природа служитъ предметомъ многихъ наукъ, то слѣдуетъ заключить, что она 1) или принимается въ разныхъ *значеніяхъ*, или 2) разсматривается съ разныхъ точекъ зрѣнія, или 3) и то, и другое [3]).

Природа, дѣйствительно, и въ разныхъ значеніяхъ принимается, и съ разныхъ точекъ зрѣнія разсматривается. Наука есть списокъ своего предмета, а предѣлы списка должны совпадать съ предѣлами подлинника. Каковъ же предметъ физики? Даже въ новѣйшихъ сочиненіяхъ подъ этимъ названіемъ замѣтно сліяніе предѣловъ наукъ.

Ближайшій родъ, къ коему относится природа, есть существующее. Творецъ и твореніе, вотъ раздѣленіе всего су-

---

[1]) Изложено по II-му изданію.

[2]) Стр. 3.

[3]) Стр. 4.

ществующаго. Подъ природою мы здѣсь понимаемъ все сотворенное: 1) природа сознательная, міръ духовный, познающее и познаваемое вмѣстѣ и 2) природа безсознательная, міръ физическій, совокупность только познаваемаго; эта послѣдняя и есть предметъ естествовѣдѣнія и разсматривается съ трехъ точекъ зрѣнія (ср. выше, стр. 138):

1) Какъ произведеніе, совокупность тѣлъ (amplexus eorum, quae sunt), 2) какъ производимое, совокупность явленій (amplexus eorum, quae fiunt), 3) Какъ производящее, совокупность производителей (amplexus eorum, quae agunt).

Поэтому есть три разряда естественныхъ наукъ: 1) науки о тѣлахъ (соматологія), 2)—о явленіяхъ (феноменологія) и 3)—о производителяхъ (динаміологія) [1].

I. *Тѣла*, составляющія природу, раздѣляются на небесныя (космографія—о мірѣ вообще, уранографія—о солнечной системѣ, географія физическая—о земномъ шарѣ) и земныя (наука о нихъ—натуральная исторія: минералогія, фитологія, зоологія). Больше тѣлъ нѣтъ, кромѣ распредѣленныхъ между частями соматологіи. Физикѣ нѣтъ здѣсь мѣста: она не можетъ быть наукою о тѣлахъ.

II. *Явленія*, какъ измѣненія въ состояніи тѣлъ, дѣлятся также на небесныя (астрономія—наука о нихъ) и земныя (о явленіяхъ въ неорганической природѣ—метеорологія,—въ природѣ органической—физіологія). Болѣе явленій нѣтъ, кромѣ составляющихъ собственность указанныхъ частей феноменологіи. Физика не можетъ быть наукою о явленіяхъ.

III. *Производители* природы суть вещество и силы. Первое, какъ масса, составляетъ предметъ химіи, вторыя остаются въ удѣлъ физикѣ. Кромѣ физики, нѣтъ другой науки

---

[1]) Стр. 6.

для сего предмета, и наоборотъ, кромѣ сего предмета, нѣтъ для физики другого [1]).

Силы природы, какъ причины естественныхъ явленій, могутъ быть разсматриваемы отдѣльно отъ самыхъ явленій, напр., электричество отдѣльно отъ грозы. Но должно ли такъ поступать? При разсматриваніи явленій цѣлію поставляется объясненіе оныхъ, т. е. найти причину и способъ производства ихъ; значитъ, надо предварительно знать силу, производящую явленіе. Если бы каждое явленіе имѣло свою особую причину, тогда бы можно при самомъ объясненіи изслѣдовать и свойства, и законы дѣйствующей причины: отдѣльное изслѣдованіе причины было бы лишнимъ. Но вѣдь одна и та же причина можетъ участвовать въ многоразличныхъ явленіяхъ, а потому должна быть изучена отдѣльно. Объяснить явленіе, если мы знаемъ свойства силъ и законы ихъ дѣйствія, значитъ только рѣшить: *какая* изъ извѣстныхъ силъ въ ходу. Остается лишь показать способъ, какимъ сила, признанная за причину даннаго явленія, производитъ оное [2]). Природа при всей безчисленности явленій дѣйствуетъ немногими силами; отдѣльнымъ изслѣдованіемъ послѣднихъ сокращается изученіе природы со стороны явленій и самыхъ тѣлъ, ибо первыя суть перемѣны въ состояніи послѣднихъ.

Итакъ *силы* природы могутъ и должны быть особымъ предметомъ изслѣдованія и предметомъ особой науки—*физики*. Предметомъ физики остается природа въ смыслѣ совокупности силъ дѣйствующихъ въ мірѣ физическомъ [3]).

---

[1]) Стр. 7.
[2]) Стр. 9.
[3]) Стр. 10.

II. Опредѣленіе физики.

Физика есть наука о силахъ природы. Слову „сила“ дано здѣсь обширнѣйшее значеніе: сила есть всякая причина явленія, будетъ ли она невещественная (напр., тяжесть), вещественная (какъ воздухъ) или это будетъ процессъ, напр., планетный.

Природа вѣчнодѣятельна: вотъ точка зрѣнія физика. Какія средства употребляетъ природа къ поддержанію своей всегдашней дѣятельности? вотъ вопросъ, разрѣшаемый физикомъ. Разнородныя средства, употребляемыя природою, всѣ однородны въ томъ отношеніи, что онѣ служатъ причинами естественныхъ явленій. Средства и силы суть однозначительныя слова. Посему опредѣленіе физики: *наука о силахъ природы*, ни мало не сбивчиво и выражено точно. Подобнаго же опредѣленія придерживается и знаменитый Гей-Люссакъ [1]) (исключая такіе неосновательно дѣлаемые придатки, какъ, напр., метеорологическія явленія, которыя относятся къ метеорологіи, и которыя въ физикѣ только нарушали бы единство предмета).

III. Средства физики или способы изслѣдованія.

Физика для изслѣдованія своего предмета имѣетъ *два* способа: [2])

1) *Опытность* (experientia), которую составляютъ a) *наблюденіе* (observatio), b) *опытъ* (experimentum),

2) *Умозрѣніе* (speculatio).

1. a) *Наблюденіе.* Силы природы обнаруживаются въ ихъ дѣйствіяхъ. Сцена дѣятельности природы и кругъ наблюденія необъятны и безпредѣльны: при взглядѣ на

---

[1]) Стр. 11, 12, 13.
[2]) Стр. 14.

нихъ наблюдатель, повидимому, долженъ отказаться отъ познанія силъ. Но природа обличаетъ себя въ единствѣ начала своей дѣятельности — общею гармоніею, послѣдовательностью и согласіемъ всѣхъ несмѣтныхъ дѣйствій. Ободрительная мысль: кругъ наблюденія можно ограничить и опредѣлить мѣрою средствъ. Здѣсь аналогія имѣетъ силу и достоинство, ибо цѣлая вселенная есть безчисленное и безконечное повтореніе одного и того же цѣлаго, нашей солнечной системы: открытія въ нашей системѣ могутъ безошибочно вразумлять насъ и насчетъ природы вообще. Далѣе—силы природы лучше познавать тамъ, гдѣ обширнѣе кругъ ихъ дѣйствій, и гдѣ они независимѣе отъ постороннихъ вліяній, т. е. въ самой же природѣ.

Наблюденіе, какъ изслѣдованіе природы въ ея свободныхъ дѣйствіяхъ обширнаго размѣра, есть средство физики значительной важности [1]).

b) *Опытъ.* Симъ именемъ означается тотъ видъ изслѣдованія, когда мы приводимъ естественныя тѣла и дѣятелей природы въ придуманное нами состояніе, чтобы видѣть, какъ они станутъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать [2]). Опытъ есть вопросъ природѣ, на который она вынуждается отвѣчать рѣшительно, если опыты производятся съ осмотрительностью, и если пріобрѣтенъ навыкъ понимать языкъ природы. Это средство физики, при всей его ограниченности, весьма важно, особенно при изслѣдованіи такихъ дѣйствій, которыя весьма рѣдко наблюдаются или не встрѣчаются отдѣльно отъ другихъ. Но при разныхъ условіяхъ одинъ опытъ можетъ привести къ разнымъ заключеніямъ.

2) *Умозрѣніе.* По этому способу изслѣдованія въ основаніе принимаютъ начала ума, независимыя отъ опытности, и

---

[1]) Стр. 15.

[2]) Стр. 16.

отъ нихъ по законамъ мышленія черезъ рядъ послѣдствій поступаютъ къ заключеніямъ, которыя затѣмъ, если подтверждаются опытностію, причисляются къ истинамъ. Умозрительный способъ (отъ началъ къ явленіямъ) называютъ еще познаніемъ a priori—въ противоположность опытному a posteriori (отъ явленія къ началамъ).

Болѣе нѣтъ никакихъ другихъ способовъ изслѣдованія: ихъ два [1]).

Въ философіи вольфіанской, которой извѣстнѣйшая философія Баумейстера долгое время въ нашихъ семинаріяхъ служила послѣднимъ догоравшимъ лучемъ, былъ еще допускаемъ третій способъ познанія—„математическій“, но онъ теперь отринутъ—и вотъ почему. Способы дѣйствія познавательной способности, коихъ два 1) при посредствѣ чувствъ (опытность) и 2) безъ посредства чувствъ собственными своими средствами (умозрѣніе), и называются способами познанія; это только другое названіе: однихъ два—и другихъ два. Математика въ физикѣ, наравнѣ съ другими науками (напр., логикою), можетъ быть лишь весьма значительнымъ пособіемъ.

IV. Свѣденія положительныя и теоріи.

Изслѣдованіе ограничивается познаніемъ предмета: 1) въ явленіи (какъ онъ представляется со стороны свойствъ и дѣйствія) и 2) въ сущности (что онъ есть самъ въ себѣ). Результаты изслѣдованія вообще называются свѣденіями, а въ частности, въ первомъ случаѣ, положительными, а во второмъ, предположительными (теоріями). При однѣхъ и тѣхъ же свѣденіяхъ положительныхъ теоріи могутъ быть различны, что будетъ зависѣть отъ точки зрѣнія, съ которой разсматриваются положительныя свѣденія [2]).

---

[1]) Стр. 17.

[2]) Стр. 19.

V. Физика положительная и теоретическая.

Положительныя свѣденія въ дѣлѣ познанія составляютъ начало, а теоріи—конецъ: свѣденія безъ теоріи недостаточны, а теоріи безъ свѣденій невозможны. Физика, стремясь къ полному познанію своего предмета, должна быть и положительною, и теоретическою вмѣстѣ.

VI. Физика опытная и умозрительная.

Свѣденія (и теоріи) могутъ быть опытныя, и умозрительныя, смотря по своему происхожденію; и физика можетъ быть либо опытною, либо умозрительною, смотря по тому, изъ чего она состоитъ. Къ идеалу науки (когда предметъ разсматривается съ двухъ возможныхъ сторонъ, явленія и сущности) близка физика, состоящая изъ той и другой. Возможныя ошибки (и въ предѣлахъ опытности, и въ умозрѣніи) зависятъ не отъ способа познанія, а отъ личности познающаго.

VII. Содержаніе физики.

Наука должна быть самостоятельною, т. е. состоять изъ свѣденій только о своемъ предметѣ, не нуждаясь для пополненія своего содержанія въ другихъ свѣденіяхъ (изъ чужихъ наукъ), которыми она можетъ пользоваться лишь для поясненія своего предмета.

Содержаніемъ физики должны быть свѣденія объ ея особомъ предметѣ: причинахъ естественныхъ явленій. Изъ ея области нужно исключить все чуждое, заимствованное не для объясненія предмета, а для пополненія содержанія. Такъ физику начинаютъ трактатомъ объ общихъ свойствахъ тѣлъ

(поскольку они могутъ быть причиною явленій), но не предлагаютъ этихъ свѣденій въ системѣ, а толкуютъ еще, напр., о движеніи, которое составляетъ предметъ механики, о рычагахъ, блокахъ, маетникѣ. Но вѣдь одинъ и тотъ же предметъ, разсматриваемый въ одномъ и томъ же отношеніи, не можетъ быть предметомъ разныхъ наукъ [1]). Въ статьѣ о движеніи предлагаются еще акустика и музыка, хотя звукъ и всѣ его разновидности не принадлежатъ физикѣ. Если ихъ некуда помѣстить, то и наука физики не складочный магазинъ; въ такомъ случаѣ онѣ—особыя науки, а свѣденія изъ нихъ, напр., о воздухѣ, какъ средѣ распространенія звука, могутъ входить въ физику только для поясненія предмета ея.

Таковъ же отдѣлъ физики подъ заглавіемъ „оптика“, гдѣ трактуется и о свѣтѣ, и о видѣніи предметовъ. Послѣднее составляетъ предметъ особой науки оптики, относящейся къ феноменологіи, тогда какъ физика относится къ динамеологіи. Изъ теперешней оптики въ физику должны входить свѣденія о свѣтѣ, его свойствахъ и дѣйствіяхъ [2]), но никакъ не о видѣніи.

Химія предметомъ имѣетъ тѣла, вещество, какъ матеріалъ, употребляемый природою для различныхъ своихъ произведеній. Свѣденія о тѣлахъ, и почти о всѣхъ предметахъ химіи встрѣчаемъ въ физикахъ (о газахъ и т. п.). Причиною этому необдуманность предмета и желаніе сдѣлать науку физики болѣе занимательною. И химія, трактуя не по принадлежности о свѣтѣ, теплотѣ, электричествѣ и галванизмѣ (будто бы въ „химическомъ“ отношеніи“), дѣлаетъ похищенія изъ физики. Находя и тамъ, и сямъ одно и то же, нѣкоторые увѣряются, что между этими науками нельзя положить точныхъ предѣловъ, что онѣ сливаются. Можно ли понятіе о наукѣ со-

---

[1]) Стр. 21.

[2]) Стр. 23.

ставить, сообразно книгамъ, неправильно написаннымъ? Напротивъ, книги должны быть написаны, сообразно понятію науки. Наука, какъ списокъ своего предмета, какъ этотъ предметъ, представленный отвлеченно, должна быть ему равна, и предѣлы ея, не допуская сліянія, означены самимъ предметомъ. Сліяніе предѣловъ наукъ есть то же, что̀ и единство ихъ предметовъ. Тогда химія и физика должны бы составить одну науку. Если же предметы ихъ различны, то и сліянія быть не можетъ. Въ противномъ случаѣ физика будетъ хаосомъ, а не системою. Физика-списокъ долженъ быть правиленъ, какъ правильна природа, ея оригиналъ. А потому свѣденія химическія, не служащія для поясненія предмета физики, должны быть изъ нея исключены.

Зрѣніе, какъ отправленіе (functio) животнаго организма, принадлежитъ физіологіи, а о недостаткахъ его трактуетъ патологія. Если въ физикѣ говорить о зрѣніи, то почему не говорить и объ остальныхъ однородныхъ отправленіяхъ: пищевареніи, дыханіи и т. п.

Метеорологія, по ближайшему сродству съ физикою, можетъ быть (въ видѣ особой науки) присоединена къ физическому курсу.

Клочки, вырываемые изъ разныхъ наукъ и пришиваемые къ физикѣ, не составляютъ ея полноты, красы и совершенства; напротивъ, они вытѣсняютъ изъ оной самыя существенныя свѣденія, обезображиваютъ ея форму и отнимаютъ у нея достоинство науки самостоятельной [1]).

---

[1]) Стр. 27.

VIII. Планъ физики.

Наука есть система свѣденій, т. е. совокупность оныхъ, построенная по идеѣ цѣлаго. Идеею цѣлаго требуется: 1) единство предмета, 2) единство начала, 3) логическая послѣдовательность. Чтобы физика была наукою, надо привести ея содержаніе въ систему, т. е. расположить всѣ свѣденія о силахъ природы, сообразно съ идеею цѣлаго; гогда содержаніе физики приметъ свойственную наукѣ форму, которая (безъ содержанія) называется ея *планомъ*. Планъ еще называется *конспектомъ*. Единственный признакъ науки есть система, и тамъ нѣтъ науки, гдѣ предлагаются только свѣденія. Конспектомъ физики нельзя назвать оглавленія (основанныя на числительномъ порядкѣ), которыя суть лишь нумерація матеріаловъ. Конспектъ физики есть чертежъ, по коему должно послѣдовать приведеніе свѣденій о силахъ природы въ одно стройное цѣлое. Но что должно служить при составленіи этого чертежа руководствомъ? [1])

Наука есть умственный списокъ предмета. Форма списка равна формѣ подлинника. Планъ науки есть ея форма, значитъ, форма предмета науки должна быть и планомъ ея. Форму предмета науки составляетъ его дѣленіе. Дѣленіе предмета физики будетъ основаніемъ ея конспекта.

Физика есть наука о силахъ природы. Вотъ начальная точка. Силы природы—трехъ родовъ: I) общія или міровыя, II) частныя или планетныя и III) органическія. Посему физика раздѣляется на три части: I) на *физику общую* (о силахъ міровыхъ), II) *физику частную* (о силахъ планетныхъ), III) *физику органическую* (о силахъ органическихъ) [2]).

---

[1]) Стр. 29.
[2]) Стр. 30.

Схема всей физики.

Часть первая.

Силы природы общія или міровыя.

Подъ симъ названіемъ разумѣются причины естественныхъ явленій, коихъ дѣйствія замѣчаются, какъ въ кругѣ нашей планеты, такъ и внѣ оной—въ цѣломъ мірѣ, во вселенной; таковы:

I. Свѣтъ, какъ сила средобѣжная. II. Тяжесть, какъ сила средостремительная. III. Вещество [1]), какъ сила составная изъ двухъ первыхъ. На основаніи сего первую часть физики подраздѣляю на три отдѣленія: предметъ перваго свѣтъ, втораго—тяжесть, третьяго—вещество.

Физики общей отдѣленіе первое.

Глава I. Свѣтъ въ явленіи: A. Какъ причина видимости. B. Какъ причина цвѣтности. C. Какъ причина тепла. Глава II. Свѣтъ самъ въ себѣ, или теорія свѣта.

Физики общей отдѣленіе второе.

Глава I. Тяжесть въ явленіи. Глава II. Тяжесть сама въ себѣ, или теорія тяжести.

---

[1]) Въ химіи вещество разсматривается, какъ матеріалъ произведеній, какъ масса, а въ физикѣ, какъ дѣятель, или сила.

Физики общей отдѣленіе третье.

Глава I. Вещество въ явленіи. A. Общія свойства тѣлъ B. Относительныя свойства тѣлъ трехъ состояній. Глава II. Вещество само въ себѣ, или теорія вещества. Приложеніе динамической теоріи къ теоріи общихъ свойствъ тѣлъ, также къ теоріи свѣта и тяжести.

Часть вторая.

Силы частныя или планетныя.

Подъ именемъ силъ планетныхъ, или частныхъ разумѣю тѣ причины естественныхъ явленій, коихъ дѣйствія ограничиваются кругомъ нашей планеты, какъ части міра; таковы:

I. Силы планетныя невещественныя: 1) электричество, 2) магнитизмъ, 3) галванизмъ.

II. Силы планетныя вещественныя: 1) воздухъ, 2) земля, 3) вода.

III. Процессъ планетный. На основаніи сего и вторую часть физики подраздѣляю на три отдѣленія: предметъ перваго— силы планетныя невещественныя; предметъ втораго— силы планетныя вещественныя; предметъ третьяго—процессъ планетный.

Физики частной отдѣленіе первое.

Силы планетныя невещественныя. Глава 1. Силы планетныя невещественныя въ явленіи. Глава 2. Теорія силъ планетныхъ невещественныхъ.

Физики частной отдѣленіе второе.

Силы планетныя вещественныя. Глава 1. Силы планетныя вещественныя въ явленіи. Глава 2. Теорія силъ планетныхъ вещественныхъ.

Физики частной отдѣленіе третье.

Процессъ планеты. Глава 1. Процессъ планеты въ явленіи. Глава 2. Теорія планетнаго процесса.

Часть третья.

Силы органическія.

Названіемъ силъ органическихъ означаю тѣ средства природы дѣйствующей, коими она пользуется въ произведеніи органическихъ явленій; таковы органическіе процессы: 1—растительный, 2—животный, и 3—міровый. Вслѣдствіе сего и третью часть физики подраздѣляю на три отдѣленія: предметъ перваго—процессъ растительный, предметъ втораго—процессъ животный, предметъ третьяго—процессъ міровый.

Физики органической отдѣленіе первое.

Растительный процессъ. Глава 1. Растительный процессъ въ явленіи. Глава 2. Теорія растительнаго процесса.

Физики органической отдѣленіе второе.

Животный процессъ. Глава 1. Животный процессъ въ явленіи. Глава 2. Теорія животнаго процесса.

Физики органической отдѣленіе третье.

Міровый процессъ. Глава 1. Міровый процессъ въ явленіи. Глава 2. Теорія міроваго процесса [1]).

Вотъ начертаніе плана физики, снятое съ самого ея предмета, или основанное на логическомъ дѣленіи онаго! Въ

[1]) Стр. 30—35. Часть третья осталась ненаписанною,—только въ планѣ.

эту форму стоитъ лишь вложить содержаніе, самыя свѣденія,—и физика, переставъ быть рапсодіею, представитъ систему.

Въ пользу начинающихъ надобно разрѣшить три слѣд. вопроса:

1. Предложенный планъ физики есть ли что-нибудь новое, или это есть планъ обыкновенный, по коему располагаются всѣ физики?

2. Если этотъ планъ отличенъ отъ прочихъ, то что по оному въ составъ физики войдетъ новаго, и сколько останется стараго?

3. Что выигрываетъ наука отъ плана? Стоитъ ли о немъ такъ много заботиться [1])?

Для рѣшенія *перваго* вопроса слѣдовало бы предложенный планъ сравнить съ другими, но ихъ нѣтъ,—не съ чѣмъ и сравнивать! Какъ въ исторіи физики, такъ и въ курсахъ ея—хаосъ разнородныхъ свѣденій: вмѣсто плана въ нихъ лишь оглавленія! Это подтверждается разсмотрѣніемъ физикъ *Депре* (стр. 38), *Біота* (стр. 39), *Гей-Люссака*, *Пулье* (стр. 40).

На *второй* вопросъ можно отвѣтить, что свѣденія научныя пріобрѣтаются вѣками, и новыми они по новому плану стать не могутъ, но имъ дѣлается строгій разборъ: посторонія исключаются, а физика органическая по праву возвращается.

На *третій* вопросъ. Зданіе возникаетъ тогда, когда планъ осуществляется посредствомъ матеріаловъ. И свѣденія сами по себѣ не наука, и планъ одинъ—не наука. Наука есть система свѣденій. Какая же польза отъ систематическаго изложенія? Обогащеніе ума свѣденіями не составляетъ еще всего, чего надлежитъ ожидать отъ изученія наукъ, и чѣмъ отъ нихъ пользуются. Науки, образовавъ умъ, дѣлаютъ его на все способнымъ. Люди, прошедшіе курсъ наукъ, и состоящіе

---

[1]) Стр. 36.

на службѣ, не имѣютъ иногда случая приложить свои свѣденія къ дѣлу, но превосходятъ прочихъ. Образованіе есть главнѣйшая польза и цѣль ученія: свѣденія забываются, образованіе остается навсегда [1]).

Образующія средства тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ болѣе приноровлены къ натурѣ образуемаго предмета, ума, сущность коего состоитъ въ мышленіи. Науки всего лучше направляютъ его, будучи предлагаемы въ систематическомъ порядкѣ, какъ математика, логика. Умъ, ведомый путемъ системы, навыкаетъ, настраивается къ правильности и точности, словомъ *образуется*.

Наоборотъ, умъ, обременяемый безъ системы, коснѣетъ въ привычкѣ дѣйствовать безотчетно, непослѣдовательно, остается въ грубости. Это сказывается даже на нѣкоторыхъ ученыхъ, которые при всей обширности свѣденій,—въ дѣлахъ непослѣдовательны, въ разговорахъ неосновательны: ихъ понятія и свѣденія—умственный хаосъ!

Итакъ планъ въ наукѣ необходимъ, ибо отъ него наука очень много выигрываетъ какъ въ образованіи ума, такъ и въ обогащеніи его свѣденіями. И физика болѣе будетъ удовлетворять своему назначенію науки, если будетъ имѣть систему и планъ.

Отъ физики общей польза для образованія ума общая со всѣми науками. Отъ частной физики польза состоитъ въ ея содержаніи, свѣденіяхъ о силахъ природы, источникѣ физическаго міра. Эти свѣденія даютъ намъ возможность извлекать себѣ изъ него несмѣтныя выгоды, потому что наше физическое бытіе нераздѣльно съ физическимъ міромъ. Усваивать же ихъ всего удобнѣе по плану. Физика съ планомъ удерживаетъ за собою всѣ преимущества науки [2]).

---

[1]) Стр. 43.

[2]) Стр. 46.

Двѣ основныя силы.

Теорія Павлова построена на понятіи двухъ взаимоограничивающихъ другъ друга силъ: *расширительной и сжимательной.* Понятіе ихъ выводится такъ (§ 75).

Вещество по указанію *опытности* есть нѣчто *непроницаемое* въ пространствѣ. Быть непроницаемымъ значитъ *отражать* все постороннее, усиливаясь въ занятомъ собою пространствѣ *расшириться*: непроницаемость есть слѣдствіе расширенія или отторженія. Это *дѣйствіе* предполагаетъ *причину*, дѣйствующую *силу*, которую, по ея качеству, надо назвать *расширительною* или *отторгательною* (vis expansiva, s. repulsiva).

Если бы вещество было только *одна* расширительная сила, то оно разсѣялось бы въ пространствѣ. Дѣйствительное же состояніе вещества (сгущеннаго, сжатаго въ пространствѣ и удерживаемаго, какъ есть) предполагаетъ *другую* силу, которая, какъ *противоположная*, *ограничиваетъ* расширительную. По ея дѣйствію эту силу (присутствіе коей необходимо по указанію опытности) надо назвать *сжимательною* или *притягательною* (vis contractiva, s. attractiva).

Вещество при *одной* сжимательной силѣ, сгущаясь до безконечности, осталось бы стремленіемъ сосредоточиться. Если же вещество на самомъ дѣлѣ сжато только до извѣстной степени, то, значитъ, и сжимательная сила ограничена—силою расширительною.

Итакъ, если расширительная сила, условливающая непроницаемость, является веществомъ, но не иначе, какъ будучи ограничена силою сжимательною, то вещество не другое что есть, какъ сила расширительная и сжимательная, ограниченныя взаимно.

Эти замѣчанія послужатъ намъ путеводною нитью для пониманія всѣхъ теорій Павлова.

Предлагаемая Павловымъ теорія вещества

(вмѣстѣ съ теоріею свѣта и тяжести).

Вещество, по указанію опытности, не другое что есть, какъ силы расширительная и сжимательная, ограниченныя взаимно; въ веществѣ силы расширительная и сжимательная находятся въ принужденномъ состояніи. Но принужденіе (ограниченіе) есть результатъ: необходимо ему предшествовало состояніе свободное. Чѣмъ же была бы тогда каждая сила? Въ ограниченности, будучи веществомъ, онѣ связаны съ временемъ и мѣстомъ въ пространствѣ; будучи же свободными, онѣ должны быть внѣ этихъ предѣловъ [1]).

Въ безпредѣльномъ пространствѣ (безъ опредѣленнаго центра) сила сжимательная (центростремительная), будучи сама себѣ предоставлена, и сжимаясь безпрепятственно до безконечности, была бы ничто, уничтожала бы себя въ каждой точкѣ.

Сила расширительная разсѣялась бы въ пространствѣ до нуля, до безконечности; ея участь была бы та же: ничтожество.

Для обѣихъ силъ есть двѣ крайности: ничтожество (состояніе совершенной свободы) и вещество (состояніе принужденное). Первое предшествуетъ второму; силы физическаго міра могли переходить изъ ничтожества въ бытіе, а не наоборотъ.

---

[1]) Стр. 295.

Взаимное вліяніе (ограниченіе) силъ современно самому творенію. Первое движеніе расширительной силы при переходѣ въ бытіе не могло быть противнымъ ея натурѣ: изъ каждой точки пространства (въ безпредѣльной сферѣ центръ находится въ каждой точкѣ), какъ изъ центра, устремляясь къ окружности, она не могла не увлечь въ то же время и сжимательной силы, которая, покоясь въ центрѣ, дотолѣ ничтожествовала [1]). Но при вліяніи сжимательной силы расширительная не могла уже разсѣеваться въ безконечность, какъ и обратно, при вліяніи послѣдней на сжимательную силу,—сжимательная, стремясь къ центру, не могла сжиматься до безконечности. Онѣ не обращаются уже въ ничто, но и не составляютъ еще вещества. Это—среднее состояніе *напряженности*: тутъ міръ вещественный только въ возможности. Обѣ силы, переставая теряться въ безконечномъ, входятъ въ предѣлы пространства и времени, становятся протяженными въ первомъ и измѣримыми во второмъ. Здѣсь начинается господство формы, безъ которой ничто не можетъ быть во времени и пространствѣ, здѣсь видъ бытія феноменальнаго, но оно еще не является. Каждая сила, еще не совсѣмъ ограничивши другъ друга, принимаетъ форму, сообразно своей натурѣ. Такъ какъ центръ былъ въ каждой точкѣ, то въ эпоху творенія дѣятельность должна была обнаружиться всюду: въ каждой точкѣ пространства послѣдовало движеніе. Точка, дробясь какбы на множество другихъ, равномѣрно движущихся по одному направленію отъ центра къ окружности, точка, какбы выходя изъ себя, образуетъ сферу. Вотъ форма силы расширительной. Слѣдъ движущейся точки есть линія; линія, протяженная отъ центра въ сферѣ къ окружности, есть лучъ, радіусъ; лучистость есть самый естественный способъ проявленія силы расширительной въ ея развитіи [2]).

---

[1]) Стр. 297.

[2]) Стр. 299.

Которая изъ силъ физическаго міра имѣетъ эту форму, имѣетъ признаки вещества (протяжимость и измѣримость), не будучи имъ? Это—свѣтъ въ лучахъ свѣтлыхъ и въ теплотѣ, которой тожество съ свѣтомъ доказано (§ 52); онъ является силою средобѣжною, расширительною. Его символъ—лучезарная сфера, выступающая изъ центра множествомъ лучей.

Наоборотъ, сила сжимательная, выведенная изъ своего ничтожественнаго покоя, какъ точка, невольно увлеченная сама изъ себя, должна принять форму сжимающейся сферы, стремящейся придти въ естественное свое положеніе—быть центромъ. Изъ силъ физическаго міра это тяжесть. Всеобщее тяготѣніе знаменуетъ повсюдное усиліе составить одинъ центръ. Тяжесть ускользаетъ отъ чувствъ, не имѣетъ такихъ ощутительныхъ признаковъ феноменальнаго бытія, какъ свѣтъ, но она протяжима въ пространствѣ (actio in distans) и измѣрима во времени (увеличивающаяся скорость падающихъ тѣлъ [1]).

Итакъ сила расширительная въ среднемъ состояніи есть *свѣтъ*, а сжимательная въ томъ же состояніи есть *тяжесть*. При взаимодѣйствіи обѣихъ силъ, каждый лучъ свѣта долженъ сгущаться, и притомъ въ разной степени, сообразно разницѣ во взаимоограниченіи. Различіе въ сгущеніи лучей или напряженности свѣта опытность показываетъ на животныхъ (одни видятъ только днемъ, другія—лишь ночью, третьи—и такъ, и сякъ). И ночная тьма есть свѣтъ, только изрѣженный; но тьма не есть отсутствіе свѣта: темнота бываетъ различная, а отсутствіе, какъ ничто, не можетъ имѣть степеней и, находясь внѣ пространства и времени, не подлежитъ чувствамъ; совершенной тьмы въ природѣ нѣтъ. Не видимъ же мы во тьмѣ потому, что по нашей организаціи намъ требуется свѣтъ болѣе напряженный, болѣе сгущенный, достаточно раздражающій нашъ органъ зрѣнія. Опытность показываетъ, что свѣтъ дѣйствительно сгущается. Лучъ, отвѣсно падающій въ воду, не

[1]) Стр. 300.

преломляется, а предметы на немъ кажутся выше; значитъ, лучъ сократился, т. е. сгустился. Разширяемость и сгущаемость свѣта видна еще на расходимости лучей и собираемости ихъ въ фокусъ. Видимый свѣтъ есть лучъ сгущенный; расширенный—тьма. Переходъ между ними постепенный, смѣсь того и другого, т. е. *цвѣтъ*. Цвѣтъ есть тотъ же свѣтъ, но видимый и невидимый вмѣстѣ, или темный, освѣщенный свѣтлымъ. Цвѣтные лучи должны быть подвержены тѣмъ же самымъ законамъ отраженія и преломленія, какъ и свѣтлые; вся разность лишь—въ степени сгущенія. Цвѣтъ есть лучъ свѣтлый и темный вмѣстѣ.

Что же такое теплота? [1])

Единственное явленіе, коимъ теплота себя обнаруживаетъ, есть расширеніе. Значитъ, теплота есть сила расширительная, тотъ же свѣтъ. Эта сила дѣйствуетъ со всѣмъ своимъ могуществомъ, когда ее ничто не стѣсняетъ. Линія, въ которой расширительная сила является свѣтомъ, есть уже ограниченіе ея со стороны силы сжимательной. Если теплота есть свѣтъ, то, какъ расширительная сила, она можетъ дѣйствовать своимъ образомъ, только когда разрушится ея линейность. И дѣйствительно, свѣтъ грѣетъ, лишь теряя свою линейность (поглощеніе свѣта). Лучъ, преломленный и отраженный, не грѣетъ; грѣетъ только лучъ поглощаемый, т. е. теряющій свою линейность. Нагрѣваніе есть расширеніе, охлажденіе есть сжатіе. Нагрѣваніе тѣлъ имѣетъ мѣсто тогда, когда они поглощаютъ свѣтъ. Свѣтъ, теряя линейную форму, свергаетъ съ себя узы, наложенныя непріязненною силою, тяжестію, и является въ полномъ могуществѣ. Подрывая связь вещества (произведеніе силы сжимательной), онъ исхищаетъ его изъ предѣловъ формы, отторгаетъ отъ центра, улетучиваетъ (ужасная сила паровъ, напр.).

---

[1]) Стр. 304.

Наоборотъ, охлажденіе происходитъ отъ разсѣянія теплоты въ видѣ лучей (rayonnement). Расширительная сила, какъ средобѣжная, не можетъ оставаться въ нагрѣтомъ тѣлѣ безъ особенной причины. Слѣдуя своему стремленію отъ центра къ окружности, она оставляетъ тѣло, разсѣеваясь въ видѣ лучей—въ линейной формѣ (лучистая теплота). Предметно, какъ нѣчто самостоятельное, теплота является въ видѣ луча. Лучистая теплота есть свѣтъ, иногда видимый, иногда невидимый. Эти лучи при отраженіи и преломленіи покоряются, какъ указываютъ опыты, тѣмъ же законамъ, какимъ подлежатъ лучи свѣтлые. И наоборотъ, лучи свѣтлые, собранные въ фокусъ, производятъ то же, что̀ и лучистая теплота. Силы расширительная и сжимательная, стремясь ко взаимному ограниченію въ состояніи напряженности (какъ свѣтъ и тяжесть), должны были сближаться. Это сближеніе, новый шагъ возрождающейся вселенной къ дальнѣйшему развитію, ознаменовано особымъ состояніемъ, встрѣчею свѣта съ тяжестью; и свѣтъ, и тяжесть теряются, какъ въ точкѣ безразличія, въ этомъ первомъ для міра физическаго синтезѣ противуположностей, т. е. въ *огнѣ*. Нѣтъ еще вещества, нѣтъ міра, нѣтъ порабощенія одной силы другою. Это моментъ одной борьбы, слѣдствіе коей и результатъ—соединеніе свѣта и тяжести въ безразличное цѣлое, въ *вещество*. Огонь есть вещество въ производимости, вещество есть огонь въ произведеніи. Предѣлъ міра силъ и міра вещественнаго знаменуется огнемъ. Составляясь и разрушаясь, вещество горитъ. Горѣніе есть первообразъ всѣхъ процессовъ физическаго міра [1]).

Сжимательная сила, будучи увлечена изъ центра въ окружность, должна постоянно стремиться притти въ естественное положеніе—обратиться въ центръ; расширительная же, на-

---

[1]) Стр. 308.

оборотъ, влекомая къ центру, стремится постоянно къ окружности. Поэтому вещество, какъ взаимное ограниченіе обѣихъ силъ, могло явиться только въ двухъ противоположныхъ точкахъ пространства, въ центрѣ и въ окружности, въ центрѣ—единственнымъ, въ окружности—многоразличнымъ, какъ того требуетъ натура центра и окружности. Такова цѣлая вселенная, безчисленность солнечныхъ системъ, несмѣтное повтореніе одной и той же формы; такова наша солнечная система, гдѣ центръ—солнце, окружность—планеты [1]).

Тяжесть, отраженіе силы сжимательной, начало тьмы, сближаясь съ свѣтомъ, не могла не возмутить его первоначальной чистоты. Огонь—первая степень потемненія свѣта; его сгущеніе до вещества довершаетъ и его потемненіе. Явленіе вещественнаго міра въ пространствѣ (при чемъ масса вещества раздѣлилась на центральную и периферическую) должно было сопровождаться мракомъ. „Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю, земля же бѣ невидима и неустроена и тьма верьху бездны“.

Противоположное стремленіе основныхъ силъ (къ центру и къ окружности) не прекратилось и по раздѣленіи массы вещества. Поэтому вещество солнца есть сила расширительная, изъ окружности увлеченная въ центръ и тутъ задержанная силою сжимательною. Вещество планеты, наоборотъ, есть сила сжимательная, отторгнутая отъ центра къ окружности и здѣсь задержанная расширительной силой. Каждая не на своемъ мѣстѣ: вещество солнца стремится развиться въ окружность, а вещество планеты—сомкнуться въ центръ, и эта противоположность, безъ сомнѣнія, современна творенію. Солнце и планета относятся между собою, какъ противоположные полюсы міра. Взаимное полярное дѣйствіе обнаруживается въ солнцѣ—постояннымъ сіяніемъ (проявленіемъ расширительной силы); въ планетѣ—тяготѣніемъ (проявленіемъ сжимательной).

[1]) Стр. 309.

Свѣтъ, разсѣявшій мракъ хаоса, развился посему изъ центральнаго тѣла: имѣя источникомъ вещество, онъ не могъ быть совершенно чистымъ. Свѣтъ, коимъ озаряется и животворится природа, также развивается единственно изъ вещества и тоже потемненъ. Законы природы, какъ начертаніе Высочайшей премудрости, должны быть всесовершенны и непреложны отъ самой вѣчности.

Образованіе вещества и явленіе свѣта, немедленно за нимъ послѣдовавшее, принадлежатъ одной эпохѣ творенія. „И рече Богъ: да будетъ свѣтъ.—И бысть вечеръ и бысть утро, день единъ!“

Итакъ вещество есть свѣтъ, сгущенный и потемненный тяжестію при взаимномъ ихъ ограниченіи; самый же свѣтъ есть сила расширительная, а тяжесть—сила сжимательная [1]).

Прим. На стр. 211—213 I-ой части (II изд.) Павловъ излагаетъ теорію свѣта „нашего физика“ *Ломоносова*—по его „Слову о происхожденіи свѣта“ (1756 г.) и заключаетъ: „замѣчательно, что при всей грубости взглядовъ Ломоносовъ стремился къ полному объему предмета, чувствовалъ потребность открыть въ свѣтѣ не только причину видимости, но также причину цвѣтности и тепла, чего нѣтъ даже и въ теоріи *Декарта*. Вмѣстѣ съ симъ признаться надобно, что теорія Ломоносова по неосновательности своей и по связи съ Алхиміею не стоитъ опроверженія“ [2]).

[1]) Стр. 311.
[2]) Стр. 214.

Введеніе (ко II части).

Кругъ дѣйствія силъ міровыхъ необъятенъ: цѣлая вселенная; кругъ дѣйствія силъ планетныхъ ограниченъ: планета—капля въ океанѣ. Но перейти отъ общей физики къ частной вовсе не значитъ перейти отъ труднѣйшаго къ легчайшему. Тамъ, въ области общаго, дѣятельность природы еще на первой ступени развитія и обнаруживается во всей простотѣ. Таинственная природа облекла основныя свои силы (свѣтъ, тяжесть и огонь, т. е. вещество на степени производимости) еще тонкимъ покровомъ. Здѣсь, въ области частнаго, природа обнаруживаетъ болѣе сложную дѣятельность—на ступени дальнѣйшаго развитія. Правда, и здѣсь мы видимъ дѣйствіе тѣхъ же силъ расширительной и сжимательной въ ихъ борьбѣ: постоянное въ кругу планеты изчезаніе однихъ явленій и возникновеніе другихъ, какъ universalisatio—расширеніе, стремленіе слиться съ общимъ, и individualisatio—сжатіе, стремленіе обособиться. Но ближайшими дѣятелями, приводящими въ движеніе земное вещество, оказываются, съ одной стороны, электричество, магнитизмъ и гальванизмъ (*силы планетныя невещественныя*), съ другой (*силы планетныя вещественныя*) воздухъ, материкъ и вода—и совокупное ихъ дѣйствіе: *планетный процессъ*. Притомъ же въ дѣйствіи планетныхъ силъ участвуютъ и міровыя силы. *Частная* физика занимается рѣшеніемъ вопросовъ, суть ли планетныя силы—новыя произведенія или только видоизмѣненія основныхъ, міровыхъ силъ, какія каждая имѣетъ свойства, и по какимъ законамъ дѣйствуетъ. Сообразно троякому различію предмета, она подраздѣляется на три отдѣленія [1]).

---

[1]) Стр. 3—5.

Теорія силъ планетныхъ невещественныхъ.

Ученое преніе есть горнило истины; подъ защитою этого положенія Павловъ „подаетъ свой голосъ, подвергая его суду *благонамѣренныхъ* мыслителей“ [1]).

Вещество есть субстратъ всѣхъ дѣйствій природы и общее вмѣстилище всѣхъ ея дѣятелей; посему теорія вещества должна быть общею, основною, а всѣ прочія (въ естественныхъ наукахъ) должны быть ея слѣдствіемъ. Если вещество [2]) есть свѣтъ, потемненный тяжестью, или погасшій огонь, свѣтъ же—расширительная, тяжесть—сжимательная силы, огонь—совокупное дѣйствіе обѣихъ,—тогда все, что̀ есть въ веществѣ, и что̀ изъ него развивается, должно быть либо свѣтъ, либо тяжесть, либо огонь, видоизмѣненные, или въ настоящемъ видѣ своемъ; но видоизмѣненіе неотмѣнно носитъ печать первообраза. Вещество есть источникъ электричества, магнитизма и галванизма. Слѣдовательно, одна изъ этихъ силъ должна быть видоизмѣненіемъ свѣта, другая—тяжести, третья—огня. Основныя силы могутъ быть узнаны въ видоизмѣненіяхъ по отличительнымъ свойствамъ [3]).

---

[1]) Стр. 285, § 216. Ленцъ (ср. ниже, стр. 191 и слѣд.), вѣроятно, исключенъ изъ ихъ числа.

[2]) См. выше, стр. 178.

[3]) Стр. 286.

Первый синтезъ противоположностей (расширительной и сжимательной силъ въ видѣ свѣта и тяжести) въ мірѣ физическомъ есть огонь. Здѣсь нѣтъ еще полнаго порабощенія. Свойство расширительной силы, когда она является свѣтомъ,—средобѣжность, расширимость, расторгаемость, общность; свойство силы сжимательной, являющейся тяжестью,—средостремительность, сжимательность, ограниченность, особность; свойство огня—расторгаемость и ограниченность, вмѣстѣ и общность, и особность. Руководствуясь этими указателями, нельзя не признать въ электричествѣ свѣта, или силы расширительной, въ магнитизмѣ тяжести, или силы сжимательной, въ гальванизмѣ—огня, или силы расширительной и сжимательной въ совокупности, т. е. вмѣстѣ силы разрушительной и образовательной [1]).

Свѣтъ есть проявленіе силы разширительной, еще неограниченной; электричество есть тотъ же свѣтъ, стѣсненный въ предѣлахъ сильнѣйшаго ограниченія; отъ усилія расторгнуть узы дѣйствія его бурны и порывисты, какъ показываютъ опыты. Электричество свѣтитъ. Въ электричествѣ свѣтъ не содержится, и электричество не есть свѣтъ въ настоящемъ видѣ; но оно разрѣшается, переходитъ въ свѣтъ. Не явное ли это указаніе на его происхожденіе отъ свѣта? [2]).

Всѣ свойства тяжести [3]) отражаются и на магнитизмѣ. Опыты надъ магнитизмомъ въ большихъ высотахъ (на аэростатѣ) показываютъ, что раздѣленіе электричества и магнитизма въ кругу нашей планеты противоположно: первое возрастаетъ по мѣрѣ удаленія отъ центра, второй, напротивъ,—по мѣрѣ удаленія отъ окружности; тамъ развитіе (evolutio), здѣсь сомкнутость (involutio); тамъ средобѣжность, здѣсь средостремительность. Электричество и магнитизмъ противоположны, какъ

---

[1]) Стр. 288.

[2]) Стр. 289.

[3]) Ср. выше, стр. 176.

свѣтъ и тяжесть, какъ силы расширительная и сжимательная. А физики-механики воображаютъ себѣ, что они дѣлаютъ важный шагъ въ наукѣ, допуская тожество электричества и магнитизма [1]).

Галванизмъ, обнаруживаясь электричествомъ и магнитизмомъ (§ 206), какъ электро-магнитизмъ, есть видимое повтореніе первоначальнаго синтеза противоположностей. Дѣйствія сомкнутой галванической цѣпи показываютъ постоянное горѣніе, непрерывный химизмъ, видоизмѣненіе огня съ осязательными признаками своего первообраза [2]).

Итакъ—силами планетными невещественными проявляются силы міровыя на второй ступени своего ограниченія, а именно: электричествомъ—свѣтъ, магнитизмомъ—тяжесть, галванизмомъ—огонь или вещество въ производимости.

---

[1]) Стр. 290.

[2]) Стр. 291.

Теорія силъ планетныхъ вещественныхъ.

Вещество есть свѣтъ, сгущенный тяжестію,—при взаимномъ ихъ ограниченіи. Ограниченіе возможно лишь троякое: 1) ровное или 2) и 3) съ преобладаніемъ одного изъ обоихъ началъ. Въ одной изъ земныхъ стихій свѣтъ и тяжесть должны быть въ равновѣсіи, въ другой должно быть преобладаніе свѣта, въ третьей—преобладаніе тяжести. Обратимся къ дѣйствительности для повѣрки вывода съ самою природою. [1])

Планета, обитаемая нами, тройственна: ея составныя части—воздухъ, земля и вода. Тройственность ограниченія находится въ дѣйствительности. Съ перваго взгляда выводъ оправдывается. Пойдемъ далѣе.

Земныя стихіи вслѣдствіе основного начала должны быть видоизмѣненіями свѣта и тяжести въ сферѣ дѣйствительнаго ихъ ограниченія. Видоизмѣненія неотмѣнно носятъ на себѣ печать своихъ первообразовъ (ср. выше, стр. 182). Слѣдовательно, есть и аріаднина нить для выхода изъ предстоящаго лабиринта.

Отличительное свойство воздуха — саморасширяемость (§ 220), дѣйствіе—эксцентрическое давленіе (§ 226). Это—явные признаки господства силы расширительной. Отличительное свой-

---

[1]) Стр. 353, § 247

ство земли—самосжимаемость (§ 236), дѣйствіе—всасываніе веществъ постороннихъ (§ 240) съ уплотненіемъ и даже иногда съ отвердѣніемъ ихъ. Здѣсь видно преобладаніе силы сжимательной. Въ водѣ расширеніе и сжатіе уравновѣшены, какъ показываютъ ея капельность (§ 242), удободвижимость и способность растворять въ себѣ постороннія вещества (§ 246); здѣсь силы расширительная и сжимательная—въ равномъ ограниченіи [1]).

Земныя стихіи должны быть отпечатками своихъ первообразовъ. Воздухъ прозраченъ, земля темна, вода полупрозрачна: вотъ отношеніе стихій земныхъ къ свѣту. Воздухъ легче воды и земли, земля тяжелѣ воды и воздуха, вода по удѣльному вѣсу занимаетъ средину между воздухомъ и землей. Вотъ отношеніе ихъ къ тяжести! Прозрачность и легкость воздуха не служатъ ли указателями преобладанія въ немъ свѣта надъ тяжестью, непрозрачность и отмѣнная вѣсомость земли не обнаруживаетъ ли преобладанія въ ней тяжести надъ свѣтомъ? А вода при своей полупрозрачности и среднемъ удѣльномъ вѣсѣ не представляетъ ли равенства ограниченія въ ней свѣта и тяжести?

Такъ — земныя стихіи въ сущности своей подобны; ими проявляются тѣ же самыя міровыя силы: свѣтъ и тяжесть, только въ каждой особымъ образомъ ограниченныя. Воздухъ есть свѣтъ, сгущенный и потемненный тяжестью съ перевѣсомъ на сторонѣ перваго, такъ что сгущеніе его не перешло за предѣлы летучести, а потемненіе остановилось на прозрачности. Земля есть тяжесть, поработившая себѣ свѣтъ совершенно, такъ что сгущеніе его доведено въ ней до звонкости, а потемненіе до непрозрачности. Вода есть свѣтъ и тяжесть въ равномъ ограниченіи: это—погасшій огонь. Вода по отноше-

---

[1]) Стр. 354, 355.

нію къ плотности и прозрачности между воздухомъ и землею представляетъ средину. Вода и въ нашихъ лабораторіяхъ есть синтезъ началъ горѣнія: сожигающаго и сожигаемаго, кислорода и водорода. Пропустите сквозь смѣсь этихъ двухъ газовъ электрическую искру: смѣсь вспыхнетъ; и вы получите воду [1]).

Свѣтъ и тяжесть, будучи всегда вѣрны своей натурѣ, необходимо должны порываться перейти изъ столь принужденнаго состоянія (когда они проявляются земными стихіями) въ первобытное, свободное,—изъ области потемненія, отпаденія возвыситься до первообразовъ. Опытность и указываетъ намъ такія попытки: порывъ воздуха перейти въ свѣтъ (воздушное электричество), порывъ земли перейти въ тяжесть (земной магнитизмъ), порывъ воды перейти въ огонь—галванизмъ; океанъ есть всегдашняя сцена естественнаго галванизма (самоусловное образованіе солей въ моряхъ, самые ихъ приливы и отливы) [2]).

Здѣсь можно досказать о силахъ планетныхъ невещественныхъ то, что было бы непонятно въ ихъ теоріи. Потемненіе свѣта образованіемъ стихій земныхъ, и преимущественно, земли доведено до крайности. Въ дальнѣйшемъ развитіи природы видно ея усиліе отвлечься отъ вещества. Электричество, магнитизмъ и галванизмъ не составляютъ ступени при переходѣ свѣта, тяжести и огня въ вещество, но суть первая ступень отвлеченія. Явленіе ихъ въ составѣ планеты знаменуетъ возвратный шагъ природы, порывъ изъ глубины паденія проторгнуться къ свѣту. Остальное о природѣ отвлекающейся должна была сказать *органическая* физика, которая не вышла въ свѣтъ (см. выше, стр. 170).

---

[1]) Стр. 356.
[2]) Стр. 357

Теорія планетнаго процесса.

Воздухъ и земля во всѣхъ отношеніяхъ, слѣдовательно, и въ дѣйствіяхъ—противоположны. Два противоположныя дѣйствія обыкновенно теряются въ среднемъ. При взаимномъ дѣйствіи воздуха и земли сценою ихъ средняго дѣйствія должна быть вода, занимающая между ними средину [1]).

Что дѣйствуетъ, то имѣетъ способность дѣйствовать. Способность дѣйствовать называется дѣятельностью. Показатель напряженной дѣятельности воздуха—воздушное электричество, земли—земной магнитизмъ. Показатели также въ противоположности: когда одинъ возрастаетъ, другой слабѣетъ, и наоборотъ. Періодичность (§ 233) барометра совпадаетъ съ періодичностью воздушнаго электричества и магнитизма, съ первой согласуясь, послѣдней противополагаясь. Въ то время, какъ измѣняется дѣятельность воздуха и земли, измѣняется и состояніе атмосферы; когда возрастаетъ напряженность воздуха, должно увеличиться и его давленіе, зависящее отъ саморасширимости. Барометръ и воздушный электрометръ должны находиться въ соотношеніи. Вотъ динамическое объясненіе перемѣнъ барометра:

---

[1]) Стр. 364, §249.

онѣ знаменуютъ измѣненія въ напряженности воздуха, а не въ тяжести [1]).

Среднее, въ чемъ электричество и магнитизмъ теряются, есть галванизмъ. Посему среднее дѣйствіе противоположныхъ стихій земныхъ, воздуха и земли, должно ознаменоваться галванизмомъ, и сценою его должна быть вода (ср. выше, стр. 187).

Вольта, составляя галваническую цѣпь, не сотворилъ галванизма. Галванизмъ открытъ, не изобрѣтенъ, и какъ открытіе, а не изобрѣтеніе, долженъ быть въ природѣ. Гдѣ соединяются два возбудителя и одинъ проводникъ, тамъ долженъ имѣть мѣсто и галваническій процессъ. Планета, какъ совокупность воздуха, земли и воды, есть такое цѣлое: воздухъ и земля (какъ разнороднѣйшія тѣла)—возбудители, а вода—проводникъ. Слѣдовательно, планета есть галваническая цѣпь, устроенная самою природою, а цѣпь, составленная Вольтою,—случайная съ нея копія. При семъ и естественный галванизмъ необходимъ въ планетѣ. Другими словами, процессъ планетный есть процессъ галваническій [2]).

Образованіемъ планеты потемненіе свѣта доведено до крайности (§ 247). Тутъ только установилась взаимная напряженность между воздухомъ и землею, и произошло начало отвлеченія отъ вещества, т. е. начало галванизма планетнаго. Какъ порывъ земныхъ стихій перейти въ первообразы основанъ на самой натурѣ своей и долженъ быть постояненъ, такъ и галванизмъ планетный непрерывенъ. Дѣйствія сомкнутой галванической цѣпи: постоянное явленіе электричества и магнитизма, непрерывное окисленіе и раскисленіе, всегдашнее разрушеніе вещества стараго и образованіе новаго при развитіи теплоты, иногда теплоты и свѣта вмѣстѣ. Планета въ цѣлости такова:

---

[1]) Стр. 365.
[2]) Стр. 366.

совокупность ея явленій есть непрерывный химизмъ, постоянное горѣніе.

Горѣніе бываетъ двухъ родовъ: съ разрушеніемъ формы горящаго, и съ удержаніемъ ея. Послѣднее горѣніе есть жизненное. Таково горѣніе планеты. Производимость воздуха (§ 223), земли (§ 224) и воды (§ 243) суть признаки жизненности [1]).

Итакъ галванизмъ планетный есть явленіе жизни стихій земныхъ [2]).

Вотъ настоящая точка зрѣнія для разсматриванія явленій планетныхъ! Отсюда видно, почему механическія понятія о природѣ неорганической противорѣчатъ опытности.

---

[1]) Стр. 301. «Воздухъ при всегдашней измѣняемости его вещества остается постоянно одинаковымъ, разрушается и составляется. Свойство постоянно измѣняться и оставаться всегда тѣмъ же называю *производимостью*, свойство не только быть (esse), но и производиться (fieri)»....

[2]) Стр. 367.

Мы изложили теоретическія главы „Физики“ Павлова,— его же словами, не опустивши ни одной сколько-нибудь важной его натурфилософской мысли. Остается лишь отдать полную дань признанія блестящему стилю, выразительности языка, строгости и послѣдовательности проведенія. Словомъ, детальное изложеніе сочиненій Павлова какъ нельзя болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что похвалы, столь обильно расточаемыя ему, были вполнѣ заслужены. Съ логической и философской стороны сочиненіе Павлова безукоризненно, оставляя въ сторонѣ, разумѣется, общую точку зрѣнія, шеллингово направленіе, надъ которымъ исторія уже произнесла свой судъ.

Но здѣсь естественно нарождается другой вопросъ. Блестящая по замыслу и выполненію съ формально-логической стороны, удовлетворяла ли „Физика“ Павлова всѣмъ требованіямъ современнаго ей знанія? Передавалъ ли Павловъ своимъ слушателямъ „послѣднее слово науки“, и стоялъ ли онъ самъ въ изложеніи физическихъ явленій (независимо отъ объясняющей ихъ теоріи) на высотѣ тогдашнихъ знаній, выработанныхъ къ тому времени точною, экспериментальною наукою? Знакомъ ли былъ онъ съ результатами современной ему „опытности“ (эмпиріи) и не погрѣшалъ ли онъ противъ нея?

Благопріятный случай для рѣшенія этого вопроса представляетъ полемика Павлова (изъ-за „Физики“) съ *Ленцемъ*, однимъ изъ свѣтилъ экспериментальной науки. I томъ „Физики“ подвергся со стороны Ленца безпощадно-жестокой критикѣ. Принимая въ разсчетъ разницу общаго міровоззрѣнія

(Ленцъ—не шеллинговецъ, а механистъ), всетаки нельзя не признать, что Ленцъ разоблачилъ слабую сторону произведенія Павлова и недостаточность научной (физической) подготовки самого автора [1]). Мы подробно изложимъ эту любопытную полемику, хорошо рисующую какъ научное міровоззрѣніе, такъ и личности обоихъ противниковъ: Ленца, холодно-юмористическаго, спокойно-дѣловитаго и серьезнаго, Павлова, изворотливаго діалектика, знающаго слабыя стороны и свои, и чужія, раздражительнаго, смѣлаго, неумолимо-послѣдовательнаго и желчно-саркастическаго. За обнаруженные недочеты Павловъ съ лихвою заплатилъ Ленцу указаніемъ на ничтожность механическаго мірообъясненія, на философскую неподготовленность Ленца для рѣшенія общихъ вопросовъ,—поприща, гдѣ Павловъ, безспорно, очень силенъ.

Замѣтимъ, что Ленцъ помѣстилъ свою рецензію на „Физику“ Павлова въ *Dorpater Jahrbücher* für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Riga und Dorpat, II. Band, Zweites Heft, за 1834 г. отъ 26 янв. (ценз. разр. Дерптъ), XVIII, Physik (III. Selbstständige Kritiken und Anzeigen). Рецензія занимаетъ стр. 144—154 и посвящена еще „Физикѣ“ Перевощикова, кромѣ „Физики“ Павлова. Павлову собственно отведены стр. 144—150. О Перевощиковѣ отзывъ Ленца—снисходительный. Не таковъ отзывъ о Павловѣ. Считаемъ нелишнимъ предпослать изложенію—краткій біографическій очеркъ Ленца и перечислить его важнѣйшіе труды.

Павловъ отвѣчалъ въ „Телескопѣ“ за 1834 г., часть XX, отъ 2 марта 1834 г. „I. Письмо профессора Павлова къ издателю Телескопа по поводу рецензіи на его физику, помѣщенной въ дерптскихъ ученыхъ запискахъ,“ стр. 3—14. Датировано 25 февраля, Москва.

---

[1]) Повидимому, Герценъ (ср. выше, стр. 115) не былъ неправъ, полагая, что на лекціяхъ Павлова научиться *физикѣ* было «мудрено».

Полемика Павлова съ Ленцемъ.

Dr. phil. Heinrich Friedrich-Emil (Эмилій Христіановичъ) *Lenz* род. въ Дерптѣ 12 февр. 1804 г., умеръ въ Римѣ 29 янв. (10 февр.) 1865 г. Отъ 1823 до 1826 г. принималъ участіе въ качествѣ физика въ кругосвѣтномъ путешествіи Коцебу. Результаты научныхъ изслѣдованій этой экспедиціи напечатаны имъ въ Мемуарахъ СПБ. акад. наукъ (1831). Въ 1828 г. выбранъ адъюнктомъ академіи, а въ 1834 г. академикомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ состоялъ профессоромъ, а въ послѣдніе годы и ректоромъ С.-Пб. унив. Онъ преподавалъ также въ Главномъ педагогическомъ институтѣ и въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Лекціи его по физикѣ и физической географіи отличались замѣчательною ясностью и строгою систематичностью. Такими же качествами обладали его извѣстныя руководства физики (для гимназій) и физической географіи; оба учебника выдержали нѣсколько изданій; но первый изъ нихъ былъ особенно распространенъ. Блестяща и плодотворна была его научная дѣятельность. Въ исторіи физики научнымъ трудамъ его, по мнѣнію физика *Н. Гезехуса*, всегда будетъ отводиться почетное мѣсто. Многія его изслѣдованія относятся къ физической географіи (о температурѣ и солености моря, объ измѣнчивости уровня Каспійскаго моря, о барометрическомъ измѣреніи высотъ, объ измѣреніи земного магнитизма и др.). Но главныя его работы относятся въ обла-

сть электро- магнитизма. Важное значеніе этихъ работъ выяснено, между прочимъ, въ сочиненіяхъ *А. Савельева*: О трудахъ академика Ленца въ магнито-электричествѣ (С.-Пб., 1854) и *В. Лебединскаго*: Ленцъ, какъ одинъ изъ основателей науки объ электро-магнитизмѣ (журн. „Электричество“, 1895).

Главнѣйшіе результаты общепризнаны и вошли во всѣ учебники физики, а именно: 1) Законъ индукціи (законъ Ленца), по которому направленіе индукціоннаго тока всегда таково, что онъ препятствуетъ тому дѣйствію (напр., движенію), которымъ онъ вызывается (1833). 2) Законъ *Джоуля* и Ленца: Количество теплоты, выдѣляемое токомъ въ проводникѣ, пропорціонально квадрату силы тока и сопротивленію проводника (1844). 3) Опыты, подтверждающіе явленіе *Пельтье*: если пропускать гальваническій токъ чрезъ висмутовый и сюрьмяной стержни, спаянные концами и охлажденные до 0°, то можно заморозить воду, налитую въ ямку около спая (1838). 4) Опыты подъ поляризаціей электродовъ (1847) и т. д. Нѣкоторыя свои изслѣдованія Ленцъ производилъ вмѣстѣ съ *Парротомъ* (о сжатіи тѣла), *Савельевымъ* (о гальванической поляризаціи), *Л. Шренкомъ*, *К. Мейеромъ* и академикомъ *Якоби* (объ электромагнитахъ).

Важнѣйшими научными трудами его считаются:

Physikal. Beobachtungen, angestellt auf einer Reise um die Welt unter dem Commando des Capt. Kotzebu in den J. 1823—26 (Mém. acad. St.-Pétersb. Sér. VI, Vol. I, 1831).

Über d. veränderl. Höhe d. Casp. Meers bis 1830 (Ib. II, 1833).

Über d. Gesetze, nach welchen ein bewegter Magnet auf eine Spirale wirkt, wenn usw. (Ib. id.).

Über d. Leitungsfähigk. d. Metalle für Elektr. bei verschiedner Temperatur (Ib. id.).

Expériences de forte compression sur divers corps; съ Parrot (Ib. id.).

Über d. opt. Verhalt. d. weissen Naphtha von Baku (Ib. III, 1838).

Beobb. d. magnet. Inclinat. u. Intensit. auf einer Reise um d. Welt von Capt. Lütke (Ib. id.).

Über d. Gesetze d. Elektricitätsleit. in Drähten von verschiedn. Länge u. Dicke (Ib. id.).

Barometrische Höhenmessungen im Kaukasus; mit C. Meyer (Bullet. scientif. de l'Acad. de St.-Pétersb. I, 1836).

Über d. sogenannte Stationen-Nivellement mittelst d. Barometers (Ib. id.).

Über einige Puncte aus d. Lehre d. Galvanismus (Ib. id).

Über d. Verhalten d. Kupfervitriollösung in d. galvan. Kette (Ib. II, 1837).

Über einige Versuche im Gebiete d. Galvanismus (Ib. III, 1838).

Über d. Gesetze d. Electromagnete; mit M. H. Jacobi (Ib. IV, 1838 и V, 1839).

Über eine Erscheinung, beobachtet an einer grossen Wollaston'schen Batterie (Ib. V. 1839).

Über d. Anziehung d. Electromagnete; mit M. H. Jacobi (Ib. id.).

Über d. Eigenschaft d. magnetoelektrischen Ströme (Ib. VI, 1840).

Beitrag zur Theorie d. magnetischen Maschinen (Ib. IX, 1842).

Beschreib. eines sich selbst registrirenden Fluthmessers usw. (Bull. physico-math. de l'acad. de St.-Pétersb. I, 1843).

Über d. Gesetze d. Wärme-Entwicklung durch d. galvan. Strom (Ib. id. u. II, 1844).

Über d. Gesetze d. Electromagnete; mit M. H. Jacobi (Ib. II, 1844).

Über d. Stärke d. Ströme in einem Systeme neben einander verbundener galvanischer Ketten (Ib. III, 1845).

Über d. galvanische Polarisation u. elektromotorische Kraft in Hydroketten, mit Saweljew (Ib. V, 1847).

Über d. Temperatur d. Weltmeers (Ib. id).

Über d. Einfluss d. Geschwindigkeit d. Drehens auf den durch magneto-elektr. Maschinen erzeugten Inductionsstrom (Ib. VII, 1849; XII, 1854 и XVI, 1858).

Beitrag z. Bestimm. d. in St.-Petersburg verdunsteten Wassermenge (Ib. IX, 1851).

Über d. Leitung d. galvan. Stroms durch Flüssigkeiten, wenn d. Querschnitt derselben verschieden ist von dem der in sie getauchten Electroden (Ib. X, 1852).

Über d. Gebrauch d. Fahrenheit'schen Aräometers zur Bestimm. d. Salzgehalts vom Meerwasser (Ib. XV, 1857).

Über d. Bewegungen d. Balkens einer Drehwaage, wenn ihm andere Körper von verschiedn. Temp. genähert werden (Pogg. Ann. XXV, 1832).

Über d. Bestimm. d. Richtung d. durch electrodynamische Vertheilung erregt. galvan. Ströme (Ib. XXXI, 1834).

Über d. Gesetze, nach welchen der Magnet auf eine Spirale einwirkt, wenn er ihr plötzlich genähert oder von ihr entfernt wird usw. (Ib. XXXIV, 1835).

Эмилій Ленцъ сотрудничалъ еще въ:

Erman, Arch. Russ. Resultate d. Expedition nach Khorassan, 6 p. (18, 1859).

Pogg. Ann. Phys.: Temperat. u. Salzgehalt d. Wassers in verschied. Tiefen des Weltmeeres, 57 p. (20, 1830).

Elektr. Leitungsfähigkeit v. Au, Pb, Sn bei verschied. Temper., 15 p. (45, 1838).

D° d. menschl Körpers, 11 p. (56, 1842).

St-Pétersb. Ac. sc. Bull.: Stündl. Temperat.-Aender. d. Luft et d. Oberfl. d. Meeres in d. Tropen, 16 p. (1, 1860).

Die magnet. Expedit. zur Insel Jussary. 3 p. (2, id.).

Meteorol. Beob. 1853—54 auf d. Atlantischen u. Grossen Ocean (mit L. v. Schrenck), 22 p. (4, 1862).

D°, angestellt 1847—49 v. Ed. Lenz, 26 p. (5, 1863).

Neues Anemometer, 7 p. (6, id.).

Mem.: Ueber Ventilation in unsern Klimaten (6, 1863) [1]).

[1]) Ср. Biographisch-literärisches Handwörterbuch der exacten Wissenschaften von J. C. Poggendorff, I. Band. Lpz., 1863, pp. 1424 и 1425 и новую серію, III. Band, I. Abtheilung, Lpz., 1898, p. 795.

Переходимъ къ изложенію рецензіи Ленца на „Физики“ Павлова и Перевощикова.

Оба сочиненія принадлежатъ профессорамъ Московскаго Университета, начинаетъ Ленцъ, но совершенно различны по плану и по тенденціи. „Физика“ Павлова должна представить собою *новую систему*, изъявляющую притязанія во что бы то ни стало на оригинальность. Задача „Физики“ Перевощикова скромнѣе: она желаетъ сопоставить важнѣйшіе феномены и теоріи, не исключая новѣйшихъ,—въ видѣ *хорошей* компиляціи. Сообразно этимъ назначеніямъ и нужно оцѣнивать каждую книгу. И тѣмъ добросовѣстнѣе надобно приступить къ дѣлу, что на русскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ еще университетскаго учебника, который удовлетворялъ бы современнымъ требованіямъ науки, нѣтъ даже перевода хорошаго заграничнаго подходящаго сочиненія [1]).

Павловъ желаетъ опредѣлить, что̀ собственно относится къ физикѣ въ строгомъ смыслѣ, и что́ надобно исключить изъ этой области. Признавая за такимъ очищеніемъ учебниковъ физики нѣкоторую долю истины, нужно, однако, различать двѣ точки зрѣнія: имѣть ли въ виду учебникъ физики самъ по себѣ, или же руководство при преподаваніи физическихъ лекцій въ университетахъ [2])? Послѣднему приходится приспособляться къ существующимъ учебнымъ планамъ и принимать въ себя

---

[1]) Стр. 145.

[2]) Стр. 146.

простѣйшія положенія статики, механики и даже химіи. Порицаніе Павлова относится, значитъ, къ первой категоріи учебниковъ физики, и нельзя не присоединиться къ нему въ желаніи удалить оттуда чистую динамику и химію, но только не акустику. Если бы онъ былъ правъ, то приверженцы вибраціонной теоріи свѣта оказались бы въ ужасной альтернативѣ. [1])

Имъ пришлось бы либо промѣнять свое убѣжденіе на другое, менѣе ихъ удовлетворяющее, либо выбросить изъ физики одинъ изъ прекраснѣйшихъ отдѣловъ. Вѣдь если (по Павлову) физикѣ чужды вибраціи воздуха, то же самое относится и къ вибраціямъ эфира; а если бы удалось свести и теорію теплоты на вибраціонную гипотезу, то ее также пришлось бы удалить изъ физики: въ концѣ концовъ мы оказались бы при физикѣ безъ вещества (ohne Stoff); а что всего хуже, [2]) наши первые физики работаютъ надъ тѣмъ, чтобы опустошить свою науку (auszuleeren). Очевидно, что высшею ступенью физической теоріи было бы вывести по математико-механическимъ законамъ изъ одного общаго закона всѣ явленія. Но вмѣстѣ съ этимъ такая теорія (по Павлову) перестала бы принадлежать физикѣ и попала бы въ механику.

Подобное противорѣчіе возникаетъ только благодаря ошибочному воззрѣнію нашего автора на сущность физики.

Въ *неорганической* природѣ все einmal свершается по *механическимъ* законамъ: значитъ, механика, какъ чистое ученіе о движеніи и равновѣсіи, содержитъ и законы для каждаго особеннаго случая. Такъ она содержитъ общіе законы вибрацій эластической жидкости; но примѣненіе ихъ къ вибраціямъ воздуха и особымъ явленіямъ, при этомъ возникающимъ, и *сравненіе теоріи съ опытомъ*, все это относится въ физику, и даже есть ея настоящее дѣло (ihr eigentliches Wesen). Итакъ, по нашему

---

[1]) Стр. 144.

[2]) Иронія Ленца.

мнѣнію, физика, подобно астрономіи, есть прикладная механика и должна рѣшать 3 задачи: 1) Изслѣдованіе явленія, 2) Комбинированіе его въ общій законъ, и 3) какбы провѣрка задачи (Probe des Exempels), построеніе отдѣльныхъ явленій изъ общаго закона.

Что касается, наконецъ, оптики, то я вовсе не знаю, чтобы она въ учебникахъ физики разсматривалась, какъ ученіе о зрѣніи (Lehre vom Sehen); она бываетъ здѣсь всегда лишь ученіемъ о свѣтѣ. [1]) Глазъ вплоть до сѣтчатки можно считать оптическимъ инструментомъ. Физика съ основаніемъ прослѣживаетъ свѣтовой лучъ до сѣтчатки, а тамъ передаетъ его—физіологіи. Нападки Павлова относятся лишь къ употребленію слова „оптика“ въ несобственномъ смыслѣ.

О причинахъ раздѣленія Павловымъ своей физики на три части мы ничего не знаемъ. Что касается подраздѣленій первой части (космическихъ явленій), о свѣтѣ, тяжести и веществѣ, то, слѣдуя обычаю, Павловъ сначала описываетъ феномены, а потомъ уже переходитъ къ теоріямъ. Не нарушается ли тѣмъ сдѣланное авторомъ различеніе физики отъ феноменологіи? Но останавливаясь на описаніи явленій, мы должны признаться, что мы не можемъ припомнить, видѣли ли мы гдѣ бы то ни было это основаніе физики обработаннымъ поверхностнѣе, даже столь по ученически, чѣмъ здѣсь. Здѣсь все кишитъ ошибками, которыя черезчуръ ясно показываютъ, что авторъ въ высшей степени неосвѣдомленъ (unbewandert) въ двухъ существенныхъ пунктахъ, въ экспериментированіи и въ математикѣ. Не стóитъ слѣдить за авторомъ шагъ за шагомъ: достаточно привести лишь нѣсколько положеній, которыя совершенно (nur zu sehr) оправдываютъ наше сужденіе, кажущееся суровымъ (hart):

---

[1]) Стр. 147.

На стр. 88 дается ложное понятіе о дивергенціи [1]): „лучи расходящіеся, сближаясь въ преломляющей средѣ, напр., въ стеклѣ, выдутъ изъ онаго *менѣе расходящимися*“ (weniger divergirend). Дивергенція, опредѣляемая линь угломъ между лучами, остается тою же самой, только лучи дивергируютъ изъ точки, ближе лежащей къ стеклу, чѣмъ прежде.

На стр. 91 относительно преломленія свѣта въ сферическихъ выпуклыхъ линзахъ [2]): „Очевидно, что параллельные къ оси лучи, и къ ней ближайшіе, пересѣкутъ ее ближе F, удаленнѣйшіе далѣе, такъ что фокусъ не можетъ быть въ одной точкѣ, но по мѣрѣ большей или меньшей поверхности SS, то далѣе, то ближе“. То, что̀ совсѣмъ невѣрно (grundfalsch), то называется очевиднымъ! при этомъ нигдѣ не сказано, что̀ же такое ось линзы; да и преломленіе разсматривается только вѣдь на одной первой поверхности.

На стр. 94 и 97 рѣчь идетъ о двойномъ преломленіи. Правильно сказано, что оптическая ось въ исландскомъ шпатѣ (Doppelspath) есть линія, соединяющая вершины обоихъ тупыхъ угловъ ромбоида [3]). Но тутъ же на фигурѣ (17-ой) оптическая ось изображается, какъ соединительная линія между тупыми углами *основанія*; отсюда видно, что и прежде Павловъ имѣлъ въ виду не *тѣлесные* тупые углы, а углы на

---

[1]) § 18. Преломленіе свѣта въ стеклахъ плоскихъ, 3-е. Лучи расходящіеся. Во второмъ изданіи это стр. 90; «менѣе расходящимися» замѣнено «менѣе удаленными одинъ отъ другого». Также измѣненъ конецъ. Вмѣсто: «При переходѣ изъ среды м е н ѣ е преломляющей въ среду болѣе преломляющую явленіе будетъ обратное» стоитъ: «При переходѣ изъ среды б о л ѣ е преломляющей въ среду менѣе преломляющую» etc.

[2]) § 19—Преломленіе свѣта въ стеклахъ сферическихъ. Во II-мъ изд. стр. 92 это мѣсто измѣнено: «Очевидно, что параллельные къ оси лучи, и къ ней ближайшіе, пересѣкутъ ее *далѣе* F, удаленнѣйшіе—*ближе* etc

[3]) Стр. 93. § 21. Оптическая ось Во II изд. стр. 95—96. Чертежъ 17-й на II таблицѣ (при I части) оставленъ безъ измѣненія.

поверхности одного изъ боковъ (Seitenfläche).—„Подъ именемъ главнаго сѣченія разумѣется плоскость, проведенная въ направленіи оси кристалла перпендикулярно къ какому либо изъ его боковъ.... Само собою разумѣется, что въ исландскомъ шпатѣ и въ другихъ кристаллахъ можетъ быть не одно такое сѣченіе, а два и болѣе, смотря по числу боковъ“ [1]) (т. е. *шесть*)! Можно ли въ виду столь смутныхъ понятій предположить, чтобы авторъ когда-либо произвелъ этотъ опытъ съ сознательнымъ пониманіемъ (mit Bedacht)?

На стр. 132 описаніе ньютоновыхъ колецъ начинается такъ: „Въ тонкихъ пластинкахъ, коихъ поверхности не параллельны, свѣтъ также представляется цвѣтнымъ, напр.. въ слюдѣ“: (Licht erzeuge Farben... z. B. in Glimmerplättchen) [2]). Заключеніе очень коротко: „Очевидно, что оцвѣченіе въ семъ случаѣ (Farbenringe) зависитъ отъ преломленія свѣта въ стеклѣ выпукломъ“ (im obenliegenden Convexglase) [3]). Когда авторъ утверждаетъ что-либо очень ошибочное, то, повидимому, всегда пользуется словомъ „очевидно“ или т. п.

На стр. 135 однообразная окраска тонкихъ кристаллованныхъ пластинокъ между зеркалами поляризаціоннаго инструмента происходитъ, по мнѣнію Павлова, когда ихъ параллельныя плоскости обрѣзаны (geschnitten) перпендикулярно къ оптической оси [4]). Но за этимъ указывается пра-

---

[1]) Стр. 97, § 22. Направленіе преломленныхъ лучей въ кристаллахъ съ одною и двумя оптическими осями. Во II изд. стр. 98 и 99 мѣсто оставлено безъ измѣненія.

[2]) Стр. 131, 132. § 33. Преломленіе въ тонкихъ пластинкахъ. Во II-мъ изд.—стр. 134—безъ измѣненія.

[3]) Стр. 134—тотъ же §. Во II изд.—стр. 136, 137—безъ измѣненія.

[4]) Стр. 135. § 34. «Въ отверстіе діафрагмы вставляется тонкая кристаллованная пластинка, прозрачная и безцвѣтная, къ оси перпендикулярная. Если будемъ на нее смотрѣть сквозь упомянутую удвояющую призму, то она

вильно, что тогда возникаютъ цвѣтныя кольца. Если авторъ не зналъ, какъ обстоитъ дѣло, то, по крайней мѣрѣ, онъ могъ бы догадаться, что этого не можетъ быть на два манера (auf zweierlei Weise) сразу.

Еще одинъ примѣръ, болѣе, чѣмъ достаточный, чтобы отказать автору въ какихъ бы то ни было математическихъ познаніяхъ.

На стр. 220 приводится, какъ данное изъ опыта, извѣстное положеніе, что пройденныя разстоянія при свободномъ паденіи отъ начала движенія относятся, какъ квадраты временъ; далѣе авторъ прибавляетъ: „Изъ сего открывается само собою, что тяжесть, какъ причина паденія, есть сила центростремительная, постоянно возрастающая по мѣрѣ приближенія къ центру земли, а именно: въ содержаніи (im Verhältniss) квадратовъ уменьшающихся разстояній (должно бы: въ обратной пропорціи квадратовъ разстояній), или въ содержаніи пространствъ, пробѣгаемыхъ падающимъ тѣломъ“ [1])! Еще одно „открывается“ въ смыслѣ автора! Какъ извѣстно, законъ пропорціональности пространствъ и квадратовъ временъ получается по механикѣ изъ допустимаго здѣсь предположенія о *равномѣрно-ускоренномъ движеніи*, авторъ же, наоборотъ, изъ него выводитъ условіе для *неравномѣрно-ускореннаго*!

Я не хочу продолжать изложенія этихъ фантазій и поставлю автору лишь одинъ вопросъ. Онъ отвергаетъ эмиссіонную и ундулаціонную теоріи свѣта,—потому что первая не объясняетъ *одного* феномена интерференціи, а вторая—опять-таки

будучи освѣщена (стр. 136) лучемъ поляризованнымъ, представится вся цвѣтною».... Стр. 137. «Въ удвояющихъ кристаллахъ съ одною и съ двумя осями поляризованные лучи превращаются въ *цвѣтныя кольца особаго рода*». II изд. стр. 138 и 139—безъ измѣненія.

[1]) § 66. Законъ тяжести. Во II изд., стр. 227 конецъ фразы, со словъ: «а именно» совсѣмъ опущенъ, какъ и начальное слово «Понятно» слѣдующей фразы:.... «къ центру земли. Въ противномъ случаѣ».... etc.

одного: произведенія теплоты. Съ какимъ же правомъ онъ самъ можетъ требовать отъ насъ, своихъ читателей, чтобы мы присоединились къ его теоріи, которая не объясняетъ ни *одного* изо всѣхъ явленій и даже не заботится о томъ! Въ такомъ случаѣ къ чему же вообще авторъ излагалъ явленія преломленія, отраженія, поляризаціи и т. д.?

Итакъ нельзя не признать сочиненія г. Павлова совершенно нестоящимъ вниманія. Если бы оно имѣло цѣлію только изобразить новую систему автора, то ничего нельзя бы и возразить противъ его появленія, потому что всякій волент писать и полагать о научныхъ предметахъ, что̀ ему угодно. Но если это твореніе должно служить руководствомъ, то можно лишь пожалѣть слушателей, которыхъ въ тѣ годы, когда надобно обогащать свой умъ, преимущественно, солидными знаніями, а не фантастическими теоріями, принуждаютъ довольствоваться несовершенными опытами и невѣрными объясненіями и даже наконецъ оставить и это немногое положительное, чтобы окончательно потеряться въ безосновательныхъ (bodenlosen) фантазіяхъ автора [1]).

Павловъ начинаетъ свое письмо заявленіемъ, что онъ не можетъ удовлетворить вызову издателя „Телескопа“ (Н. Надеждина) отвѣчать на рецензію Ленца [2])—по нѣкоторымъ причинамъ. Главнѣйшая изъ нихъ—та, что рецензія написана противъ всѣхъ правилъ ученой критики. „Представлю доказательства“.

---

[1]) Стр. 150.

[2]) Стр. 3.

Самое непріятное для Павлова было, разумѣется, слѣдующее: Если бы кто приватно спросилъ Ленца, онъ могъ бы отвѣчать, что̀ ему угодно, но „въ рецензіи, помѣщаемой въ ученомъ *нѣмецкомъ* журналѣ для передачи *Европѣ* ученыхъ о *Россіи* извѣстій, поступить надлежало основательнѣе, если уже не изъ уваженія къ *чести Русскаго имени*, то изъ вниманія къ иностранцамъ: на что имъ превратныя о *Россіи* понятія? Въ дѣлѣ наукъ цѣль—истина; средства—мышленіе; правила—законы мышленія; здѣсь произволъ есть *преступленіе*“. Такъ Павловъ связываетъ свою „Физику“ съ честью Россіи и обвиняетъ Ленца въ недостаткѣ русскаго патріотизма [1]).

Павловъ аппелируетъ къ публикѣ. „Пристрастный судъ, какъ *ложь*, не въ состояніи ни унизить, ни возвысить сочиненія; настоящая цѣна его опредѣляется *общимъ мнѣніемъ*, *независимо* отъ рецензій“. Гдѣ Ленцу судить о „Физикѣ“! „Г. Ленцъ, имѣя понятія о природѣ, діаметрально противоположныя моимъ, *въ состояніи ли* даже *понять* настоящимъ образомъ *мои* виды въ физикѣ и особенно при такой *не логической* настроенности ума, какая открыта въ немъ выше“ [2]).

„Прибавьте къ сказанному неприличный тонъ, въ какомъ написана рецензія, и вы согласитесь сами, что на нее отвѣчать не должно“. Если же *другіе*, *какихъ не мало*, могутъ мое молчаніе счесть за подобострастное сознаніе, то это письмо можетъ служить нѣкоторымъ образомъ вмѣсто отвѣта.

Что касается существа дѣла, то Павловъ старается разбить Ленца на общей натурфилософской теоріи, не переходя на явленія. Ленцъ, не опровергая посылокъ, изъ которыхъ выведено опредѣленіе физики, называетъ взглядъ Павлова ошибочнымъ (S. 146) [3]). Такъ ли пишутся ученыя рецензіи?

---

[1]) Стр. 12.
[2]) Стр. 14.
[3]) Стр. 4.

Зато Павловъ разбираетъ соритъ Ленца относительно задачъ физики (ср. выше, стр. 200).

Ложно начало Ленца, будто бы все въ неорганической природѣ происходитъ по механическимъ законамъ. „Надѣюсь, что Ленцъ *силою воли своей* не въ состояніи исключить изъ неорганической природы [1]) химическій процессъ, лежащій въ основѣ растительнаго (какъ и растительный лежитъ въ основѣ животнаго). Ктожъ скажетъ, что химическій процессъ происходитъ по механическимъ законамъ? А если онъ есть механическій, то такимъ же будетъ и растительный,—и животное тѣло есть машина; тогда..... Но довольно и указанныхъ нелѣпостей".

Изъ этого положенія ни мало не слѣдуетъ (also), что механика содержитъ законы сотрясеній эластической жидкости. Если и сказать, что все въ неорганической природѣ происходитъ по химическимъ законамъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чѣмъ должна быть химія. Выводъ Ленца можно приравнять baculus stat in angulo; *ergo* pluit. Союзъ *also*, равно какъ и *ergo* не не въ состояніи связать то, что̀ не соединимо. Кто бы могъ подумать, что рѣшившись разгромить сочиненіе Павлова, Ленцъ въ нѣсколькихъ строкахъ выскажетъ столько разительной непослѣдовательности! Что, если онъ рѣшится самъ написать цѣлую физику? [2]) Ленцъ ничѣмъ не рѣшаетъ вопроса о содержаніи физики. Изъ сего то нерѣшеннаго вопроса онъ заключаетъ (also), что физика есть прикладная механика. „*Очевидно*" [3]), что между частями сорита Ленца нѣтъ силлогистической

---

[1]) Стр. 5.

[2]) Стр. 6. Здѣсь Павловъ не то грозитъ Ленцу своею критикою на его будущее руководство, не то кидаетъ намекъ, что Ленцъ громитъ его «Физику» ради устраненія возможной конкурренціи.

[3]) Павловъ имѣетъ въ виду насмѣшку Ленца надъ его пристрастіемъ къ этому слову (ср. выше, стр. 202).

связи. Чтожъ послѣ этого значитъ also г. Ленца? Частица, которою онъ имѣетъ привычку начинать свою рѣчь[1]).

Разбирая задачи физики (по Ленцу), Павловъ замѣчаетъ, что за первою (изслѣдованіе явленій) Ленцъ утвердилъ мѣсто въ физикѣ только своимъ произволомъ. Что касается второй (приведеніе явленій къ одному общему закону), то какія же явленія намѣренъ г. Ленцъ въ *своей* физикѣ приводить къ общему закону? Всѣ безъ исключенія? Но если физика—механика, то какъ же подводить къ одному общему механическому закону явленія и механическія, и жизненныя? „Жизнь подводить подъ законъ мертваго механизма“! въ справедливомъ негодованіи восклицаетъ Павловъ. Чтожъ тогда мы, сознающіе въ себѣ жизнь? Машины? И Ленцъ, позволяющій себѣ такія начала съ нелѣпыми слѣдствіями, ни съ того, ни съ другого называетъ фантазіями противоположныя имъ мысли? Нѣтъ! Такой способъ *рѣшать участь сочиненій* слишкомъ далекъ отъ способа ученаго. Слова о фантазіяхъ [2]) лучше примѣнить къ его же механическимъ понятіямъ о природѣ. Третья задача (проба примѣра) есть обратный случай второй. Посему объ ней то же сказать должно, что́ сказано о той, только обратно: какъ изъ закона механическаго вывести явленіе жизни? Мысль смущается при вопросахъ, возникающихъ изъ началъ Ленца. Итакъ всѣ три задачи, какъ доказано, изъ физики исключаются. Чтожъ безъ нихъ будетъ механика, возведенная во вторую степень, т. е. физика Ленца? Пустота, образъ безъ содержанія! Тутъ у мѣста повторить слова Ленца объ опустошеніи физики [3]). Предпріятіе важно и увѣнчано блистательнымъ успѣхомъ [4]).

---

[1]) Стр. 7.

[2]) Ср. выше, стр. 203, 204.

[3]) См. выше, стр. 198, 199.

[4]) Стр. 7—9.

Я утверждаю, говоритъ Павловъ, что теорія вещества должна быть началомъ для всѣхъ физическихъ теорій, которыя должны быть слѣдствіями первой. Недостатокъ физики (даже Пулье, которую Ленцъ называетъ классическою)—смѣсь разнородныхъ гипотезъ. Я стремлюсь къ единству теоріи. Физиковъ раздѣляютъ двѣ системы: 1) атомическая или механическая и 2) динамическая. Вотъ распутіе, на которомъ Ленцъ никакъ не можетъ со мною сойтись. Но если новѣйшія времена, какъ просвѣщеннѣйшія, съ гордостью приписываютъ себѣ честь терпимости вѣръ, то можетъ ли быть опорочена въ наукахъ терпимость системъ? Ленцъ, будучи поборникомъ механической системы, динамическую безъ всякихъ доказательствъ просто называетъ фантазіею. Въ такомъ случаѣ эфиръ есть фантазія высшей степени: ибо существованіе его не доказано, а теорія его сотрясеній (играющихъ такую роль въ механическихъ физикахъ) развита со всею математическою роскошью. Между тѣмъ дѣйствія силъ расширительной и сжимательной до того всюду ощутительны, что самые физики-механики ихъ нерѣдко повторяютъ [1]).

Вопросъ о превосходствѣ той или другой системы есть вопросъ академическій. Но Ленцъ и приступить къ нему не сдѣлалъ попытки. „Общія свойства тѣлъ“ въ всѣхъ Физикахъ есть статья, похожая на рецензію Ленца, гдѣ безсвязица, укоръ ученыхъ, выказывается въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ. Я привелъ ихъ къ единству начала. Ленцъ не упомянулъ даже объ этой статьѣ (которая одна должна бы обратить вниманіе *ученаго* критика). Почему же такъ, если бы онъ хотѣлъ дать о моей Физикѣ настоящее понятіе? Общая физика моя есть одно цѣлое, связанное одною мыслію. Чтобы все ниспровергнуть однимъ ударомъ, надобно было бы либо опровергнуть начала,

---

[1]) Стр. 11,

либо доказать неправильность выводовъ, а не обзывать фантазіями. Прежде чѣмъ хотѣть [1]) или не хотѣть заниматься фантазіями, слѣдовало доказать, что это точно фантазіи въ его смыслѣ, а не дѣло. Въ ученомъ мірѣ нѣтъ еще пока закона признавать за фантазіи то, что противно механическимъ понятіямъ г. Ленца. Если наоборотъ понятія Ленца о природѣ—фантазія, а моя теорія дѣло, тогда чѣмъ можетъ оправдаться Ленцъ, произнесшій столь рѣшительный приговоръ?... Видите, какъ устроенъ оптическій уголъ, подъ которымъ Ленцъ заблагоразсудилъ показать мою Физику, стремясь неуклонно къ своей цѣли, показать, что мое сочиненіе „не заслуживаетъ никакого вниманія“ [2]).

На поприщѣ логики и философіи не Ленцу, конечно, было справиться съ мощнымъ діалектикомъ Павловымъ. Поэтому Павловъ и ведетъ всю полемику на почвѣ общихъ разсужденій. Но какъ же дѣло обстоитъ съ изложеніемъ физическихъ явленій, гдѣ опытное око Ленца замѣтило крупныя ошибки, которыя самъ Павловъ, какъ мы видѣли (стр. 200—203, прим.), исправилъ въ перепечаткѣ перваго тома? Вѣдь онъ самъ говоритъ: „свѣденія, составляющія содержаніе физики, остаются тѣ же; но взглядъ на факты, представленные въ содержаніи науки, я сдѣлалъ другой, а именно, динамическій“ [3]). Вѣдь и для динамиста обязательно излагать факты явленій точно.

Но даже здѣсь, гдѣ Павлову приходилось безусловно сложить оружіе передъ своимъ противникомъ, знаменитымъ экспериментаторомъ, и признавъ свои ошибки, покаяться, Павловъ не сдается, а говоритъ слѣдующимъ тономъ:

„Что же касается до указаній **будто бы** на ошибки, то онѣ не стоятъ опроверженій, ибо состоятъ частію изъ мелочныхъ придирокъ къ выраженіямъ, которымъ Ленцъ даетъ

---

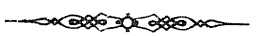
[1]) См выше, стр. 203.

[2]) Стр. 11—13.

[3]) Стр. 10.

произвольно свое значеніе (напр., расходимости свѣта), несообразное общепринятому, частію изъ несправедливыхъ упрековъ въ пропускахъ того, что̀ дѣйствительно есть, только не въ томъ мѣстѣ: или страницею выше (стр. 89), или нѣсколькими строками ниже (стр. 211). Казалось бы Г. Ленцъ долженъ былъ (объ оси сферическихъ стеколъ) читать съ начала, (а касательно закона тяжести)—дочитать до конца“ [1]). Свои ошибки Павловъ замалчиваетъ. Изъ 11 страницъ всего письма этому (самому важному пункту) отведено лишь $^1/_2$ страницы.

Нѣкоторое отношеніе къ этой полемикѣ имѣетъ, несомнѣнно, предисловіе Павлова ко второй части его „Физики“.



[1]) Стр. 13.

Это предисловіе (отъ 28 іюня 1836 г., Москва) высказываетъ мысль автора, „осуществленія которой онъ всегда желалъ“: въ наукахъ естественныхъ, какъ спискахъ гармоническаго цѣлаго, природы, должно быть единство начала. „Въ моей физикѣ“ это осуществляется; въ обѣихъ частяхъ развивается одно начало. Согласіе выводовъ съ явленіями въ цѣлой природѣ неорганической ручается за успѣхъ и въ изслѣдованіи природы органической. Въ современныхъ физикахъ по *господству въ нихъ понятій механическихъ* нѣтъ ни единства начала, ни даже плана науки [1]). Посему „моя физика“, выставляющая на видъ и то, и другое, сама развиваясь въ новой формѣ по началамъ динамическимъ, *не могла не оскорбить самолюбія нѣкоторыхъ ученыхъ* [2]). Но мелочное въ сторону!

Физика механическая и динамическая изучаютъ одинъ предметъ: причины естественныхъ явленій. Назвать ли эти причины свойствами тѣлъ или дѣятелями, силами природы,—слова не дѣлаютъ различія. Факты составляютъ общее достояніе обѣихъ физикъ [3]), а приложеніе математическаго анализа возможно въ динамической физикѣ не меньше, чѣмъ въ механической. Все различіе въ теоріяхъ, въ понятіяхъ о фактахъ.

Теоріи механическія на каждомъ шагу противорѣчатъ природѣ, а динамическія все болѣе и болѣе оправдываются явленіями. Чего же держаться физику *мыслящему*?

---

[1]) Ср. выше, стр. 171 и 208.

[2]) Повидимому, намекъ на Ленца.

[3]) Ср. выше, стр. 209.

Произволъ тутъ не у мѣста; въ немъ ищетъ опоры одна *посредственность* [1]). Истинная любознательность требуетъ убѣжденія. Докажите, что начала физики механической вѣрнѣе началъ динамической; послѣдняя падетъ сама собою. А если динамическая физика основательнѣе, то ничто не воспрепятствуетъ ея торжеству! Сродство между умомъ и истиною—не мечта!

Ленцъ въ своей критикѣ выразилъ сожалѣніе (см. выше, стр. 204), что слушатели Павлова принуждены довольствоваться неточными свѣденіями. Допустимъ, что въ лекціяхъ Павлова попадались фактическія ошибки. Разумѣется, для усвоенія своимъ слушателямъ преподаватель долженъ предлагать вполнѣ вѣрный матеріалъ, научную истину. Какъ смотрѣлъ на дѣло самъ Павловъ?

Выше мы уже изложили (стр. 171 и 172) относящіеся сюда взгляды Павлова. Обогащеніе ума свѣденіями, отдѣльными фактами не составляетъ всей пользы наукъ. Онъ понималъ, что на своихъ лекціяхъ онъ готовитъ не спеціалистовъ по физикѣ, и не только преподавателей этого предмета. Въ Россіи главный контингентъ образованныхъ людей поглощается различными правительственными учрежденіями, государственною службой. Вотъ почему [2]) Павловъ приводитъ въ примѣръ людей, съ успѣхомъ проходившихъ *службу*, которые и говорятъ ему, что „во все продолженіе службы не встрѣчалось *ни одного случая*, гдѣ бы мы могли сдѣлать прямое приложеніе нашихъ школьныхъ свѣденій; до нихъ никогда не дохо-

[1]) Опять, надо полагать Ленцъ. О произволѣ и «силѣ волѣ» Ленца см. выше, стр 206 и 207.

[2]) Стр. 43 I части «Физики».

дило дѣло". Но эти люди всетаки обязаны наукамъ, ибо онѣ образовавъ умъ, *сдѣлали его на все способнымъ*; эти люди смѣтливостію, соображеніемъ и другими способностями превосходили всѣхъ, которые не имѣли счастія проходить курсовъ наукъ. *Образованіе есть главнѣйшая польза ученья*... Свѣденія забываются, образованіе остается навсегда. Итакъ главной цѣлью своего преподаванія Павловъ поставилъ общее образованіе, а не сообщеніе фактовъ (которое „имѣется въ виду" [1]), что̀ не помѣшало, правда, Павлову, какъ мы замѣтили выше (стр. 111) подготовить цѣлую плеяду извѣстныхъ спеціалистовъ.

И въ сельскомъ хозяйствѣ Павловъ (см. выше, стр. 109 и 114) стремился къ приспособленію иноземныхъ теорій къ потребностямъ русской жизни и русскаго быта. Точно такъ же и въ вопросахъ высшаго образованія вообще Павловъ съ тонкимъ чутьемъ прирожденнаго *педагога*[2]) угадываетъ, что̀ болѣе всего было нужно и что̀ полнѣе удовлетворяло потребности минуты. Научная спеціализація есть достояніе позднѣйшей степени культуры, когда достигнутъ уже нѣкоторый болѣе или менѣе высокій уровень равномѣрной образованности въ цѣломъ обществѣ. Если же нѣтъ еще образованности, то надо употребить всѣ усилія для распространенія ея, хотя бы и цѣною сообщенія меньшей суммы фактовъ. Факты сами по себѣ ничего не значатъ,— безъ точки зрѣнія, безъ принципа, по которому они обсуждаются и дѣлаются достояніемъ науки и образованности. Начала и принципы нужнѣе грубой эмпиріи—вотъ мысль, которую неоднократно высказываетъ Павловъ.

Дать принципы и научить мыслить—это было цѣлью дѣятельности Павлова. Замѣчательная логическая выработка

---

[1]) Стр. 42.

[2]) Педагогическія способности Павлова сказались въ устройствѣ его пансіона (выше, стр. 109—111) и въ его манерѣ читать лекціи (стр. 115—118).

изложенія, выдающееся изящество и стройность плана были средствомъ для воспитанія и развитія мышленія у слушателей и читателей. Эта манера Павлова развивала „критическій взглядъ на науку“ (ср. выше, стр. 117). Философскіе принципы, даваемые Павловымъ [1]), состояли въ натурфилософіи шеллингова направленія, которую онъ **первый** вывезъ въ Москву. Объ этомъ, кромѣ Герцена (выше, стр. 115), разсказываетъ Ксенофонтъ *Полевой* въ своихъ „Запискахъ“:

„Въ Москвѣ узнали, что есть философія не только французская..... Вотъ какъ произошло это.

Въ числѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ, путешествовавшихъ заграницею для усовершенствованія себя въ наукахъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ занять профессорскую каѳедру въ Московскомъ университетѣ, былъ нѣкто М. Г. Павловъ, человѣкъ съ *умомъ необыкновеннымъ* (замѣтимъ, что Павловъ былъ конкуррентомъ—по „Атенею“—съ „Московскимъ Телеграфомъ“, полемизировалъ съ Полевыми, и припомнимъ, что Ксенофонтъ Полевой въ общемъ чрезвычайно строгъ въ своихъ отзывахъ о людяхъ и скупъ на похвалы). Онъ готовился быть проф. сельскаго хозяйства, но, кажется, живши заграницею, больше занимался естествознаніемъ, познакомился въ Германіи съ натуральною философіею Шеллинга и Окена, вывезъ въ Москву нѣсколько ихъ сочиненій, нѣсколько тетрадокъ, гдѣ

---

[1]) Какое представленіе можно получить о Павловѣ изъ слѣдующаго изображенія? («Ист. новой фил.» *Иберега-Гейнце*, стр. 536) «Внѣшняя сторона природы есть область эмпиріи, внутренняя—область умозрѣнія. Вещество есть свѣтъ, сгущенный и потемненный тяжестью при взаимномъ ограниченіи. Свѣтъ—сила расширительная, тяжесть—сжимательная». Здѣсь, напр., наудачу выхвачены два предложенія изъ послѣднихъ словъ I. части «Физики». Читатель сочтетъ Павлова какимъ-то чудакомъ, не имѣя объясненія и не видя приложенія этихъ принциповъ къ міровому процессу. Тамъ же (стр. 535) неправильное указаніе: «Основанія физики», М. 1833 (не сказано, сколько томовъ, когда они вышли, и были ли перезданы).

были записаны ихъ лекціи, и вскорѣ обратилъ на себя любознательное вниманіе молодыхъ людей, *и отчаянную ненависть старыхъ ученыхъ*. Извѣстно, что философія Шеллинга даетъ взглядъ на міръ и всѣ отрасли знанія, совершенно противоположный взгляду опытнаго знанія, доведеннаго бездарными людьми до эмпиризма. Тетрадки и книги Павлова не только распространялись между молодежью, но и приняты были ею съ жаромъ, съ восторгомъ, съ увлеченіемъ. Многіе студенты университета принялись изучать Шеллинга, Окена и ихъ послѣдователей. Подъ вліяніемъ этого новаго ученія начали являться статьи даже въ самомъ „Вѣстникѣ Европы“ [1]).

Мы не будемъ здѣсь вдаваться въ критику ученія Шеллинга. Какова бы ни была эта философія, она была первая, которая въ Москвѣ, тогдашнемъ умственномъ центрѣ Россіи, получила большое распространеніе.

По самой натурѣ своей Павловъ былъ созданъ пропагандистомъ и популяризаторомъ. По своему популяризаторскому таланту онъ далеко оставляетъ за собою лучшихъ русскихъ писателей въ такомъ родѣ, какъ напр., *Д. И. Писарева*; Павловъ превосходитъ ихъ и по несравненной ясности мысли, и по безподобному языку. Энергія и смѣлость новатора какъ нельзя лучше служили цѣлямъ пропаганды.

Его старанія распространить философію и устнымъ, и письменнымъ путемъ, какъ посредствомъ журналовъ, книгъ, такъ и путемъ лекцій въ университетѣ, Благородномъ Пансіонѣ, среди учащейся молодежи, и среди цѣлаго общества не остались безотвѣтными. Съ одной стороны, Павловъ собралъ вокругъ себя почти всѣхъ шеллинговцевъ, своихъ коллегъ по университету, Давыдова, Надеждина, Максимовича и другихъ лицъ и, вмѣстѣ съ ними издавалъ свой „Атеней,“ на смѣну которому выступилъ „Телескопъ“ тоже шеллинговца

[1]) Стр. 85, 86. Статьи Давыдова и Надеждина.

Надеждина. Павловъ стремился привлечь къ дѣлу даже иногородних послѣдователей Шеллинга, какъ *Д. М. Велланскаго*. Съ другой стороны, Павловъ воспиталъ цѣлое философское поколѣніе молодыхъ шеллинговцевъ и гегелевцевъ. Въ Павловѣ видѣли своего учителя члены кружка *Веневитинова* и кн. *В. Ѳ. Одоевскаго* („Общество Любомудрія"), изъ котораго выросъ Погодинскій кружокъ „Московскаго Вѣстника" (ср. выше, стр. 1—16). Кромѣ этого кружка молодыхъ шеллинговцевъ, отъ Павлова же пошелъ и другой кружокъ — гегелевцевъ. Изъ гнѣзда Павлова вылетѣли юные орлы—*Н. В. Станкевичъ* и *М. Н. Катковъ*. Первый, по словамъ Герцена, довершилъ дѣло Павлова основаніемъ второй генераціи философскихъ кружковъ (ср. выше, стр. 116), Катковъ же (равно и другіе ученики Павлова, какъ напр., Герценъ) были ихъ важными членами и участниками. А изъ Станкевичева кружка уже образовались другіе (напр., кружки западниковъ и славянофиловъ), которымъ было суждено пересоздать русскую культуру второй половины нашего вѣка.

Но этотъ перечень заслугъ Павлова въ отношеніи Московскаго университета, русской журналистики и философскихъ кружковъ былъ бы не полонъ безъ указанія еще на одно обстоятельство. Павловъ породилъ (хотя и косвенно) еще одно весьма важное теченіе русской литературы и журналистики. Мы разумѣемъ „Московскій Телеграфъ" *Н. А. Полевого*, журналъ, одно время первенствовавшій почти нераздѣльно и оказывавшій огромное вліяніе на умы и вкусы читателей.

„Въ домѣ Попова (Ивана Васильевича, книготорговца и унив. типографщика)", разсказываетъ *Кс. Полевой* [1]), „помѣщалась земледѣльческая школа, гдѣ директоромъ былъ Павловъ (ср. выше, стр. 109), а однимъ изъ помощниковъ— незадолго передъ тѣмъ окончившій курсъ въ университетѣ Василій Андреевичъ *Андросовъ* (умершій въ 1841 г.). Онъ

[1]) Стр. 89.

былъ человѣкъ, замѣчательный свѣтлымъ умомъ, любовью къ просвѣщенію и оригинальностью въ разговорѣ. Пылкость его была такова, что онъ занимался всѣмъ, что только можетъ занимать умъ и благородную душу; но пылкость же дѣлалась причиной, что онъ былъ вспыльчивъ, увлекался, легко приходилъ въ гнѣвъ, не договаривалъ словъ, бормоталъ, брызгалъ слюною, когда говорилъ, и иногда защищалъ несообразности. *Отъ сообщества съ Павловымъ* онъ вскорѣ сдѣлался отчаяннымъ шеллингистомъ, и встрѣтившись у Попова съ Ник. Алексѣевичемъ, чрезвычайно заинтересовалъ его новыми тогда у насъ идеями нѣмецкой философіи (ср. выше, стр. 112, прим. 1). Цѣлые вечера проходили въ сужденіяхъ и спорахъ о ней, и этого было достаточно для воспріимчиваго моего брата. Онъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя идеи трансцендентальной философіи, сталъ читать книги, написанныя въ духѣ ея, и былъ уже приверженцемъ новыхъ взглядовъ, когда судьба сблизила его со многими молодыми людьми, изучавшими нѣмецкую философію". Разумѣется, эти молодые люди были тоже ученики Павлова (ср. выше, стр. 215), и съ ними то встрѣчался Розановъ въ домѣ Полевого, (ср. выше, стр. 118).

„*Новый* взглядъ [1]), бывшій *слѣдствіемъ знакомства* Н. А-ча съ *философіею Шеллинга*," свидѣтельствуетъ тотъ же Кс. Полевой, главный сотрудникъ своего знаменитаго брата, „*выражался* въ „Московскомъ Телеграфѣ" съ самаго *начала* этого журнала. Въ слѣдующій годъ тамъ было довольно статей, можетъ быть, даже излишне проникнутыхъ новою тогда философіею; но журнальная смѣтливость издателя была такова, что онъ никогда не увлекался въ однообразное направленіе, всегда имѣя въ виду общность своихъ читателей... Послѣ описаннаго мною можно было бы подумать, что философія должна была преобладать въ „Московскомъ Телеграфѣ." Но тамъ

[1]) Стр. 157.

выражалась она только въ *направленіи* статей, во взглядѣ и никогда не вытѣсняла другихъ частей просвѣщенія. Замѣчу, какъ важное достоинство, дѣлающее особенную часть издателю, что, сдѣлавшись *ревностнымъ послѣдователемъ трансцендентальной философіи*, онъ не искажалъ языка терминами и выраженіями ея, темными для русскихъ читателей. Въ этомъ можно видѣть преимущество его надъ тѣми писателями русскими, которые, начиная говорить философскимъ языкомъ, превращаютъ русскій языкъ [1]) въ варварское сцѣпленіе непонятныхъ словъ и русскія слова передѣлываютъ на нѣмецкій ладъ, такъ что въ нихъ остаются одни только русскіе звуки. Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ *здравыя, вѣрныя идеи* [2]) излагались языкомъ понятнымъ и незамѣтно усвоивались читающею публикою. Это можно признать великою услугою, оказанною Н. А. Полевымъ. До появленія „Московскаго Телеграфа“ было напечатано лишь нѣсколько статей, написанныхъ въ *духѣ новой философіи*, но и тѣ были не всѣ удачны, именно потому, что изложеніе ихъ казалось непонятно. Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ не говорили прямо о философіи, но *при всякомъ случаѣ* передавали понятія и выводы ея. Такимъ образомъ Н. А. Полевой способствовалъ не только распространенію *здравой* философіи, но и рѣшительной побѣдѣ ея надъ чувственною, матеріальною философіею, которая до тѣхъ поръ господствовала у насъ надъ всѣми умами. Еще за нѣсколько лѣтъ прежде, въ „Вѣстникѣ Европы“ писали о философіи Локка и предлагали выводы ея, какъ выводы самой мудрости; еще большинство образованныхъ людей почитало философами Гельвеція, Вейсса и даже отвратительнаго барона Гольбаха съ компаніею. Въ немного времени эти кумиры были ниспровергнуты, и ихъ стали назы-

[1]) Стр. 158.

[2]) Очевидно, и Ксенофонтъ Полевой увлекался (черезъ брата?) философіею Шеллинга (ср. выше, стр. 215).

вать философами не иначе, какъ въ насмѣшку. Можно гордиться такою заслугою".

И хотя впослѣдствіи „Атеней" Павлова вступалъ съ „Московскимъ Телеграфомъ" въ полемику [1]), хотя Павловъ издѣвался надъ увлеченіемъ Полевого, будто бы не понимавшаго сути философіи, а въ „Московскомъ Телеграфѣ" Павлова честили „Іатрософистомъ," но по вышеприведенному свидѣтельству оказывается, что вліятельный „Московскій Телеграфъ" былъ одною изъ многихъ волнъ того мощнаго умственнаго движенія, которое исходило отъ Павлова, которое было обязано своимъ существованіемъ его огромнымъ и разнообразнымъ талантамъ, его оригинальному уму и крѣпкой энергіи.

О Павловѣ стали какъ будто позабывать. Но его имя неизгладимыми чертами записано въ исторію Московскаго университета и въ исторію русской культуры 20-хъ и 30-хъ годовъ. Его историческая роль заключалась въ томъ, что онъ привилъ московской интеллигенціи шеллингову философію и въ силу особенностей своей натуры, несмотря на „отчаянную ненависть старыхъ ученыхъ", которыхъ было „не мало" (ср. стр. 205 и 215), сумѣлъ расширить это умственное вліяніе до общерусскаго направленія. Павлова, а не другого кого, надобно считать отцомъ того движенія, которое изошло изъ Москвы и совершенно обновило русскую мысль. Павловъ сдѣлалъ свое дѣло съ помощью той же философіи, которую въ Петербургѣ проповѣдывали два талантливые человѣка, *Д. М. Велланскій* и *А. И. Галичъ*. Но не они, а Павловъ сталъ родоначальникомъ шеллинговой философіи въ Россіи.

---

[1]) Этой любопытной полемикѣ мы посвятимъ особый этюдъ. О Павловѣ, какъ журналистѣ и литераторѣ, мы предполагаемъ говорить въ другомъ очиненіи.

VII.

Прибавленія.

Письма Д. М. Велланскаго.

Напечатанныя письма Велланскаго были уже указаны на стр. 82—83 настоящей книги. Всѣ эти письма имѣютъ весьма важное значеніе, какъ для біографіи Велланскаго, такъ для исторіи его литературной дѣятельности и для исторіи шеллингова направленія на Руси. Въ письмахъ къ Павлову и кн. Одоевскому Велланскій разсказываетъ о судьбѣ своей философской дѣятельности. Эти же два письма, а равно и письмо къ Розанову рисуютъ отношенія Велланскаго къ другимъ шеллинговцамъ моложе его. Записка къ Розанову любопытна потому, что обрисовываетъ взгляды медика Велланскаго на леченіе болѣзней. Въ виду того, что эти письма разсѣяны по журналамъ, не всегда находящимся подъ рукою (каковъ, напр., очень рѣдкій „Телескопъ“ Надеждина), я и счелъ нелишнимъ собрать ихъ во едино въ самыхъ точныхъ и буквальныхъ копіяхъ. № I. Письмо къ кн. Одоевскому, № II. —IV.—отрывки изъ писемъ къ Розанову, № V. тоже къ Розанову, № VI. Письмо къ Розанову, № VII. Письмо къ Павлову. Къ этому присоединяемъ подъ № VIII—сдѣланный Д. М. Велланскимъ вызовъ (открытое письмо) на споръ объ его „Физикѣ“.

№ I.

(Письмо къ кн. В. Ѳ. Одоевскому, отъ 17 іюля 1824 г.).

Ваше Сіятельство, Милостивый Государь

Владиміръ Ѳедоровичъ!

Не рѣдко получалъ я, изъ разныхъ мѣстъ Россіи, лестные ко мнѣ отзывы отъ незнакомыхъ мнѣ лицъ; но письмо вашего сіятельства восхитило меня наиболѣе! Почти за двадцать лѣтъ предъ симъ, я первый возвѣстилъ Россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, основанныхъ на ѳеософическомъ понятіи, которое, хотя зачалось у Платона, но образовалось и созрѣло въ Шеллингѣ. Таковыя познанія относилъ я единственно къ физическимъ предметамъ, не принаравливая оныхъ ни къ какимъ происшествіямъ въ области духа человѣческаго; однако же нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, не могши ни понять, ни опровергнуть моихъ положеній, старались представить оныя предосудительными въ моральномъ и религіозномъ смыслѣ. До мрачныхъ обстоятельствъ для просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, я не страшился пустыхъ нарѣканій. Но съ того времени, какъ обскурантизмъ началъ управлять колесницею русскаго Ѳеба, ужаснулся я отъ тучъ, окружившихъ оную, и остаюсь въ бездѣйствіи.

Афоризмы вашего сіятельства, помѣщенные въ Мнемозинѣ, читалъ я съ величайшимъ удовольствіемъ, и признаюсь, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ ученыхъ Россіянъ вы одни поняли настоящее значеніе философіи. Наша публика въ образованіи своемъ слѣдуетъ преимущественно французской; и весьма трудно познакомить оную съ высокимъ духомъ натуральной философіи. Посему и я думаю, что вашъ способъ изданія Мнемозины есть самый лучшій. Надобно дѣтей занимать прежде игрушками, чтобы послѣ показать имъ что нибудь важное. Весьма много матеріаловъ для вашего изданія можете вы найти въ нѣмецкомъ журналѣ, издаваемомъ Океномъ: Isis, oder Encyclopedische Zeitung, von Oken. Онъ начался съ 1817 года и продолжается по нынѣ. Изъ всѣхъ Европейскихъ ученыхъ журналовъ Isis есть совершеннѣйшій. Диссертаціи моей на латинскомъ языкѣ не осталось у меня ни одного экземпляра, да и Пролюзіи давно уже нѣтъ. Я по случаю досталъ экземпляръ, въ которомъ кто-то переводилъ слова, и многія весьма неправильно. Вмѣсто диссертаціи, посылаю вамъ Обозрѣніе Философическаго естествопознанія, переводъ О свѣтѣ и теплотѣ и Физіологическую программу, за которую при бывшемъ министрѣ народнаго просвѣщенія, князѣ Голицынѣ, чуть я не пострадалъ! И онъ не позволилъ мнѣ преподавать Галловой краніоскопіи, о которой насказали ему, что оная противна христіанской религіи!

Принося вашему сіятельству искреннѣйшую мою благодарность за ваше ко мнѣ благоволеніе, остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга Данило Велланскій, статскій совѣтникъ и академикъ императорской медико-хирургической Академіи въ Санктпетербургѣ.

(Подлинникъ въ 1864 г. хранился въ *Чертковской* библіотекѣ).

№ II.

(Изъ письма къ Н. Розанову въ Москву отъ 24 мая 1829 г., стр. 106).

Старайтесь не быть больнымъ. Жизнь грѣшниковъ только должна удручаться болѣзнями, а праведницы, живущіе сообразно представляемой ими идеѣ Бога, имѣютъ своимъ удѣломъ правоту духа и крѣпость тѣла.

№ III.

(Отрывокъ изъ письма отъ 4 апрѣля 1830 г. въ Москву къ Н. Розанову, въ его статьѣ стр. 121).

Физику неорганическаго міра я не кончу еще въ нѣсколько мѣсяцевъ; чѣмъ далѣе въ ней подвигаюсь, тѣмъ болѣе она распространяется. А стараюсь представить науку подробно, основательно, понятно. Для сего требуется величайшая разборчивость и строгая точность во всѣхъ созидающихъ оную комбинаціяхъ; простой народъ не можетъ пользоваться моими сочиненіями; поверхностно ученымъ они не по вкусу. Однако надѣюсь, что въ Россіи многіе размышляющіе и остроумные люди не пренебрегутъ полюбопытствовать моею физикой.

№ IV.

(Отрывокъ изъ письма отъ 16 іюня 1831 г. къ Розанову, тамъ же, стр. 121).

Въ Петербургѣ до сей поры еще не роздано и 50 билетовъ пренумерантамъ, а въ Харьковѣ, при всѣхъ усиліяхъ Масловича, едва нашлось шесть охотниковъ подписаться на сочиненіе. Но я объ этомъ не забочусь: книга будетъ раскуплена, когда выйдетъ въ свѣтъ, и узнаютъ мыслящіе люди на самомъ дѣлѣ о ея содержаніи.

№ V.

(Отъ 14-го января 1832 г. къ Розанову въ Москву, тамъ же, стр. 130).

Вы не такъ здоровы! Старайтесь избѣгать всѣхъ возможныхъ причинъ, вредныхъ вашему здоровью. Совѣтую вамъ вести жизнь какъ можно болѣе флегматическую, не напрягаться, не разгорячаться, не суетиться въ толкучемъ ряду міра сего; а жить тихо, подобно растенію. Тогда только можете избавиться отъ возмущеній въ кровеносной системѣ вашего тѣла, устремляющихъ кровь къ головѣ.

(изъ того же письма, стр. 122).

Хотя члены Академіи (Наукъ) всѣ почти Нѣмцы, но ни одинъ не понимаетъ ни Шеллинга, ни Стефенса. А потому Физика моя для нихъ не по вкусу (Подавъ свое сочиненіе на премію Демидова, Велланскій сомнѣвался въ справедливой оцѣнкѣ).

№ VI.

(Письмо къ Розанову въ Тифлисъ отъ 15 дек. 1833 г.).

Письмо ваше получилъ я за три дня до моихъ именинъ, которыя праздновались съ музыкою и танцами, въ передѣланной и увеличенной моей квартирѣ.

Вояжъ мой въ Малороссію былъ для меня очень веселъ и удаченъ. Я выѣхалъ изъ Петербурга 13-го іюля, и возвратился домой 20-го августа. Въ Кіевъ ѣхалъ я черезъ Бѣлоруссію, а въ Петербургъ возвращался черезъ Москву. Въ Кіевѣ я пировалъ восемь дней, а въ родимомъ моемъ городѣ Борзнѣ пробылъ четыре дня, гдѣ соученики и товарищи дѣтства моего угощали и провожали меня со всевозможнымъ усердіемъ и радушіемъ. Въ Москвѣ прожилъ я также четыре дня, отъ 12 до 16-го августа Московскіе профессоры оказали мнѣ самый лестный и дружественный пріемъ. Павловъ дѣлалъ для меня великолѣпный обѣдъ, гдѣ я познакомился со многими университетскими профессорами, особливо съ Давыдовымъ,

Надеждинымъ, Іовскимъ и Альфонскимъ. Послѣ обѣда, въ физическомъ кабинетѣ Павлова я бесѣдовалъ съ ними часовъ восемь. Московскіе ученые чувствуютъ всю важность философскаго естествознанія, хотя ни одинъ изъ нихъ не понялъ моей Физики. Они приглашали меня дать имъ нѣсколько лекцій изъ натуральной философіи, но я не могъ оставаться у нихъ и на пять дней. Теперь предлагаютъ мнѣ пріѣхать въ Москву на цѣлый январь или февраль и прочитать тамъ, для многихъ собранныхъ ими слушателей, двадцать лекцій, за которыя даютъ мнѣ двадцать тысячъ (ассигнаціями) рублей. Но въ это время я не могу отлучиться и на два дня изъ Петербурга. Мнѣ можно уѣзжать только на августъ мѣсяцъ, когда въ нашей академіи вакація. Можетъ-быть въ будущемъ августѣ я и поѣду въ Москву для преподаванія тамъ лекцій, хотя въ то время мало сыщется слушателей, такъ какъ знаменитые и богатые ученые уѣзжаютъ тогда изъ Москвы домой.

„Физика моя пошла въ продажу живѣе. Чрезъ годъ можетъ быть выйдетъ изъ рукъ моихъ и другая, органическая физика, или физіологія, за которою должна будетъ послѣдовать антропологія. Книгу вашу я получилъ отъ г. Францена. Она переведена превосходно на русскій языкъ, и весьма полезна занимающимся статистикою. Каково она расходится? Я думаю, не такъ шибко“.

№ VII.

Письмо г. профессора Велланскаго къ г. профессору *Павлову*.

СПБургъ, мая 29, 1834.

Прошлаго Марта 17 дня, послалъ я къ вамъ, чрезъ Г. С..., курсъ физіологическихъ моихъ лекцій. Намѣреваясь из-

дать въ свѣтъ мою Физіологію, я хотѣлъ показать оную предварительно такимъ лицамъ ученой Россійской публики, которыя могутъ понимать и цѣнить сочиненія сего рода. Это плодъ многолѣтнихъ моихъ занятій и постоянныхъ усилій къ воздѣланію той науки, о которой въ Россіи, до моего возвращенія изъ чужихъ краевъ, т. е. до 1806 года, не было ни малѣйшаго понятія.

Органическая природа содержится къ неорганической такъ, какъ душа къ тѣлу, или идеальное существо къ реальной формѣ. Посему одной безъ другой понять не можно: также какъ не знавши анатомическаго строенія органовъ, не можно изъяснить ихъ дѣйствій; и напротивъ того, не понимая идеально живыхъ происшествій въ организмѣ, не можно имѣть существеннаго свѣдѣнія о строеніи органовъ, показываемомъ трупоразсѣченіемъ. Физіологія, излагающая органическій міръ, не должна быть раздѣлена отъ Физики, показывающей неорганическую природу; ибо первая разсматриваетъ внутреннее, а вторая изслѣдываетъ внѣшнее содержаніе одного и тогоже универса, который только въ его цѣлости понятнымъ быть можетъ.

Идеалъ моей Физіологіи есть универсъ, который представленъ въ ней съ наружной и внутренней его стороны, и котораго начальный внѣшній видъ есть *огонь*, а внутреннее окончательное образованіе составляетъ *человѣкъ*. Абсолютная идея природы, въ объективной ея формѣ, показывается *огнемъ*, а въ субъективномъ видѣ, является *человѣкомъ*. Посему и Физіологія моя съ начала показываетъ *огонь*, а при концѣ излагаетъ *человѣка*. Если бы не было образцевъ раціональной Архитектоники, произведенныхъ Шеллингомъ, Стеффенсомъ и Океномъ; то бы я не могъ состроить умственнаго сего зданія. Но слѣдовать великимъ оригиналамъ можетъ только тотъ, кто имѣетъ собственную способность.

Оригинальные примѣры весьма полезны для ученаго образованія; и безъ оныхъ врожденный геній остается навсегда въ состояніи зародыша. Таковыхъ геніевъ, какъ вездѣ, такъ

и у насъ находится множество; но положеніе ихъ достойно сожалѣнія! Они суетятся и безпокоятся, какъ рѣзвыя, несмышленныя дѣти, оставленныя на ихъ произволъ, безъ всякаго за ними присмотра. Вся наша литература наполнена дѣтскими игрушками, которыя однако выдаются за важныя и поучительныя произведенія просвѣщеннаго времени! Не довольствуясь своими фарсами, они берутъ матеріялы изъ сцены чуждаго имъ міра, шутятъ и смѣются надъ тѣмъ, чего вовсе не понимаютъ, а именно надъ Философіею Шеллинга. Такъ въ БИБЛІОТЕКѢ ДЛЯ ЧТЕНІЯ (т. III. ч. II. о. VI. с. 113), Германскій философъ представленъ въ каррикатурномъ видѣ, будто измѣнилъ онъ свою Философію и всѣми силами старается возстановить упадшую свою славу!! Таковой сарказмъ подтверждается ссылкою на письмо Шеллинга, писанное къ кому-то въ Москву, хотя изъ приведенныхъ извлеченій письма явствуетъ противное сказанному въ сарказмѣ.

Чрезъ три или четыре мѣсяца, выдетъ мой переводъ небольшого сочиненія: Die Philosophie in ihrem Verhältnisse zum Leben ganzer Völker und einzelner Menschen, von *Joseph Goluchowskj* (*Философія въ отношеніи къ жизни цѣлыхъ народовъ и частныхъ лицъ*). Это не Философія, а справедливая оцѣнка и полемическая панегирика Философіи—сочиненная на чистѣйшемъ Нѣмецкомъ языкѣ, сообразно идеямъ Шеллинга, которому авторъ посвятилъ оную, какъ другу и наставнику своему въ Философіи. Я старался сдѣлать мой переводъ достойнымъ важности оригинала; и надѣюсь, что оный послужитъ къ пользѣ умныхъ и благомыслящихъ моихъ соотечественниковъ!

Прежде нежели выдетъ моя Физіологія, намѣренъ я сочинить Натуральную Философію, въ основныхъ ея начертаніяхъ; слѣдовательно, какъ можно, въ меньшемъ объемѣ и тѣснѣйшемъ содержаніи. Это будетъ ключь къ уразумѣнію физическихъ сочиненій, писанныхъ по основаніямъ Философіи, которая въ Россіи извѣстна по неосновательнымъ слухамъ.

Словесное изъясненіе весьма много споспѣшествуетъ къ понятію философическихъ положеній; и ежели въ Москвѣ сыщутся охотники къ слушанію моихъ лекцій; то я будущую зиму могу пріѣхать къ вамъ на цѣлый мѣсяцъ.

Покорно прошу увѣдомить меня: каковымъ показался вамъ курсъ физіологическихъ моихъ лекцій? Любовь ваша къ истинному познанію и благородное усиліе къ распространенію тѣснаго круга Физическихъ Наукъ въ нашемъ отечествѣ, для меня восхитительны! Я самъ большой энтузіастъ къ возвышеннѣйшей истинѣ; и никакія противности не могли отвратить меня отъ оной. Мнѣ крайне желательно имѣть либо противниковъ, либо сотрудниковъ на поприщѣ Физическихъ Знаній. Но вотъ проходитъ тридцать лѣтъ, какъ я въ Россійскомъ ученомъ мірѣ вопію, *аки гласъ въ пустынѣ*! Съ начала ученые старики злились на меня, говоря съ презрѣніемъ: что за молокососъ явился къ намъ съ Нѣмецкими бреднями? Теперь новая генерація ученыхъ. Птенцы, вылупившіеся подъ старыми насѣдками дряхлой учености, не оперились еще, не вылетѣли изъ своего гнѣзда, и уже пищатъ на орловъ, парящихъ выше сферы ихъ зрѣнія!

Съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и нелицемѣрной любовію, остаюсь покорнѣйшій вашъ слуга Д. Велланскій.

№ VIII.

Вызовъ, сдѣланный Академикомъ Д. М. Велланскимъ.

Въ № 133-мъ Сѣверной Пчелы напечатано слѣдующее объявленіе, достойное любопытства и вниманія всѣхъ любителей Наукъ:

„*Опытная, наблюдательная и умозрительная Физика*, сочиненная Академикомъ и Профессоромъ Д. Велланскимъ, вышла въ свѣтъ въ послѣднихъ числахъ Октября 1831 года. Со стороны ученой публики не воспослѣдовало еще никакого отзыва о семъ сочиненіи, которое опровергаетъ рѣшительно всю систему обыкновеннаго Физическаго ученія, въ ѳеоретическомъ его смыслѣ, и представляетъ Науку въ другой формѣ, сообразно прочнѣйшему основанію идеальнаго ея устройства". Авторъ считаетъ сочиненіе свое первымъ произведеніемъ Физической Литтературы въ Россійскомъ Ученомъ Свѣтѣ, и проситъ знатоковъ подвергнуть, хотя нѣкоторыя статьи изъ онаго, безпристрастному критическому разбору.

„Надъ симъ сочиненіемъ Авторъ трудился 8 лѣтъ, да приготовлялся къ оному 20 лѣтъ; а посему и точный разборъ онаго долженъ быть не малотруденъ. Движимый любовію къ истинному познанію, Авторъ предлагаетъ ученымъ людямъ въ Россіи: вступить съ нимъ въ истолковательную *полемику*, о какомъ нибудь предметѣ, изложенномъ въ его Физикѣ. Если полемизаторъ разрушитъ ѳеоретическую конструкцію сего предмета, и на мѣсто оной созиждетъ основательнѣйшее умственное зданіе, то Авторъ дастъ ему тысячу рублей *преміи*, и съ благодарностію признаетъ его ѳеорію. Когда-же противное изложеніе не будетъ выведено изъ высшихъ началъ умозрительнаго понятія, и Авторъ докажетъ неосновательность онаго, то въ такомъ случаѣ, полемизаторъ долженъ дать Автору половину предлагаемой имъ *преміи*, то есть пять сотъ рублей ассигнаціями.

Предметы, о которыхъ Авторъ желалъ-бы полемизировать, суть: *свѣтъ*, *тяжесть*, *теплота*, *магнетизмъ*, *электризмъ*, *химизмъ и гальванизмъ*, кои въ особенной Физикѣ излагаются весьма слабыми и превратными гипотезами.

Сколько Авторъ ни старался написать Физику свою ясно и вразумительно, однако многимъ она не понятна, по особливому способу изложенія, для котораго нужно предуготовительное свѣдѣніе. Для удобнѣйшаго обзора столь сложнаго и обширнаго сочиненія, Авторъ составилъ краткое извлеченіе изъ онаго, которое имѣетъ быть напечатано въ Сынѣ Отечества.

Авторъ занимается сочиненіемъ Общей Физіологіи, или Органической Физики, которая безъ предварительнаго изложенія неорганической природы не могла быть представлена въ собственномъ ея значеніи, и которой основное начертаніе можетъ быть кончено въ теченіе нынѣшняго года".

Любопытно наблюдать, какое дѣйствіе произведетъ столь оригинальное объявленіе? Довольно хорошо зная нашъ ученый и литтературный міръ, мы могли-бы предсказать Автору, что ... но до времени удержимся отъ этого. [1])

---

[1]) М. Телеграфъ за 1832. г., ч. 44, № 6, Мартъ, Смѣсь, стр. 303—305.

Къ страницамъ 84—87.

Отзывъ о Велланскомъ имѣется еще въ нѣмецкомъ сочиненіи Theodor v. *Stürmer*, бывшаго преподавателемъ исторіи, литературы и энциклопедіи медицины при Медико-Хирургической Академіи: Zur Vermittelung der Extreme in der Heilkunde, Leipzig bei Eduard Kummer, въ 5 томахъ. Это сочиненіе состоитъ, главнымъ образомъ, изъ писемъ, писанныхъ авторомъ къ различнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, а также знаменитымъ или вліятельнымъ медикамъ. Письма, перепечатанныя потомно, посвящались государямъ и властителямъ. *Штюрмеръ* велъ жестокую полемику съ русскими журналистами, напр., съ *Гречемъ* [1]) и особенно съ *Сенковскимъ*. Въ III томѣ (1843 г.) означеннаго сочиненія имѣется письмо Штюрмера къ лейб-медику *Маркусу* о Сенковскомъ, гдѣ авторъ пытается побудить Маркуса ходатайствовать о мѣрахъ зажать ротъ критикѣ (стр. 226—231) и письмо къ самому Сенковскому (стр. 231—232), гдѣ Штюрмеръ упрекаетъ его за восьмилѣтнюю войну противъ „врачей Россіи“ и въ томъ, что изъза Сенковскаго онъ потерялъ (Высочайше) обѣщанное ему мѣсто ректора Академіи.

---

[1]) См. Сынъ Отечества за 1830 г., т. XIV (С. От.—ч. 136, Сѣв. Арх.—50), № XXXIV, стр. 40—52, III. Антикритика, Отвѣтъ г. Штюрмеру, доктору медицины и хирургіи—Николая Греча. Ср. статью *Сенковскаго*, Собр. соч., т. VIII, Естествознаніе. Медицина, медицинская полемика, II, 3, стр. 487—546, особенно, стр. 542 и слѣд.

Свѣдѣнія о Велланскомъ помѣщены въ томъ же III томѣ, посвященномъ Прусскому Королю *Фридриху-Вильгельму IV*: стр. 299—303. Biographische Notizen russischer Aerzte der Gegenwart. Dr. *Wellansky* и стр. 203—219—въ письмѣ къ Dr. *Johannes Müller*, профессору физіологіи въ Берлинѣ: Ueber physiologische Studien; russische Litteratur. Auszug aus dem Handbuche der allgemeinen Physiologie des Professors Wellansky in St. Petersburg. (Изложены статьи: Speculatives Erkennen der anorganischen Natur (203), Theorie der organischen Welt (204), Pflanzen-Organismus (204), Thier-Organismen (205), Vom Bau des thierischen Organismus (205), Die Thätigkeit des thierischen Organismus (206). Die Verrichtungen des Geschlechtssystems (208), Form und Lebensthätigkeit der Frucht (208), Anthropologie. Die Gefühlsseite der somatischen Sphaere des menschlichen Organismus (209), Die psychische Sphaere des Menschen (209), Ueber die Bildung der psychischen Sphaere von ihrem Anbeginne bis zur höchsten Entwickelungsstufe in Raum und in Zeit (210), Vom Willen (210), Gemüth, Geist und Wille (211), Fähigkeit, Talent, Genie, auf die Aussenwelt und Societät angewandt. Anlagen zur Wissenschaft (211), Anlagen zu Künsten (211), Die Physiognomik als Mittel, verschiedene Anlagen zu erkennen (212), Lehre von den Temperamenten (212), Die Identität der Seele mit dem Sein der Natur und ihr Abfall (213), Unterschied der Geschlechter (215), Sprachen (216), Lebensepochen, Tod, Unsterblichkeit (217). Удостоилось у Штюрмера такого изложенія изъ русскихъ книгъ одно только сочиненіе Велланскаго.

Что касается біографическаго очерка, то оказывается, что *Каллисенъ* (см. выше, стр. 84—86) заимствовалъ свои свѣдѣнія (въ томъ числѣ и невѣрныя) именно у *Штюрмера*, о чемъ однако не упомянулъ. Невѣрны у Штюрмера упоминанія о дворянскомъ происхожденіи и заботливомъ домашнемъ воспитаніи

Велланскаго (стр. 300). Большую заслугу видитъ Штюрмеръ въ переводѣ Велланскимъ многихъ иностранныхъ руководствъ (стр. 301). Путаница въ трудахъ Велланскаго внесена Каллисеномъ отъ себя. Въ 1806 г. Велланскій уже будто бы Professor ordin. Заслуги Велланскаго, посланнаго Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ въ г. Псковъ на эпидемію, были засвидѣтельствованы не только мѣстнымъ управленіемъ, но и правительствомъ. Послѣ четырехлѣтней службы при сухопутномъ госпиталѣ, за прекрасное управленіе которымъ онъ удостоился Высочайшей благодарности, Велланскій просилъ объ увольненіи, каковое и дано черезъ годъ. Черезъ 2 года Велланскій опять поступилъ туда же, но безъ жалованья. Московское Общество естествоиспытателей избрало его въ члены.

Общую характеристику Велланскаго Штюрмеръ даетъ такого рода:

Д. ст. сов. и кавалеръ Даніилъ Велланскій—одинъ изъ достойнѣйшихъ ветерановъ нашей русской медицины. Онъ выказалъ себя отличнымъ врачемъ не только на службѣ въ различныхъ госпиталяхъ и въ счастливомъ исполненіи порученій правительства, но и въ обширной практикѣ; [1]) какъ преподаватель онъ воспиталъ массу благодарныхъ учениковъ. Преданный почитатель Окена, онъ совершенно воспринялъ въ себя его натурфилософію и былъ какъ разъ настоящимъ человѣкомъ, чтобы передавать ее вѣрно, обогативъ собственными идеями. Кто изъ его бывшихъ учениковъ не вспоминаетъ [2]) съ совершенно особеннымъ удовольствіемъ объ его лекціяхъ, на которыхъ воодушевленный старецъ съ почти волшебною силою умѣлъ овладѣвать вниманіемъ аудиторіи и столь удобопонятно (fasslich) и пріятно (anmuthig) представлять возвышеннѣйшія

---

[1]) Стр. 300.

[2]) Ср. выше, стр. 67 и 68.

идеи въ многозначительной (sinnreich) оболочкѣ! Кромѣ студентовъ, появлялись и другіе слушатели и слушательницы, даже изъ высшихъ классовъ; кто хоть разъ слышалъ Велланскаго, тотъ навсегда становился его поклонникомъ (für ihn gewonnen). Итакъ онъ много сдѣлалъ добра и вполнѣ заслужилъ, чтобы всѣ знали исторію его жизни и службы.

Біографическій очеркъ заключается словами: „Свѣтъ погасъ въ очахъ одушевленнаго учителя, но чистый огонь продолжаетъ пылать въ его душѣ. Неустанно диктуетъ Велланскій день и ночь (ср. свидѣтельство Розанова, выше, стр. 83) и съ вѣрующимъ духомъ трудится надъ натурфилософскими сочиненіями, съ одушевленіемъ говоритъ о своемъ ученіи, счастливъ побесѣдовать съ какимъ-нибудь ученикомъ Шеллинга. Это—счастливящее его настроеніе, эта вѣра, быть можетъ, и сладкая иллюзія настоящей натурфилософіи“ [1]).

[1]) Стр. 303.

Къ страницамъ 126—129.

Относительно Кастора Никифоровича *Лебедева* и его любопытной брошюры можно привести еще нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній *Буслаева* [1]) и *Гончарова* [2]). Буслаевъ разсказываетъ:

„Я отправился съ письмомъ отъ матушки къ *К. Н. Лебедеву* ... Надобно знать, что онъ былъ сынъ самой близкой пріятельницы моей матушки и давалъ мнѣ уроки, будучи ученикомъ гимназіи, когда я мальчикомъ лѣтъ 9 былъ въ приготовительномъ пансіонѣ его матери, Маріи Алексѣевны Лебедевой, собственно предназначенномъ только для дѣвочекъ, между которыхъ я составлялъ привиллегированное исключеніе. Когда я постучался къ нему въ Дурновскомъ переулкѣ, онъ уже былъ кандидатъ московскаго университета и магистрантъ по исторіи, любимецъ проф. *Погодина*, который пользовался тогда извѣстностью, какъ ученый и литераторъ. Рекомендуя меня Погодину, Лебедевъ могъ обезпечить и облегчить мое вступленіе въ университетъ вліяніемъ такого авторитетнаго профессора. Но мои волненія и ожиданія были напрасны. Лебедевъ уѣхалъ въ де-

---

[1]) Мои воспоминанія. Академика *Ѳ. И. Буслаева*. Изданіе *В Г. Фонъ Бооля*. М 1897.

[2]) *И. А. Гончаровъ*. Изъ университетскихъ воспоминаній. Какъ насъ учили, 50 лѣтъ назадъ. «Вѣстникъ Европы» за 1887 г., 124-й томъ, апрѣль, стр. 489—517.

ревню, вернется въ Москву, но не раньше сентября, т. е. когда уже будутъ покончены вступительные экзамены въ университетъ, и когда рѣшится моя судьба. Однако, мой талисманъ, какъ увидите, оказалъ свое спасительное дѣйствіе, и вліяніе Лебедева, хотя и заочное и безъ его вѣдома, и совершенно случайно, дало самый благопріятный исходъ всѣмъ моимъ заботамъ и треволненіямъ“ [1]).

„Во время экзамена подходитъ къ *П. М. Терновскому* молодой человѣкъ лѣтъ 30 въ форменномъ фракѣ, остановился, посмотрѣлъ на меня и сталъ слушать, что я говорю. Его добрый, снисходительный взглядъ точно приласкалъ меня, воодушевилъ, и я продолжалъ разсказывать съ такой искренностью, съ такимъ убѣжденіемъ, которыми я будто хотѣлъ отвѣтить на дружеское привѣтствіе стараго знакомаго. Когда я кончилъ, молодой человѣкъ спросилъ меня, откуда я родомъ, и гдѣ учился. Отвѣчая ему, я назвалъ своихъ учителей и между прочими упомянулъ о К. Н. Лебедевѣ. Мнѣ показалось, что его взглядъ вдругъ просвѣтлѣлъ, и легкая улыбка мелькнула по чертамъ лица. Онъ отвѣчалъ, что Кастора Никифоровича хорошо знаетъ, и своимъ задушевнымъ голосомъ сказалъ мнѣ: „если что Вамъ понадобится, приходите ко мнѣ“. Когда я съ радостію возвратился на скамейку къ товарищамъ, мнѣ сказали, что я говорилъ съ *М. П. Погодинымъ*. Да, это былъ первый лучъ радости, освѣтившій меня по пріѣздѣ моемъ въ Москву“ [2]).

„Поведу васъ сначала опять на Собачью площадку, въ Дурновскій переулокъ, гдѣ, помните, я постучался къ Кастору Никифоровичу Лебедеву. Когда онъ возвратился въ Москву, то принялъ во мнѣ живѣйшее участіе, которымъ, впрочемъ, я не могъ долго пользоваться, потому что онъ черезъ нѣсколько вре-

---

[1]) Стр. 3.
[2]) Стр. 6.

мени перебрался въ Петербургъ. Ему не удалось пристроиться къ университету. Онъ раздражилъ противъ себя нѣкоторыхъ изъ профессоровъ, представивъ научные ихъ взгляды и убѣжденія въ каррикатурномъ видѣ, въ написанной имъ сказкѣ о царѣ Горохѣ... Въ Петербургѣ онъ промѣнялъ ученую карьеру на юридическую, успѣшно и съ отличіемъ служилъ чиновникомъ министерства юстиціи и скоро вошелъ въ милость у министра, графа *Панина*; былъ командированъ заграницу, именно, въ Пруссію для нагляднаго и практическаго ознакомленія съ судебнымъ дѣлопроизводствомъ и по возвращеніи напечаталъ подробный отчетъ о своихъ наблюденіяхъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ занималъ должность обер-прокурора Правительствующаго сената въ Москвѣ, а потомъ должность сенатора въ Петербургѣ“ [1]).

У Гончарова: „Забавно намъ было видѣть, какъ *И. М. Снегиревъ* однажды попался въ просакъ, и какъ на нашихъ глазахъ во время экзамена старался выпутаться изъ петли. Нѣкто студентъ *З.* (?) написалъ какую то брошюру о царѣ Горохѣ; я ее читалъ, но теперь забылъ даже точное заглавіе; помню только, что тамъ изображались въ каррикатурѣ нѣкоторые профессора Университета, и между прочимъ чопорный и важный *И. И. Давыдовъ*. Описывалась ихъ наружность (?), манера читать [2]). Снегиревъ былъ цензоромъ и пропустилъ брошюру, зная, конечно, очень хорошо, въ чемъ дѣло, и заранѣе наслаждаясь про себя эффектомъ брошюры. Брошюра дѣйствительно произвела эффектъ и смѣхъ. Она ходила по рукамъ. Профессоры вознегодовали, больше всѣхъ,—онъ, le superbe Иванъ Ивановичъ: какъ могло его коснуться дерзкое перо!

---

[1]) Стр. 42.

[2]) Здѣсь память измѣняетъ Гончарову. Въ брошюрѣ Лебедева *нѣтъ* описанія внѣшности выведенныхъ лицъ; но всѣхъ можно узнать безошибочно—по слогу и излюбленнымъ словечкамъ.

Потерпѣлъ не авторъ-шалунъ [1]), а цензоръ. Съ нимъ не говорили, отворачивались отъ него: Иванъ Ивановичъ положительно не глядѣлъ на него, а тотъ залѣзалъ въ глаза, старался замести хвостомъ свою штуку, льстилъ, изгибался—и напрасно! Мы видѣли все это и наслаждались профессорскою комедіею“ [2]).

У Александра *Бурцева*, Описаніе рѣдкихъ россійскихъ книгъ, ч. IV, СПБ, 1897, № 692 (стр. 60) перепечатанъ весь „Подарокъ ученымъ“; титулъ и текстъ стр. 63—80. Рѣчь Павлова: стр. 73—74. На стр. 60—61 собрана литература съ указаніями, не совсѣмъ точными. У *Остроглазова* „Книжныя Рѣдкости“, № 276, *Березинъ-Ширяевъ*, 1884 г., стр. 204, „Русская Старина“, 1887 г. № 4, стр. 132.

Непонятное выраженіе: „какъ басня сбила философа“, въ статьѣ Лебедева (см. выше, стр. 128) относится къ статьѣ въ „Атенеѣ“ Павлова за 1828 г., ч. III, № 9, стр. 53—65, Словесность, „Философъ и басня“, разговоръ: Истина подъ видомъ „басни“ является къ философу и въ рядѣ апологовъ уличаетъ его: „ты педантъ, ты завистливъ, ты эгоистъ, ты тщеславенъ, ты честолюбивъ, ты мстителенъ“ (стр. 65).

---

[1]) Потерпѣлъ и авторъ.

[2]) Стр. 152.

Pawlowiana.

I.

Забытое теперь крупное значеніе Павлова, основателя шеллингова направленія на Руси, было признаваемо его современниками. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., „Сынъ Отечества“ и („Сѣверный Архивъ“) за 1829 г., т. III (С. О. ч. 125 и С. А. ч. 39), № XVII, Отд. IV. Журнальная критика, діалогъ „Духъ русскихъ журналовъ“, стр. 172—174. Отзывъ о Павловѣ обвиняетъ его въ измѣнѣ Шеллингу—несправедливо; имѣется въ виду его полемика со своимъ ученикомъ *Н. А. Полевымъ* („Московскимъ Телеграфомъ“) [1]). Нападки на романтику въ „Атенеѣ“—помѣщенные тамъ отрывки изъ докторской диссертаціи Надеждина; статьи по астрономіи—проф. *Перевощикова*. „Журналъ Благонамѣренный“—каламбуръ и сближеніе съ журналомъ *Измайлова*.

Пожилой человѣкъ. И читателямъ Вѣстника Европы въ пору бы запѣть: о горе намъ! Жаль, право жаль, что Издатель Атенея видно по сочувствію съ Издателемъ Вѣстника Европы, также провозгласилъ себя врагомъ всякой новизны въ Литературѣ. Издатель Атенея *первый привезъ въ Россію тетрадки*,

---

[1]) См. выше, стр. 219.

или компендіи курса Шеллинговой Философіи, первый распространилъ ея правила, и первый же вооружился противъ нея! Не вхожу въ разборъ причинъ, но—думаю, что не Издателю Атенея надлежало бы насмѣхаться надъ тѣмъ, что *онъ передалъ другимъ, какъ вещь священную.* Нападки на романтическую школу въ Атенеѣ—смѣшны; но добрые люди смѣются не надъ романтиками, а надъ тѣми теоретиками, которые хотятъ истребить то, что принято всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ. Вообще литературная часть Атенея тяжела, и доселѣ не было въ немъ ни одной дѣльной, справедливой литературной критики [1]). Въ прошломъ году Атеней былъ просто дуренъ; нынѣ онъ значительно улучшился, и въ отношеніи къ Наукамъ, особенно Астрономіи, имѣетъ свое достоинство. Еслибъ онъ распрощался съ теоріями Вѣстника Европы, такъ какъ легко отрекся отъ Философіи Шеллинговой, то занялъ бы почетное мѣсто между журналами.

Молодой человѣкъ. Скажите! еслибъ отбросилъ вовсе критику, въ которой Гг. Издатели весьма неискусны и слишкомъ жертвуютъ личностямъ, отношеніямъ, мѣстностямъ....

Пожилой человѣкъ. Все однакожъ нельзя сравнивать Атенея съ Вѣстникомъ Европы. По крайней мѣрѣ Атеней похожъ на журналъ *Благонамѣренный*, а Вѣстникъ Европы—ему давно уже пора переименоваться въ Вѣстникъ Африканскій.

---

[1]) Авторъ сей статьи долженствовалъ бы исключить статью М. А. Дмитріева о критикахъ на Карамзина. Изд. («Сына Отечества»).

II.

Вылазки противъ Павлова не прекращались въ „Сынѣ Отечества“. Въ томъ же III томѣ за 1829 г., № XV, стр. 64: *Новое открытіе.* Издатель Атенея читаетъ статьи альманачныя „съ полезнымъ удовольствіемъ“ (см. № 9 „Атенея“, стр. 639) Поздравляемъ!“.

Въ т. IV за 1829 г. (С. О. ч. 126, С. А. ч. 40), № XXII, стр. 87—101 (сообщено), III. Сельское хозяйство. Возраженіе на статью о *парѣ* въ Россіи, помѣщенную въ № 3 „Атенея“ на 1829 г.).

Въ т. XI за 1830 г., № 15, V. Словесность. Альдебаранъ. 1830. Проза. II, стр. 117—121 помѣщена цѣлая пародія: „*Я*“. Лекція Шеллинговой философіи. Это якобы II-я статья изъ предполагаемаго *Ив. Пѣтуховымъ* къ изданію альманаха „Альдебаранъ“ [1]).

Есть и цѣлая стихотворная эпиграмма: въ т. IV за 1829 г., № XXV, стр. 314. V. Стихотворенія: „Эпиграмма“, якобы переведенная „съ Англ.“—не подписана.

Эпиграмма.

Вотъ великій нашъ Писатель
И безсмертный Агрономъ,
Классиковъ законодатель
И тупымъ своимъ перомъ
Земледѣлья реформаторъ.
Онъ во всемъ равно великъ:
Онъ на пашнѣ литераторъ,
А въ словесности мужикъ.

Съ Англ.

[1]) *Альдебаранъ*—звѣзда первой величины въ созвѣздіи Быка (α Tauri) и принадлежитъ къ группѣ Гіадъ.

III.

На одну изъ лучшихъ статей Павлова „Общій чертежъ наукъ“ (см. выше, стр. 133—137) появилась дѣльная рецензія *Ѳ. Менцова* въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1840 г., ч. XXV, Отдѣленіе VI. Обозрѣніе книгъ и журналовъ. Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ за послѣднее трехмѣсячіе 1839 года, II. Философія, стр. 70—75. Рецензентъ останавливаетъ вниманіе читателей на статьѣ Павлова и излагаетъ его воззрѣнія на стр. 71—73, „оказывая тѣмъ уваженіе къ почтенному ея автору“, а потомъ предлагаетъ нѣкоторыя собственныя замѣчанія, которыя сводятся къ слѣдующему.

Статья Павлова представляетъ не совсѣмъ вѣрный взглядъ на науки вообще (стр. 70). Сожалѣемъ, что почтенный авторъ не посвятилъ еще одной или двухъ страницъ на вычисленіе видовыхъ наукъ, составляющихъ подраздѣленія главныхъ, родовыхъ; тогда бы положенія его сдѣлались яснѣе, а эта ясность дала бы средства къ опредѣленію степени вѣрности его взгляда на науки (стр. 71).

Рецензентъ не согласенъ съ авторомъ:

I) Касательно происхожденія богословія (признаваемаго имъ также за особый отдѣлъ). Въ частныхъ случаяхъ могла появляться вѣра послѣ безплодныхъ усилій постигнуть Творца умомъ, но въ общемъ ходѣ человѣчества—напротивъ. Вѣра не могла получить начала въ человѣкѣ: происхожденіе ея отъ Бога, Который по Своей Благости не могъ не осѣнить ею даже первые опыты человѣческаго разума. Человѣкъ, обольщенный страстями, и болѣе всего гордостію своего разума, самъ оставилъ вѣру, но испытавъ совершенную невозможность постигнуть Бога, высочайшее добро, необходимое для его счастья, снова повергается въ объятія утѣшительной вѣры [1]).

---

[1]) Стр. 74.

II) Недостаточно различіе наукъ психическихъ и философическихъ, по опредѣленію Павлова. Не очевидно ли, что первыя (см. выше, стр. 135 и 137) составляютъ только видъ вторыхъ, потому что и самъ познающій человѣкъ есть также предметъ познанія, являющійся въ пространствѣ и времени, и можетъ быть также разсматриваемъ со стороны возможности.

III) Куда отнести Исторію (послѣ *Боссюета* и *Вико*)— къ психическимъ, къ словеснымъ или къ философическимъ наукамъ? Куда отнести географію? Неужели ее раздробить на три части и отнести одну (математическую) къ философіи (см. выше, стр. 137), другую—къ физическимъ, третью—къ политическимъ наукамъ? Но и раздробивъ географію, гдѣ положить границы между второю и третьею ея частями? Города, крѣпости, каналы—произведенія рукъ человѣческихъ для цѣли политической—не должны будутъ (по раздѣленію Павлова) стоять на ряду съ горами, рѣками, озерами,—произведеніями самой природы. Если бы почтенный авторъ болѣе развилъ свои мысли объ избранномъ имъ предметѣ, то, можетъ быть, многое теперь непонятное въ нихъ совершенно бы объяснилось (стр. 75).

Н. И. Розановъ.

Въ настоящемъ томѣ было неоднократно упоминаемо имя *Н. И. Розанова*, послѣдователя и друга медика-философа *Д. М. Велланскаго*, и сотрудника братьевъ Полевыхъ. „Въ лучшую пору моей жизни я былъ близокъ къ Велланскому, когда онъ еще находился на службѣ въ Медико-хирургической Академіи; и со слѣпцомъ съ нимъ я провелъ немалое время въ бесѣдахъ“ [1]). Приведемъ о Н. И. нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія, имѣющіяся въ той же статьѣ о Велланскомъ, дополняя ихъ „Записками“ Ксенофонта Полевого.

Николай Ивановичъ Розановъ, москвичъ, учился въ Московскомъ университетѣ, слушалъ лекціи *Н. Н. Сандунова* и философа *А. М. Брянцева*. Кончилъ курсъ кандидатомъ въ іюлѣ 1819 г. „Въ жизни моей былъ я не болѣе, какъ чиновникъ въ администраціи, служилъ около 30 лѣтъ“ [2]). Сначала служилъ въ Москвѣ (до 1822 г.) при князѣ *Циціановѣ* по строительной части, когда столица отстраивалась заново послѣ наполеоновскаго разгрома. Потомъ перешелъ въ Одессу на службу къ градоначальнику, графу Гурьеву. Съ воцареніемъ Николая I

---

[1]) Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ, стр. 130 («Русскій Вѣстникъ» за 1867 г., т. 72).

[2]) Тамъ же, стр. 132.

Розановъ былъ зачисленъ на службу по министерству финансовъ въ Петербургѣ и продолжалъ ее тамъ же, причемъ съ 1826—1829 г. занимался при графѣ Гурьевѣ дѣлами по слѣдствіямъ въ губерніяхъ, возлагавшимся на него государемъ. Въ 1826 г. состоялъ производителемъ дѣлъ при графѣ Гурьевѣ, котораго Николай I послалъ въ низовыя губерніи для провѣрки доноса Магницкаго, сосланнаго по разслѣдованію генерала-лейтенанта Желтухина въ Ревель, причемъ слѣдствіе Гурьева касалось и профессоровъ Казанскаго Университета [1]).

Въ маѣ 1829 г. Розановъ былъ назначенъ на службу въ Москву секретаремъ Московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта, учрежденнаго въ 1828 г. по мысли графа *Канкрина*. Здѣсь онъ возобновилъ сношенія съ давнишнимъ своимъ знакомымъ [2]) редакторомъ-издателемъ „Московскаго Телеграфа“, *Н. А. Полевымъ*, который былъ членомъ отдѣленія мануфактурнаго совѣта. Въ домѣ Полевого онъ познакомился и сблизился съ нѣсколькими молодыми людьми, кончившими курсъ въ университетѣ съ степенью кандидата, которые, не имѣя понятія объ естественныхъ наукахъ, бредили нѣмецкою философіей: то были ученики *М. Г. Павлова* [3]). Вмѣстѣ съ дѣлами отдѣленія мануфактурнаго совѣта Розановъ управлялъ и дѣлами комитета по снабженію войскъ сукнами [4]). Съ 1833 г. по распоряженію графа Канкрина находился при генералѣ баронѣ *Розенѣ*, главноуправляющемъ Закавказскимъ краемъ, гдѣ по порученію министра и подъ руководствемъ Розена образовалъ „Общество поощренія промышленности и торговли“ [5]). Армяне снабжали

---

[1]) Стр. 129, примѣчаніе (см. тамъ же о проф. *Сергѣевѣ* и *Кораблиновѣ*).

[2]) Стр. 124, прим.

[3]) Стр. 125.

[4]) Стр. 132.

[5]) Стр. 133.

Грузію и Персію бумажными набивными тканями, приготовляемыми заграницею, и провозили ихъ съ Лейпцигской ярмарки транзитомъ чрезъ Закавказье. Розановъ собралъ образцы и представилъ коллекцію ихъ графу Канкрину, проектируя предложить чрезъ Мануфактурный совѣтъ Московскимъ фабрикантамъ приготовлять такія же издѣлія. На фабрикахъ въ Москвѣ стали работать бумажную термаламу, шали, кушаки въ азіатскомъ вкусѣ, которые сбывались въ большомъ количествѣ по Россіи и Азіи. Не вынося кавказскаго климата, Розановъ попалъ въ тифлисскій военный госпиталь въ 1836 г. [1]). Для готовившейся тогда экспедиціи съ моря—требовался пароходамъ уголь, котораго изъ Англіи не подвезли. Розановъ представилъ Розену, что въ Россіи можно достать своего каменнаго угля. Командированный въ августѣ 1836 г. въ Новороссійскій край, Розановъ заготовилъ 75000 пудовъ угля изъ лисичанскихъ каменоломень и сдѣлалъ сбереженія противъ цѣнъ англійскаго угля. При этомъ была возстановлена репутація русскаго угля, вопреки мнѣнія новороссійскаго генералъ-губернатора, графа *Воронцова*, и черноморскихъ моряковъ, признававшихъ годнымъ для флота одинъ лишь англійскій уголь. Въ 1838 г. Розановъ былъ назначенъ членомъ мануфактурнаго совѣта и по порученіямъ его осматривалъ фабрики и промышленныя заведенія въ Петербургѣ. Въ 1843 г. ревизовалъ при сенаторѣ Толстомъ въ Восточной Сибири многія части мѣстнаго управленія. Послѣднія три года службы управлялъ отдѣленіемъ въ кредитной канцеляріи министерства финансовъ и вышелъ въ отставку въ 1847 г. [2]).

Ник. Ал. *Полевой* въ письмѣ къ брату Ксенофонту [3]) (изъ Петербурга, отъ 12 (20) ноября 1841 г.) сообщаетъ, что

---

[1]) Стр. 134.

[2]) Стр. 135.

[3]) Записки, стр. 540.

Розановъ собирается жениться на Софіи *Познанской*, мужъ которой умираетъ. „Съ нимъ какъ то я встрѣтился, и онъ показался мнѣ по прежнему помѣшаннымъ“. Примѣчаніе называетъ Н. И. Розанова старинным пріятелемъ семейства Полевыхъ; „онъ, дѣйствительно, страдалъ временно умопомѣшательствомъ“.

Съ Велланскимъ Розановъ сошелся вскорѣ по пріѣздѣ своемъ на службу въ Петербургъ, т. е. въ 1825 г. [1]). „Велланскаго я всегда считалъ и теперь въ старости не перестаю считать, какъ регулятора всего, что было пріобрѣтено мною въ школѣ“ [2]). О немъ онъ ранѣе много слышалъ отъ директора департамента внутренней торговли и мануфактуръ и предсѣдателя коммерческаго и мануфактурнаго совѣтовъ *А. А. Дружинина* [3]). Н. И. Розановъ заслуживаетъ благодарности за свое „Воспоминаніе о Даніилѣ Михайловичѣ Велланскомъ“, написанное тепло и любовно, и сохранившее для насъ біографію этого мыслителя. Особенную цѣну имѣетъ оно, ибо основано на автобіографическихъ разсказахъ самого слѣпца и на собственноручной запискѣ, равно подлинныхъ письмахъ его [4]).

Другая заслуга Розанова: онъ обработалъ для печати, а потомъ спасъ и сохранилъ рукопись неизданнаго труда Велланскаго о животномъ магнитизмѣ; имъ же она была подарена въ Императорскую Публичную Библіотеку.

Розановъ въ продолженіе службы и въ отставкѣ по временамъ участвовалъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ *Полевого* и въ „Сынѣ Отечества“ *Греча* [5]). Будучи въ Москвѣ, онъ во-

---

[1]) Стр. 99. «Вечеръ 9 февраля 1840 г. провелъ я съ слѣпцемъ Велланскимъ: въ пятнадцать лѣтъ близкаго знакомства я тогда въ первый разъ слышалъ отъ него слѣдующее о его происхожденіи».

[2]) Стр. 130.

[3]) О немъ см. прим. стр. 131—133.

[4]) Стр. 99, прим.

[5]) Стр. 135.

дился съ литературнымъ кружкомъ Полевыхъ, къ которому принадлежали: проф. *М. А. Максимовичъ*, *М. П. Розбергъ* (позднѣе проф. дерптскаго унив.), Павелъ Михайловичъ *Строевъ* (археологъ), *И. Н. Средній-Комашевъ*, *М. Н. Лихонинъ*, *Селивановскій* (сынъ), *И. В. Поповъ* (книгопродавецъ и университетскій типографщикъ) и др. [1]).

Кромѣ „Воспоминанія", Розановъ выпустилъ въ свѣтъ еще переводъ книги *Дюпена*, о которой рѣчь въ письмѣ Велланскаго (см. выше, № VI, стр. 225).

О производительныхъ и торговыхъ силахъ Франціи. Соч. Барона Карла Дюпена, члена института, Королевской Академіи Наукъ и многихъ ученыхъ обществъ. Съ французскаго. Москва. Въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1831. Цензурное разрѣшеніе 30 декабря 1830 года цензора Сергѣя Аксакова. Посвящается пользамъ россійской промышленности и сподвижниковъ ея. Титулъ + посвященіе + Отъ Переводчика V стр.—XXXV (подп. *Н. Р.*) съ пустымъ оборотомъ + Введеніе (о возрастающемъ состояніи силъ Франціи, съ 1814 года) съ эпиграфомъ: Et Mundum regunt numeri. И Вселенная числами управляется. Платонъ,—стр. I—XC + второй титулъ и текстъ съ 3—251 стр. (пустой об. + нен. 2 (сравн. мѣръ, вѣсовъ и звонкой монеты Французскихъ съ Русскими). + Оглавленіе содержаній I—XII стр. съ новымъ ценз. разрѣшеніемъ 22 іюля 1830 г. того же цензора + листокъ (шириною въ 4 стр.) къ топографической картѣ народнаго просвѣщенія Франціи. Книга первая. Опредѣленіе и изчисленіе силъ. Глава I. Недостаточность употребляемыхъ до нынѣ средствъ для опредѣленія могущества народовъ (3—13). Глава II. Изчисленіе народа (14—25). Глава III. Изчисленіе силъ людей и животныхъ, употребительныхъ на общепо-

---

[1]) Стр. 124, прим.

лезныя работы (26—34). Глава IV. Изчисленіе силъ Промышленности (35—52). Книга вторая. Усовершенствованіе силъ. Глава I. Возможное улучшеніе физической силы людей во Франціи (53—66). Глава II. Объ усовершенствованіяхъ умственной силы народа, разсматриваемой въ отношеніяхъ ея къ Производимости и Торговлѣ (67—105). Глава III. Улучшеніе человѣческихъ силъ посредствомъ образованія сельскихъ жителей (106—120). Глава IV. Усовершенствованіе силъ и состоянія женскаго пола (121—145). Глава V. Улучшеніе и размноженіе крупныхъ животныхъ (146—178). Глава VI. Заключеніе относительно улучшеній по земледѣлію (179—190). Глава VII. Улучшеніе Производительныхъ силъ, относительно мастерскихъ и ремесленныхъ заведеній (191—197). Книга третья. Сравненіе Сѣверной и Южной Франціи съ цѣлымъ Государствомъ (198).

Предисловіе Розанова хорошо рисуетъ его общественныя воззрѣнія. Требованіе системы во всѣхъ свѣдѣніяхъ показываетъ въ немъ человѣка, привыкшаго къ общенію съ философами. (см. ниже, стр. 250).

Въ своемъ предисловіи Розановъ замѣчаетъ, что книга Дюпена есть Новая Теорія Сравнительной Статистики Государствъ, въ коей разсматривается сила и могущество оныхъ по нравственному и вещественному богатству народа (V стр.). Государственное хозяйство въ XVIII в. трудами писателей образовало особую науку (VI). Удивительное возрастаніе Франціи послѣ долгихъ годовъ раздоровъ и войнъ породило мысль объ изслѣдованіи причинъ этого явленія и открытіи вѣрнѣйшихъ правилъ измѣренія и изчисленія народной силы (VII). Статистика была описаніемъ вещественнаго состоянія владѣній относительно мѣстности и народа и потомъ производимости. При этомъ оставался нерѣшеннымъ вопросъ объувеличеніи силы и богатства народа; многіе мнили создать благосостояніе обществъ на односторонніхъ системахъ физіокра-

тизма или меркантизма. Еще Древніе полагали, что вселенная управляется числами (IX); но существенное значеніе ихъ было многимъ непонятно. Остроумные люди, пользуясь настоящими успѣхами человѣческаго ума, развили эту истину въ новой теоріи ср. статистики, отъ совершенства коей зависитъ совершенство Политики. Имя автора поставляетъ его сочиненіе „выше суда моего“. (IX).

Подъ именемъ „производительныхъ и торговыхъ силъ“ разумѣются силы человѣка, животныхъ и неодушевленныхъ дѣятелей: воды, паровъ, вѣтра въ приложеніи ихъ къ земледѣльческой, ремесленной и торговой промышленности. Соображая слѣдствія 12-лѣтней гражданской дѣятельности, авторъ представляетъ математическія доказательства, что вещественныя силы и богатство народа не только нераздѣльны съ нравственнымъ его положеніемъ, но суть слѣдствіе онаго, что всякое положительное знаніе обращается въ пользу промышленности и торговли (XII). Услуга Дюпена та, что онъ изложилъ всѣ эти истины въ общемъ, обширномъ обозрѣніи и доказалъ каждую математически, цифрами. Каждая вѣтвь общественнаго состоянія обработана въ сравнительномъ видѣ. Вообще система есть необходимое условіе яснаго изложенія и вѣрнаго понятія о предметѣ (XVI). Если допустить необходимость опредѣленія и изчисленія силъ, то можно ли отвергать (XVII), что соображенія и вѣрность разсчетовъ будутъ тѣмъ ближе къ цѣли, чѣмъ основательнѣе система. Самые изыскательные выводы о промышленности будутъ ложны въ основаніи, если поставятъ въ одномъ ряду произведенія различныхъ царствъ природы или отдѣльныхъ вѣтвей промышленности (XVIII). Въ семъ состоитъ предметъ издаваемаго сочиненія и польза его.

Названія должностей, административныхъ раздѣленій государства и т. п. оставлены въ переводѣ—французскія, а не замѣнены соотвѣтствующими русскими (хотя бы это могло содѣйствовать полезнымъ соображеніямъ), дабы не измѣнять оригинальности подлинника (XIX).

Съ измѣненіемъ общественнаго состоянія и развитіемъ понятій мѣняется и языкъ. Не касаясь общихъ измѣненій въ нашемъ языкѣ (XX), скажу, что civilisation переведено *гражданственность*, а не *образованность* или *просвѣщеніе*.

Образованность представляетъ внѣшнія стороны насъ и общества: обычаи, искусства, поступки—все изящное въ произведеніяхъ и нашихъ отношеніяхъ къ другимъ (XXI). Просвѣщеніе, напротивъ, выражаетъ внутреннія качества человѣческаго ума, озареннаго свѣтильникомъ знаній: нравы, понятія, науки, все истинное. Гражданственность представляетъ полноту всего, что̀ дѣлаетъ насъ и наружно, и внутренно истинными гражданами, т. е. объемлетъ вмѣстѣ обыкновенія и нравы, понятія и знанія, искусства и науки, производимость и богатство. Чѣмъ Государство образованнѣе и просвѣщеннѣе, тѣмъ и народъ промышленнѣе, нравственнѣе, религіознѣе, изобильнѣе, миролюбивѣе (XXII).

Посвящая пользамъ Россійской промышленности и сподвижниковъ ея сочиненіе, проникнутое духомъ высокой покорности къ предержащей власти и любовію къ человѣку, и основанное на истинной нравственности, «я почту себя щастливымъ», если его удостоятъ вниманія люди, пользующіеся общимъ уваженіемъ за просвѣщенную опытность въ правительственныхъ дѣлахъ, почтенные мои соотечественники, шествующіе столь блистательно на достославномъ поприщѣ Россійской промышленности, и люди образованные, любящіе истину и человѣчество для нихъ самихъ. Если исторія (по словамъ *Карамзина*) приноситъ пользу тѣмъ, что примиряетъ каждаго съ видимымъ несовершенствомъ событій (XXIII), то и чтеніе книги Дюпена, сравнивающей положеніе Франціи въ 1824 г. съ тѣмъ, въ какомъ она была за 40 лѣтъ, естественно порождаетъ мысль о многихъ нашихъ преимуществахъ, невольное уваженіе къ тѣмъ обширнымъ способамъ, коими обладаетъ Россія, и умноженіе коихъ упреждаетъ ходъ вещей,

съ какимъ совершенствовалось состояніе иностранныхъ государствъ.

Желательно было бы сочиненіе (по руководству Дюпена) о производительныхъ и торговыхъ силахъ Россіи; оно представило бы торжественное зрѣлище исполинской Россіи съ ея несмѣтными и разнообразными богатствами (звѣроловства, рыбныхъ промысловъ, скотоводства, земледѣлія, лѣсоводства, ископаемыхъ сокровищъ, предоставленныхъ Россіи исключительно—самою природою. Потомъ изумительныя издѣлія(по количеству, дешевизнѣ и быстрому усовершенствованію) представила бы наша промышленность (XXV). А въ той же картинѣ—богатства внутреннія: умѣренность и переимчивость, душевная бодрость и мягкосердіе Русскаго, презрѣніе къ мелкому и ничтожному, самоотверженіе, терпимость вѣръ, преданность Верховной Власти, общежительность, отсутствіе политическихъ предразсудковъ. Въ той же статистикѣ пусть явится и Правительство, пріосѣненное Августѣйшею Порфирою, съ своею силою, могуществомъ, заботою о народномъ благосостояніи, съ его мудрыми начинаніями и вниманіемъ къ дѣлу, не къ лицамъ.

Быть можетъ, и отечественному писателю удастся собрать матеріалы для подобнаго труда. Заботливость о распространеніи полезныхъ свѣдѣній сказалась изданіемъ журналовъ и газетъ по разнымъ частямъ управленія (какго: Журналъ мануфактуръ и торговли, Коммерческая газета и Виды внѣшней торговли), покровительствомъ отечественной промышленности и всѣми дѣйствіями Правительства за послѣднее шестилѣтіе. Таковы, напр., распоряженія въ Грузіи (сложеніе податей, льготы въ пошлинахъ, открытіе новыхъ пристаней, учрежденіе новой Тифлисской ярмонки, суконныхъ фабрикъ), и совершенствованія въ тонкошерстномъ овцеводствѣ, въ печатаніи ситцевъ, шелковыхъ и бумажныхъ набивныхъ матерій (XXIX), сахароваренія, открытіе *Строгоновской* школы. Затѣмъ послѣдовало избавленіе отъ по-

датей иностранныхъ овчаровъ, устроеніе въ *Остъ-Зюйдскихъ* (sic) губерніяхъ 4 овчарныхъ заводовъ. Положено начало шелковому производству въ Закавказьи. Въ Москвѣ открыта совѣщательная контора для улучшенія овцеводства, въ Таврической губ.—колонія ангальтинскихъ овчаровъ. Учреждены училище торговаго мореплаванія, мануфактурный совѣтъ съ отдѣленіемъ, комитетами, корреспондентами и выставкой, Практическій технологическій институтъ въ Петербургѣ. Можно ли не коснуться охранительной системы тарифа, сей вѣрной защиты противъ иностраннаго досужества, не упомянуть о неусыпной бдительности начальства на беззаконныхъ путяхъ тайныхъ провозовъ? Розановъ заключаетъ свое любопытное предисловіе новымъ желаніемъ скорѣйшаго наступленія времени, когда нравственная и вещественная Россія явится въ сравнительной статистикѣ на ряду съ европейскими государствами, и исторія торговли и промышленности озаритъ новымъ свѣтомъ явленія жизненной силы и быстрый возрастъ нашего отечества къ славѣ и знаменитости.

Книга барона *Дюпена*, члена Парижскихъ института и академіи, извѣстнаго своими курсами механики и прикладной геометріи, была переведена по мысли *Н. А. Полевого*, сожалѣвшаго, что ему самому некогда взяться за эту работу, а его сотрудникамъ она не по силамъ. Розановъ, не говоря Полевому, принялся за переводъ, и окончивши обширное Введеніе, прочиталъ его Николаю Алексѣевичу. Полевой одобрилъ и поздравилъ Розанова съ успѣхомъ, а въ награду за то, что указалъ сочиненіе, потребовалъ, чтобы Введеніе было прочитано передъ ихъ литературнымъ кружкомъ, который и былъ собранъ у Розанова. Чрезъ полгода рукопись перевода была черезъ предсѣдателя мануфактурнаго совѣта *Я. А. Дружинина* поднесена министру. Трудъ былъ напечатанъ на казенный счетъ съ предоставленіемъ экземпляровъ автору, который получилъ еще денежную награду и брилліантовый

перстень отъ Государя. Книга Дюпена въ продолженіе многихъ лѣтъ была въ мануфактурномъ совѣтѣ настольною книгой; проектируя общія мѣры по части промышленности и торговли, сперва заглядывали, нѣтъ ли объ этомъ предметѣ какихъ-либо сужденій у Дюпена [1]).

Розановъ слушалъ лекціи Велланскаго по общей физіологіи (въ 1828—29 гг.). Велланскій настолько довѣрялъ его литературной опытности и былъ настолько убѣжденъ въ его пониманіи философскихъ идей, что поручилъ ему стилистическую переработку своего послѣдняго труда, которому такъ и не суждено было явиться въ свѣтъ [2]). Розановъ же былъ посредникомъ сближенія Велланскаго съ Полевымъ (на почвѣ шеллинговой философіи): ему Розановъ передалъ въ Москвѣ 18 напечанныхъ листовъ „Физики“, о которой Полевой далъ лестный отзывъ. Н. А. Полевой, сидя въ Петербургѣ подъ арестомъ на квартирѣ у *Л. В. Дуббельта* (по Розанову, у дежурнаго генерала *А. Н. Потапова* [3]), просилъ только послать купить для него книгу, незадолго вышедшую въ свѣтъ. Эта книга была толстѣйшая „Физика“ Велланскаго. „Братъ мой“, говоритъ Кс. *Полевой* [4]), „еще въ Москвѣ хотѣлъ купить ее, хотя не могъ бы тамъ скоро избрать время одолѣть такую книгу; вдругъ очутившись посреди полнаго досуга, онъ вздумалъ занять его трудною работою читать Велланскаго. Тяжелыя, трудныя для чтенія, но дѣльныя книги— истинное благодѣяніе для того, кому надобно занять досугъ, иногда болѣе тягостный, нежели самая трудная работа“.

---

[1]) Стр. 124, прим.

[2]) Стр. 115.

[3]) Стр. 122.

[4]) Записки, стр. 337.

Розановъ подтверждаетъ: „Полевой (Н. А.) отзывался съ восторгомъ объ „Умозрительной Физикѣ“ и говорилъ, что единственно чтеніе этого творенія способствовало ему легко перенести нежданную опалу за смѣлую критику въ „Телеграфѣ“ на драму *Кукольника*: „Рука Всевышняго отечество спасла“ [1]).

По поводу шеллинговскихъ увлеченій Полевого *Колюпановъ* [2]) замѣчаетъ: „Характеристично для того времени, что и кружокъ Полевого съ жаромъ изучалъ Шеллинга.... Такимъ образомъ Полевой, какъ и Бѣлинскій, познакомился съ нѣмецкою философіею въ живой рѣчи, а не изучалъ ее самъ, и потому онъ только схватилъ на лету общее направленіе, не познакомясь съ самою сущностью, и не будучи поэтому въ состояніи дать ей какое-либо серьезное приложеніе“. Это строгое, хотя и врядли справедливое сужденіе Колюпанова вполнѣ согласуется съ мнѣніемъ *М. Г. Павлова*.

[illegible]

[1]) Стр. 122.

[2]) Біографія А. И. Кошелева, 1, 2, стр. 65.